

МЕЧТА. 9:59

ТИМОФЕЙ БОРОДИЧ

Я хотел бы посвятить эту книгу всем людям, с кем я когда-либо пересекался в жизни, кому улыбался или кого знал лишь мимолётно, с кем дружил, кого ненавидел, спорил, любил, терял, вновь находил. Благодаря вам моя жизнь – это удивительное, настоящее путешествие.

Спасибо вам за это. От всего сердца.

«В условиях полной гипоксии – то есть при полном прекращении поступления кислорода – клетки головного мозга начинают стремительно разрушаться. Наиболее чувствительные из них, прежде всего нейроны коры больших полушарий, подвергаются необратимым изменениям уже спустя 4–5 минут. Если в течение 10 минут не восстановить кровоснабжение, большая часть нейронов погибает, что практически исключает возможность восстановления сознания и когнитивных функций. Таким образом, десятиминутный порог при полной гипоксии традиционно рассматривается как критическая граница, после которой мозг утрачивает жизнеспособность»

ИНТРО

Серое «Пежо» вынырнуло с заправки и покатилося в сторону аэропорта. Тимоха крутанул ручку громкости на максимум – в колонках заиграли первые, до дрожи знакомые аккорды.

– «Сон растворился в темноте, я опять иду к тебе...» – пропел голос Лемоха, будто из-под панельного потолка девяностых.

Тимоха ухмыльнулся. «Кар-мэн» – это не просто музыка. Это его корни. Детство, надежды, любовь и беззаботность. Единственный диск, кочевавший из машины в машину, как оберег от полного распада сознания.

Дорога к аэропорту, который был его проклятием и вечной головной болью, поздней осенью пустовала.

Серое «Пежо», серое небо, серый асфальт.

Редкие фары на встречке.

Впереди тащился автобус – ярко-синий, с изображением цветущего заката на борту и наклейкой «ДЕТИ» на заднем стекле, как будто она действительно могла остановить неприятности для маленьких пассажиров.

Тимоха нажал на газ.

Колёса зашипели, «Пежо» вздохнул – и нехотя ускорился. Музыка рубанула припев:

– «Я на рулетке жизнь свою поставлю...»

Он сравнялся с автобусом и машинально глянул в окна. Детские глаза – десятки, может, сотня. Лица, будто вырезанные из коллективной фотографии детского сада, смотрели на него с выражением: «Ты кто вообще такой?»

– Чернобыльцы, – пробормотал Тимоха. – В Италию, небось, летят. Пиццу есть и по пляжам носиться. Везёт же.

И тут – как прямой удар в солнечное сплетение.

Кошелёк.

Мгновенная паника – не страх, а злость. Сначала на себя. На память. Потом – на весь этот мир.

Он чётко увидел: прилавок заправки, забытый кошелёк. Там не было богатств национального банка республики, но были карты.

Карточки.

Всё.

Почему-то за них Тимоха переживал больше всего. Их надо

восстанавливать, писать заявления и объяснения, а потом долго и мучительно ждать готовности.

– «Чао, бабино, плачет синьорина...» – добивала песня с тем самым мерзким ехидством, с которым вселенная любит давать уроки.

Тимоха выругался, врезал по тормозам, не глядя в зеркала выкрутил руль, пересёк разделительную полосу, влетел в траву, оставив на ней две чёрные борозды – будто кто-то пытался выцарапать ногтями слово «назад» на теле земли.

Обратный путь прошёл в тишине.

Голову заполнили леденящие душу картинки: пустой прилавок, чужие руки, копающиеся в его кошельке, заблокированные счета.

Но заправка встретила его равнодушно и молча.

Кошелёк лежал на месте.

Спокойно. Без происшествий.

Как будто никто и не пытался его тронуть.

Как будто он никому, кроме Тимохи, и не был нужен.

В душе воцарилось спокойствие. Густое, как туман на трассе ранним утром. Ни просвета, ни смысла, но – тихо.

Кошелёк на месте.

Выдох.

Можно ехать. Можно – в ненавистный аэропорт, где уже начинался утренний разбор полётов. Или, как его называл сам Тимоха, – бессмысленный ритуал жертвоприношения нереализуемых идей к ногам начальника-дебила.

Там опять будет концерт: крик о невыполненных задачах, στε-нания о полном пиздеце, обвинения в саботаже, сломанный шлагбаум, вороватые и иногда пьяные подчинённые и ушат словесного говна, который регулярно выливался на Тимохину несчастную голову.

Но выбора не было. Работа – не меню в столовке. Тут не выбирают.

Ну что ж. В путь.

Серое «Пежо» в очередной раз вынырнуло с заправки – будто переродилось – и, сорвавшись с места, рвануло по трассе в сторону аэропорта. Машина фыркнула, закашлялась на второй, но взяла себя в руки. Тимоха тоже.

В колонках снова заиграл «Кар-мэн». Теперь уже дуэтом – Лемох с Титомиром пели про прощание с Лондоном.

«То чау, то гудбай. И ни одного привета», – подумал Тимоха и впервые за день засмеялся. Громко и вслух. Не то чтобы смешно – просто мозг от безысходности выдал единственную позитивную мысль, чтобы не сойти с ума до того момента, пока на горизонте не появится навигационная башня аэропорта.

Машина вышла на крейсерскую. 160 км/ч – максимум, который этот старый француз мог выжать из себя, если сильно попросить.

В заднем зеркале остались чёрные полосы на разделительной.

След.

След разворота.

След паники.

След того, что он хоть что-то вспомнил.

А ведь мог забыть. Мог доехать до работы. И остаться там – без карты, без денег, без права на кофе с сигаретой.

Тимоха глубоко вздохнул и сделал погромче.

Музыка лилась как наркотик. Не лечила, но притупляла.

Он знал, что впереди ждёт новая порция мерзости.

Но сейчас – на этой скорости, в этой машине, под эту музыку – он ещё был свободен.

Хоть пару минут.

Вдалеке, сразу за поворотом, неуверенно клубился дымок – сначала тонкий, как выдох после сигаретной затяжки, но с каждым метром он становился гуще, темнее, плотнее. Тимоха чуть приподнялся над рулём, пытаясь разглядеть.

Через несколько секунд «Пежо» вылетел на прямую, и у него похолодело внутри.

Охуеть.

Тот самый автобус.

Ярко-синий, с закатом на борту и идиотски наивной наклейкой «ДЕТИ» – лежал в кювете.

И горел.

По-настоящему, жадно, с ревом. Как будто пытался сжечь сам факт своего существования.

Тимоха машинально выдохнул:

– Пиздец.

Он резко вжал тормоз. Машина юзом остановилась у обочины. Всё – движение, мысли, страхи – схлопнулось в один точечный момент.

Что делать?

Ответа не было. Только огонь. И хаос.

Рядом с автобусом бегали люди. Кто-то в панике метался от дороги к горящей машине. Дети валялись на земле: кто-то вставал, кто-то полз. Ветер гнал к нему запах пластика, металла и чего-то ещё – того, чего не должен чувствовать человек, не бывавший в катастрофе.

Внутри всё оборвалось. Тимоха выскочил из машины.

Весь мир сузился: крик, огонь, дети.

Никаких других машин. Пустая трасса. Ни сирен, ни мигалок.

Один он.

И этот ад.

Он бросился к автобусу. Инстинкт толкал вперёд, но ноги слушались с трудом. Заднее окно – или то, что от него осталось – было разбито, и через него можно было пролезть.

Он остановился.

Оцепенение.

Как в детстве, когда впервые увидел дохлую собаку в лесу на даче. Только тут – не собака. Тут – дети.

Крик. Женский. Пронзительный.

– ТАМ ДЕТИ!!!

Этот крик разорвал внутреннюю прострацию, как игла в руках стоматолога, задевающая нерв в зубе.

Он бросился вперёд.

Тимоха нырнул в автобус – и мгновенно оказался будто в жерле вулкана. Внутри – стены, потолок, воздух – пульсировали от жара. Плавился пластик, капал с поручней, кресла вспыхивали рывками, как слежавшаяся одежда.

Дышать было невозможно. Воздух не просто жёг – он вгрызался в лёгкие, как наждачка, пропитанная ацетоном и страхом.

В салоне действительно были дети.

Кто-то полз. Кто-то кричал. Кто-то просто сидел в ступоре – как марионетка, у которой оборвали нити.

Он схватил ближайшего ребёнка и, поднатужившись, вытолкнул через разбитое заднее окно. Стекланные осколки впились в предплечье – он даже не заметил.

Автобус лежал на боку. Каждый шаг превращался в проклятую полосу препятствий: сломанные поручни, раскалённые ручки, острый металл.

Он ползал по накренившемуся салону, перелезая через кресла. Те, кто был ближе к середине, уже не плакали. Только смотрели. В точку. В пустоту.

Дышать было нечем.

Он пытался затаить дыхание, как в детстве – в подвале с краской, в озере, где нырял с разбега. Но дым – вязкий, жирный – не отпускал. Вгрызался в глаза, заползал в рот, душил.

В голове пульсировала только одна фраза:

«Успей. Хоть кого-то. Хоть ещё одного».

Секунды тянулись вечностью.

Он хватал, тащил, вытаскивал, бросал.

Маленькие. Раненые. Кричащие. Иногда – молчащие. Иногда – уже без сознания.

Он нырял в пекло снова и снова. Каждый раз думал:

Вот этот. Последний. Потом – вылезу.

Но крики рождались в глубине автобуса заново – где-то в дыму, за очередным рядом.

Он уже не чувствовал тела. Только движение.

Механика спасения.

И вот – тишина.

Только треск горящего салона.

В ушах звенело. В лёгких – пустота.

Пора.

До окна – полметра. Всего лишь вытянуться.

Шаг. Ещё. Рывок...

Взрыв.

Вспышка. Волна. Жар.

Свет.

Свет, который не греет.

Свет, который забирает.

На секунду стало очень тихо.

Потом – ничего.

На следующее утро все газеты страны вышли с одинаковыми заголовками:

«ТРАГЕДИЯ ПОД АЭРОПОРТОМ»

«ГЕРОЙ, КОТОРОГО МЫ НЕ ЗНАЛИ»

«ОН ВЫНЕС ИХ ИЗ ОГНЯ»

В коротких новостных колонках говорилось:

Автобус, перевозивший детей в аэропорт, откуда они должны были отправиться на отдых в солнечную Италию, потерял управление за двадцать километров до главной воздушной гавани страны. Машина перевернулась, легла на бок и загорелась. Пламя, чёрный дым, паника – всё это длилось считанные минуты.

Пострадало сорок детей, четверо – в тяжёлом состоянии. Но, как писали журналисты, «по счастливой случайности никто из них не погиб».

Счастливая случайность имела имя.

Молодой человек, проезжавший мимо на стареньком сером «Пежо», остановился, бросил машину на обочине и кинулся в огонь. Он вынес из салона восемнадцать детей. По одному. На руках. Через дым, треск металла и горящий пластик.

А потом автобус взорвался.

Он не успел.

Его звали Тимофей.

О нём узнали из документов, найденных в «Пежо» – в бардачке, рядом с диском группы «Кар-мэн» и смятым чеком с заправки.

Первые репортажи были сухие, почти протокольные. Но уже к полудню на телевидении начали появляться свидетели.

Женщина с закопчённым лицом рассказывала, как парень возвращался в автобус снова и снова, будто не мог остановиться.

Водитель автобуса говорил, что в глазах этого парня не было страха – только злость и какая-то странная решимость, «как у тех, кто уже всё для себя определил».

В соцсетях и новостных пабликах начали выкладывать фотографии: обгоревший автобус, кроссовок, валяющийся на обочине, и тот самый серый «Пежо» с дверью, оставленной настежь, будто хозяин вышел только на минуту.

В какой-то газете напечатали маленький абзац:

«Он спас чужих детей. И погиб, не успев спасти себя».

Через три дня город превратился в огромную траурную улицу.

Казалось, пришли все. Те, кто знал Тимоху лично. Те, кто видел его в новостях. Те, кто просто не смог остаться дома, потому что сердце подсказало – надо быть здесь.

По главному проспекту медленно двигалась чёрная процессия. Впереди – катафалк, обтянутый чёрной тканью и украшенный венками. За ним – тысячи людей: родители спасённых детей, приехав-

шие из далёкой, забытой богом области, откуда они направлялись в ту самую Италию. Соседи. Случайные прохожие. Школьники в форменных куртках.

В руках у людей – фотографии Тимохи, свежие цветы, венки с золотыми буквами.

На некоторых снимках он улыбался.

На других – смотрел в объектив серьёзно, словно знал, что этот кадр когда-нибудь станет последним.

Город замер.

Дороги опустели. Витрины магазинов были закрыты, а тишина – такой плотной, что слышно было, как хрустит под ногами первый снег и как по тротуарам катятся случайные сухие листья.

Герой нашего времени отправлялся в последний путь.

За катафалком шли родители Тимохи.

Отчим – побелевший, как мел, будто с него стерли все краски жизни.

Отец – тот самый, что за последние четыре года ни разу не приехал, а теперь появился ради этого пути. В последний раз.

Мать шла рядом, вцепившись в платок так сильно, что побелели костяшки пальцев. Её шаги были сбивчивыми, будто сама земля под ногами отказывалась держать её.

Рядом шёл сын – маленький, потерянный, не до конца понимающий, почему взрослые плачут и куда уносят того, кто ещё вчера назывался его отцом.

Чуть в стороне – бывшая жена. На её лице застыла невыносимая боль, перемешанная с гордостью. Боль – за утрату. Гордость – за то, что даже в своей разбитой жизни он сумел совершить поступок, на который решились бы единицы.

Когда процессия остановилась у храма в центре города, тишину прорезал низкий гул моторов. С обратной стороны улицы показались кортеж: сине-красные машины с включёнными проблесковыми маячками и большой чёрный «Мерседес» с флагом вместо номера.

Президент приехал проститься.

Он вышел из машины, подошёл к родителям, обнял мать, крепко пожал руку отчиму. Потом встал перед микрофоном, глядя на людей, собравшихся на площади, и произнёс:

– Этот человек пожертвовал собой ради детского смеха, ради жизни, ради будущего. Его подвиг останется в памяти каждого, кто сегодня стоит здесь.

Толпа слушала, не дыша.

А в стороне, на ступенях храма, кто-то тихо включил старенький магнитофон. И из потрескивающих динамиков зазвучало:

«Сон растворился в темноте, я опять иду к тебе...»

Троллейбус дёрнулся, и Тимохина голова, прислонённая к заледеневшему стеклу, качнулась. Лёд под его виском начал медленно таять, оставляя влажное пятно, и Тимоха вышел из забытья.

Он всегда представлял свою смерть именно так – громкую, достойную, чтобы запомнили. Герой, которого оплакивает весь город. Чёрные ленты на фотографиях, тысячи людей в траурной процессии. В голове – одна и та же сцена, отрепетированная сотни раз в фантазиях: перевёрнутый горящий автобус, он в огне, крики детей, хаос, дым, и потом – медленный проход по главному проспекту под звуки оркестра, слёзы близких и скорбь на лицах незнакомцев.

Троллейбус ускорялся, колёса скрипели на наледи, будто сопротивлялись дороге. В салоне стоял холод, пахло мокрыми куртками, перегаром и старой проводкой, которая давно не знала ремонта.

По щекам Тимохи текли слёзы. Не от холода – от того кома, что распух в горле и не давал вдохнуть. Изнутри его выворачивало, рвало на куски.

Да, вот это был бы финал. Достойный.

Только в реальности его конец, скорее всего, окажется мелким, невыразительным – без кортежей, без речей президентов. Никто не напишет в газете заголовок про «героя, спасшего восемнадцать детей». Никто не вспомнит.

И конец был близок. Как никогда.

Скоро выходить. До дома осталось всего несколько остановок.

Так же, как и до момента, когда он, наконец, подлечится – и вычеркнет из головы все эти грёзы о подвиге и смерти.

Укол – и тишина.

Только она и останется.

ГЛАВА 1

“ДОМОЙ”

Каждый квадратный миллиметр квартиры пропитался запахом растворителя, уксуса и боли.

Боли не физической – физическая боль конкретна, локальна и, как ни странно, всегда даёт надежду на то, что когда-нибудь сможет закончиться.

Нет, это была боль безысходности и отчаяния – тонкая, как стенка гниющего зуба, и въедливая, как дешёвый освежитель воздуха с запахом «океанского бриза». И у неё не было конца.

Пахло так, будто здесь пытались стереть не только потрескавшуюся краску с батарей, но и всё прошлое – жёсткое, как залежавшийся недельный хлеб, и бесполезное, как диплом инженера в начале девяностых.

Где-то на кухне, среди брошенных на пол бычков сигарет и пластмассовых гаражей от баянов, стояла эмалированная миска. Прокопчённая, с отколотым краем, с пятном ржавчины – похожим на материковую карту несбывшихся мечт. Этот предмет не был просто утварью – он был сердцем квартиры.

Миска знала всё. В ней кипела жизнь – но не та, что плещется в бокалах просекко на летних верандах Патриков. Нет. В этой миске медленно, надуваясь коричневыми сиропными пузырями, рождалось то, что позволяло Тимохе хоть как-то продолжать своё существование.

Он не называл это «варкой». Не говорил «варю» – звучало слишком банально, как у всех наркоманов. Он говорил: «творю». Как будто в его руках происходил алхимический процесс. Очищение. Растворение. Вознесение.

Растворитель, аспирин, уксус и электрическая плитка – газ отключили за неуплату ещё весной. Всё это превращалось в ритуал: сакральный, тихий, мертвенно-зависимый.

Тимоха наклонялся над миской, как священник над чашей причастия. Вдох – выдох.

Кора садилась на стенки и дно миски, как надежда, которая не умеет доживать до утра.

Тимоха знал, что всё это однажды закончится. Некрасиво, без

спасения детей из горящего автобуса, без траурных процессий по главному проспекту города и не в слезах любимой женщины. И даже не в белом халате частной клиники с панорамными окнами. А очень буднично – так же, как однажды отключили газ: без звука, без прощания, без предупреждения. И это ещё в лучшем случае.

Но пока в доме была эта миска, пока пальцы помнили все этапы «творчества», пока вонь растворителя вплеталась в стены квартиры, как сигаретный дым в шторы, – Тимоха существовал.

Его жизнь давно стала жалкой, как старый бабушкин диван, потерявший форму и набитый кошмарами.

Жена выгнала его из дома, нарочито громко хлопнув дверью у него за спиной.

С сыном – одни проблемы и запреты. Последний визит к ребёнку, который иногда гостил у тёщи, закончился позором: Тимоха едва держался на ногах, глаза – стеклянные, дыхание – рваное. Ему показалось, что никто не заметил, как он вытащил из кошелька тёщи единственную купюру. «Филигранно», – думал он тогда. Через час эта купюра уже шуршала в венах, превращаясь в мутное тепло, которое ненадолго делало мир терпимым.

На следующий день дверь ему открыл тесть. Его глаза были холодны, как лёд в стакане дешёвой водки. Сухо, без эмоций, он произнёс, что Тимоха больше не переступит порог их квартиры. И в тот миг окончательно оборвалась тонкая нить, связывавшая его с сыном. Теперь мальчика он видел только раз в месяц, когда того привозили к бабушке и деду – Тимохиным родителям.

Месяц назад Тимоха продал машину – то самое серое «Пежо», на котором в своих грёзах геройски спасал детей из горящего автобуса.

Продал... громкое слово. На самом деле – обменял на мешок мака и горсть мелких денег, которых хватило ровно на пару дней оглушительного торча.

Ещё недавно он смеялся над наркоманами, которые «прокалывают» свои квартиры и машины.

«Со мной такого не будет», – уверял он. Но история, от которой он отмахивался, стала его действительностью.

За квартиру он тоже не платил – на работу не ходил уже месяц. Соврал начальнику, будто заболел, но больничный так и не замутил. Каждую ночь обещал себе: «Завтра точно к врачу».

И каждую ночь, склонившись над своей заветной миской, наблюдал, как в ней рождаются густые коричневые пузыри. Они вспухали и лопались с тем же звуком, с каким рушились остатки его жизни.

Хуй с этой работой.

Его мир теперь сводился к этой миске. Она заменила ему всё – работу, семью, даже надежду. В её эмалированных стенках отражались последние остатки его воли. И каждый раз, когда пары растворителя и уксуса впивались в стены квартиры, Тимоха понимал: его жизнь превратилась в мрачный и гнилой ритуал, в бесконечное «творчество», которое не приносит очищения и удовольствия, а лишь отмеряет время до конца.

И однажды миска заговорила.

Сначала тихо – будто сквозь скрежет собственного ржавого бока – она прошептала у Тимохи в голове:

– Ну что... пора.

Тимоха вздрогнул, отдёргнулся, будто его коснулся ток от оборванного провода торшера, стоявшего в коридоре.

«Показалось», – подумал он.

Но шёпот вернулся в голову – настойчивее, растягивая каждое слово, как сладкую муку:

– Д-а-вай... п-о-ра.

Смысл этих слов он понял сразу, без перевода. Настал момент. Время уходить.

Оставить позади квартиру, пропахшую растворителем, болью и безысходностью.

Покинуть облупившиеся стены, жёлтые обои и заляпанный пол, где он гнил вместе с миской.

Взмыть – ну, скорее всего, вверх, к небесам...

Хотя, зная его грехи, дорога могла вести и в иные пространства – туда, куда обычно отправляют души прокажённых.

Тимоха слушал, как миска дышит вместе с ним, как в пузырях её содержимого отражается его лицо – усталое, бледное, с залитыми кровью глазами.

И в этом отражении он впервые увидел правду: миска звала его не к новой варке. Она звала его домой.

Любой здравомыслящий человек спросил бы себя: «Какого чёрта здесь происходит?»

Но здравомыслие — роскошь, которую Тимоха давно не мог себе позволить.

Остатки разума, как уксусные пары, медленно испарялись — из комнаты, из тела, из жизни.

Он уставился в миску и тихо, вслух спросил:

— Уже?.. Так быстро?

Миска молчала. Лишь бульканье на её дне тянулось тоскливой мелодией.

И этого было достаточно, чтобы понять — ответа не будет.

И вдруг перед глазами вспыхнул образ.

Маленький мальчик с кудрявыми волосами — тот самый, что смотрел с фотографии в секции у матери.

Тимоша, ещё ребёнок, босиком несущийся по дачной улице, захлёбывающийся смехом. Беззаботный. Он не знал, что впереди. Он просто бежал — навстречу солнцу, навстречу жизни.

Иногда он оборачивался и взмахом руки звал за собой.

У горла Тимохи встал ком.

Такой же, как тогда, в троллейбусе, когда он представлял свою героическую смерть — среди огня, детей и перевернутого автобуса.

Только сейчас было больнее.

Слишком больно.

И тут миска снова зашептала глубоко в Тимохиной голове — томно, вязко, ещё больше растягивая слова, словно наслаждаясь каждым звуком:

— Ты го-тов?..

— Сейчас... сейчас... — прохрипел Тимоха, будто очнувшись.

На миг его взгляд прояснился. Он попытался оторвать миску от плитки, бросил и пошёл к холодильнику.

На облупленной крышке сверху лежал блистер таблеток.

Скорее всего, снотворное. Или что-то похожее.

Тимоха не был уверен, да и какая теперь разница?

Он выдавил из пластика все таблетки на ладонь, как выбитые зубы, сыпал их в стакан и тщательно раздавил ложкой. Потом плеснул немного воды, размешал и выпил мутную жижу в миску.

— Теперь готов, — сказал он вслух.

Бросив в миску фильтр от сигареты, Тимоха выбрал всё содержимое в баян.

Он прошёл в комнату.

Диван, старая тумбочка с пыльным телевизором и приставка, которую он почему-то никогда не протарчивал.

Она оказалась дороже машины, дороже всего.

Может быть, потому что напоминала: когда-то он умел радоваться – пусть даже игре.

Тимоха сел на диван, привычным движением перетянул руку ремнём и выдохнул сам себе:

– Ну вот и всё. Приехал, Тимофей.

Очень хотелось задержаться в этом моменте. Зацепиться за воспоминания, дать себе ещё немного времени.

Но он слишком хорошо знал себя: дай пару секунд – и он переживает. Разделит дозряк на части, снимет боль на несколько часов, и всё снова повторится.

Он бросил взгляд на приставку – как на последнюю ниточку, что связывала его с этим миром.

В её молчаливом присутствии было что-то странно живое.

Но Тимоха отвернулся.

Медленно, с автоматической точностью, он ввёл иглу под кожу.

Несколько выверенных движений – и мутный коричневый раствор смешался с бордовой струёй контроля.

Оставалось только одно – нажать на поршень.

Он давил медленно, тяжело, словно сопротивлялся самому себе.

Каждая доля секунды – как последний шаг по собственной жизни.

Поршень упёрся в основание баяна.

Вот и всё.

Бесславный финал.

Может, тело найдут через несколько дней – в неестественной позе на полу, когда родители поднимут тревогу: «Сын пропал».

А может, ещё вечером его обнаружит Хокс – приятель, который часто заглядывал, чтобы «свариться» вместе.

Но Тимоха уже не думал об этом.

Все земные сценарии утратили значение.

Раствор с десятком таблеток снотворного уже разливался по венам.

Сначала на комнату лёг туман. Лёгкий, едва заметный – как дым от сигареты, забытой на подоконнике.

Он стелился тонкой вуалью, касался мебели, шевелил потолок.

Но постепенно становился плотнее, тяжелее, и уже не окутывал – а скрывал.

Стены начали размываться. Кресло вытянулось, тумбочка будто провалилась вниз.

Окно исчезло, словно его никогда не существовало.

Всё растворялось, как содержимое пакетика «Смекты» в стакане тёплой воды.

Вдруг туман изменился. Перестал быть воздухом – стал вязким, тягучим.

В один миг он собрался в монолит и превратился в темноту.

Настоящую, крошечную, в которой не существовало ни линий, ни намёков на свет.

Медленно сползая с дивана, Тимоха начал проваливаться в неё.

В липкую тьму, которая обволакивала его тело, пила остатки жизни и разрасталась всё мощнее.

Сначала она заполнила комнату, а потом хлынула дальше – за дверь, поглощая квартиру, подъезд, дом, улицу.

Мир исчезал, словно его никогда не было.

О смерти он уже не думал.

Он просто лёг в руки этой стихии, и она понесла его – как водоворот, готовый проглотить окончательно.

Тимоха сделал глубокий вдох, как перед прыжком в воду.

Но задержать дыхание не вышло: дышать было уже бесполезно.

Темнота сгущалась так, что перестали существовать даже намёки на очертания.

Он нащупал рукой табурет, но тот предательски отлетел в сторону, и Тимоха рухнул с дивана на пол всем телом.

Хрип сорвался с его груди, будто он пытался вырваться из водоворота, но тот лишь сильнее стягивал.

Тело забило в конвульсиях, словно по нему пустили короткий, но мощный разряд дефибриллятора.

Ещё миг.

И он обмяк.

А где-то на кухне, на включённой электрической плитке – забытой и перегретой – миска начала покрываться тонкими трещинами. Эмаль шипела, металл стонал под жаром.

И в последний миг она словно собрала остатки своей жизни, чтобы выдохнуть в пустоту одно-единственное слово:

– Прощай.

Но Тимоха не сопротивлялся. Он лежал в темноте, как на дне чужого сна, и смотрел в пустоту.

Резко звук оборвался, и Тимоха понял: он не парит в темноте, а лежит на чём-то осязаемом.

Пальцы нащупали поверхность – гладкую, тёплую.

Когда-то у бабушки в хрущёвке был деревянный пол из досок, покрытых терракотовой краской; по ощущению – это был именно он.

Наконец нашлась точка опоры.

Фигуры во тьме исчезли.

Тимоха поднялся и сделал шаг.

Половица откликнулась – скрипнула тем самым звуком далёкого детства.

Второй шаг – тишина.

Третий – снова короткий, тянущийся скрип.

– Чудесно, – подумал Тимоха. – Ад не так уж и плох.

Вопрос, куда идти, не стоял – только прямо.

И он, шаг за шагом, двинулся вперёд – по доскам, что выводили его из мрака, будто нить Ариадны, натянутая между прошлым и тем, что ждало впереди.

Куда именно он идёт, Тимоха даже не представлял.

Да и, учитывая, что чувства у него словно атрофировались, интереса к происходящему он не испытывал.

Только вперёд.

Механически.

Но в голове рождались странные мысли:

Неужели загробный мир такой?

Тьма, пустота и старый деревянный пол со скрипом половиц.

Удивительно. Почти смешно.

А где же обещанный тоннель?

Где свет в конце?

Где золотые врата, огненные котлы или фурии из восточных сказок?

Или гурии? Как там их?

Ничего этого не было.

Только темнота, только скрип, только шаги.

И вдруг – во тьме, очень-очень далеко, вспыхнул огонь.

Красно-жёлтый. Маленький. Но – живой, тёплый.

Тимоха ускорил шаг.

С каждым движением пламя становилось всё крупнее, ближе, и вдруг его осенило: камин.

Да, именно камин.

И действительно, через какое-то время он различил в темноте очертания: камин, из пасти которого вырывался трескучий язык пламени.

Огонь отбрасывал свет на несколько метров вокруг, и тьма, словно подчиняясь его власти, отступала, прячась за стены.

Рядом с камином стояло огромное кожаное кресло.

У его подножия, в тени, свернулся королевский дог – статный, как живая скульптура.

Над креслом вился тонкий дымок – сигара или сигарета, было трудно понять.

Блики огня ложились на чёрный ворсистый ковёр, цеплялись за стены, и постепенно из тьмы проявлялась целая комната.

Казалось, это был павильон для съёмок фильма или ток-шоу: три стены, камин, кресло, ковёр и дог.

Всё остальное – бездна.

И в этот момент Тимоха понял: кресло не пустое.

Там кто-то сидит.

Он сделал шаг внутрь.

Половица пронзительно скрипнула – так громко, будто этот звук разорвал саму тьму.

Из-за края кресла показалось лицо.

Неясное в отблесках пламени, но до боли знакомое.

И голос – низкий, спокойный, будто ждавший его вечность:

– Ну наконец-то... Вот ты и дома.

ГЛАВА 2

“ДОМА”

Иногда человек попадает в места, которые вдруг начинают казаться знакомыми.

Это похоже на дежавю: не всё целиком, а лишь детали – блик на стекле, пятно на стене, запах, вкус, едва уловимый штрих. Кажется, будто ты уже был здесь, но разум твердит: нет, это первый раз.

Именно это сейчас происходило с Тимохой.

Комната с камином, кожаным креслом, ковром и догом у огня была для него абсолютно новой. Но в ней жило что-то невыносимо родное, до боли близкое. Будто он уже встречал этот интерьер – во сне, в фильме, в давно забытой фантазии, которая теперь вдруг обрела состояние и форму.

От этого чувства становилось тревожно и тепло одновременно. Словно сама память подсовывала ему ключ от двери, которую он не мог открыть.

Где-то в глубине мироздания, за пределом жизни, в логове смерти – там, где царила крошечная тьма, слегка отодвинутая пламенем камина, – стояла эта комната. Теперь Тимоха мог рассмотреть её внимательнее.

В центре – огромное кожаное кресло, массивное, словно вырезанное из куска ночи. Перед ним – ковёр глубокого чёрного цвета, ворсистый, будто дышащий своей скрытой жизнью. Чуть правее – узкий диванчик, на котором невозможно было растянуться во весь рост. Подушки валялись неровно, как оставленные кем-то давным-давно бесполезные элементы интерьера.

Перед креслом стоял журнальный столик из тёмного дерева. На нём – стопка: то ли документов, то ли вырезок из газет. Но даже отсюда было видно: это не простые бумаги. Они хранили значимый вес – словно в этих листах заключались чужие судьбы или забытые воспоминания, готовые ожить при малейшем прикосновении.

Комнату освещал камин. Его пламя бросало тёплые отблески, оживляло стены, играло на поверхностях. Но чем дольше Тимоха смотрел, тем отчётливее понимал: свет исходил не только от огня. Казалось, сама пыль в воздухе тихо люминесцировала, превращая пространство в нечто живое, дышащее, неохотно открывающее свои очертания.

Стены были угольно-чёрными, без украшений. Но именно они делали пространство зримым. На двух противоположных стенах находились двери – по пять с каждой стороны. Тяжёлые, одинаковые, без ручек и замков, они стояли друг напротив друга, как молчаливые стражи. Их симметрия придавала комнате странное, ритуальное величие.

Перпендикулярно этим рядам возвышался камин. Всё здесь вращалось вокруг него – вокруг пламени, которое не грело, а лишь открывало путь вглубь этой бездны.

В комнате было лишь два обитателя: дог у камина, которого Тимоха заметил первым, и хозяин кресла, встретивший его словами о возвращении домой.

Дом.

Очень странное слово для этого места.

Своим домом Тимоха мог назвать разве что квартиру, пропахшую уксусом и растворителем, или, в лучшем случае, родительскую – ту, где он вырос и прожил лучшие годы. Но чтобы вот это – чёрная комната, камин, кресло и бездна за стенами – называлось «домом»? Нет. Пока он не понимал.

Он сделал шаг внутрь. Половица пронзительно скрипнула, подтверждая реальность происходящего. Тимоха всмотрелся в лицо сидевшего в кресле – если это вообще было лицо человека. И обомлел. Он знал эти черты. Видел их сотни, если не тысячи раз. На экране телевизора. На огромном экране кинотеатра.

Фигура поднялась. Легко, уверенно, держа ладонь на спинке кресла, хозяин обошёл его сбоку и встал перед Тимохой во весь рост.

И тут сомнений в знакомости лица не осталось: перед ним стоял Сет Гекко.

Тот самый.

Или, правильнее сказать, Джордж Клуни в образе Сета из «От заката до рассвета». Тимоха узнал всё: татуировку, заходящую на шею, о которой он мечтал с первого просмотра фильма, пиджак поверх белой майки и этот взгляд – холодный, ироничный, как у человека, который уже всё видел и знает, как поступить.

Взгляд человека, пережившего кровавую баню в кабаке, наполненном вампирами, где-то в бескрайних мексиканских просторах.

Тимоха застыл. В комнате повисла глухая тишина. Её нарушали лишь дыхание дога и треск поленьев в камине.

Пауза длилась вечность.

– Проходи, – произнёс знакомый незнакомец негромко, но так, что слова ударили прямо в виски.

Тимоха так и остался на краю комнаты. Сделать второй шаг оказалось труднее, чем он думал. Будто сама тьма за пределами комнаты цеплялась за его ноги, удерживала, шептала: «Остановись».

– Проходи, – повторил голос спокойно, без давления, но так, словно он владел не только этим местом, но и самим воздухом. – Я знаю: ты не боишься. Ты просто не понимаешь, что происходит. И это нормально. Я всё объясню. Даже больше, чем ты можешь представить. У нас впереди много времени... и многое, о чём придётся поговорить.

Сердце грохотало в груди, пытаясь пробить рёбра изнутри. Тимоха не мог поверить: с ним разговаривал его киношный кумир юности. Самый любимый герой самого любимого фильма. Да, отрицательный персонаж – но настолько обаятельный, что всегда хотелось быть похожим на него.

Губы дрогнули. Тимоха попытался ответить, но язык словно прилип к нёбу. В горле стало сухо, как в египетской пустыне, в которой Тимоха никогда не бывал.

Вместо слов вырвался только жалкий звук:

– Эээ...

Тишина снова сомкнулась. Лишь треск поленьев и тяжёлое дыхание дога под боком заполнили паузу, растянувшуюся в вечность.

Сюр становился всё острее.

Оказалось – нет ада, нет рая. Есть только комната.

Комната с Джорджем Клуни в образе Сета Гекко.

И, возможно, именно он – апостол Пётр. А двери по стенам – вовсе не мебель, а врата чистилища.

Тимоха поднял голову вверх, надеясь увидеть лампы реанимации, которые могли бы выдернуть его из этого места. Но там, где должен был быть свет, висела лишь вязкая тьма. Она жадно пожирала даже блики каминного пламени.

– Это какой-то пиздец... – прошептал он.

– Да проходи ты уже, – голос Клуни стал чуть напряжённее, в нём сквозанула мягкая приказность.

Королевский дог, до этого лежавший неподвижно у камина,

поднял голову и лениво зарычал. Не зло, не угрожающе – скорее для проформы, подтверждая слова своего хозяина.

И стало ясно: шагнуть вперёд придётся. Тимоха зажмурился, собрался – и сделал первый шаг.

Раз – и он уже у спинки массивного кожаного кресла.

Второй – обошёл хозяина этого странного места, даже не догадавшись протянуть Клуни руку, будто здороваться здесь было неуместно.

Третий шаг – рядом с догом. Тимоха краем глаза скосил взгляд, внутренне сжался: собака лежала спокойно, но её дыхание казалось тяжёлым, осознанным, как у живого сторожа, которому не нужны команды.

Четвёртый – обогнул кресло с правой стороны, чувствуя, как в груди пульсирует тишина, нарушаемая лишь треском камина.

И, наконец, пятый. Он достиг узкого диванчика и сразу понял: да, это его место. Невзрачное, тесное, чужое – но единственно возможное.

Со стороны его шаги выглядели бы точными, даже выверенными, словно он уже не раз проходил этот маршрут. Как будто в других жизнях, в забытых снах или параллельных мирах он делал эти пять шагов тысячи раз.

Клуни–Сет наблюдал за Тимохой с лёгкой усмешкой, будто его неспешное дефиле было частью спектакля, давно им самим поставленного.

– Присаживайся, – произнёс он спокойно, почти мягко. – Я хочу тебе кое-что рассказать. Но сначала – ответу на твой вопрос.

Тимоха медленно опустился на диван. Снаружи он казался неудобным, узким, но стоило коснуться его, как он раскрылся, обволакивая тело неожиданным комфортом, теплом и каким-то домашним уютом. Будто диван помнил его самого лучше, чем он себя.

Но ключевое – в том, что Тимоха не задал этому человеку ни единого вопроса, чтобы получить на него ответ.

Клуни занял своё кресло. Сделал это с такой грацией, словно всё происходящее было обычным вечером в гостиной, а не разговором на границе жизни и смерти. В руках у него появилась толстая сигара – откуда, Тимоха даже не заметил. Он неспешно зажал её в зубах, достал длинные спички – те самые охотничьи, которыми в детстве с друзьями зажигал костры.

Щёлк – пламя на мгновение осветило его лицо, сделав черты ещё более резкими и нереальными.

Клуни прикурил и выдохнул густое облако дыма. Оно поплыло по комнате, медленно растворяясь в воздухе, и наполнило её ароматом – не табака, а чего-то иного, тёплого, невероятно притягательного. Дым будто имел вкус и память одновременно.

Тимоха вдохнул его и на миг ощутил странное: запах не был чужим. В нём слышался намёк на прошлое – на вкус первых сигарет «LM», красных, которые бабки продавали на остановках по пять рублей. Вкус юности. Вкус беспечности.

– Ну что ж, – голос Сета прозвучал спокойно, но в этой спокойности чувствовалась бездна.

Он не двигался. Сидел в своём кресле, как будто всегда был в нём – не человек, а сама ось этой комнаты.

Огонь из камина мягко подсвечивал его лицо, отбрасывая тени на резкие скулы и глаза, в которых отражались отблески пламени.

Он говорил не громко, но так, что каждое слово будто рождалось прямо в воздухе.

– Ты хочешь узнать, умер ли ты, – произнёс он, не спрашивая. Тимоха вздрогнул.

Он не произносил этот вопрос вслух.

Но Сет, похоже, знал его.

Тимоха вгляделся в его лицо.

– Откуда ты... – начал он, но Сет чуть приподнял ладонь, не глядя, будто останавливая ненужные слова.

– Здесь, Тимофей, – сказал он тихо, – мысли материальны.

Ты не сказал – ты почувствовал. А здесь это одно и то же.

– Но, да, – он спокойно продолжил, выпуская дым. – Де-факто – ты мёртв.

В человеческом понимании твоё тело сейчас валяется в твоей грязной квартире.

Без дыхания. Без движения.

Синяя кожа, остывающие конечности, пустые глаза.

Он говорил это ровно, без жестокости – словно врач, сообщающий о диагнозе, в котором нет неожиданности, ведь пациент давно всё понял сам.

– Но твой мозг всё ещё цепляется за жизнь. Он не хочет отпускать.

Он продолжает биться в агонии – как рыба, выброшенная на берег.

Однако для тебя эта борьба уже ничего не значит.

Сет чуть откинулся на спинку кресла, задумчиво посмотрел в камин.

Пламя отражалось в его глазах – в них была и теплота, и бесконечная усталость.

– Ты пересёк точку невозврата, – продолжил он. – Шагнул туда, откуда не возвращаются.

И оказался здесь.

Он сделал паузу, позволив словам осесть.

– Здесь – дома.

Он перевёл взгляд на Тимоху, и в его лице появилось что-то мягкое, почти человеческое.

– Не в родительском доме, где детство пахло свежим чёрным хлебом, утренними радионовостями и шумом советского телевизора.

Нет. Дом – это здесь.

Сет медленно провёл пальцами по подлокотнику кресла, словно ощупывая само пространство.

– Здесь, за пределами человеческой жизни.

В глубине мироздания, куда возвращается всё живое, завершив свой путь.

Он чуть улыбнулся.

– Ты смотришь на камин, на ковёр, на кресло – и тебе кажется, что это странная декорация психоделического фильма.

Но поверь, – он снова выдохнул дым и посмотрел прямо в глаза Тимохе, – это не иллюзия. Не галлюцинация.

Он сделал короткую паузу, и в тишине было слышно только потрескивание полена.

– Это – то самое место, из которого ты когда-то появился.

И теперь ты сюда вернулся.

– Почему дом выглядит именно так? – перебил Тимоха. – Почему во тьме я нашёл именно эту комнату?

Клуни–Сет чуть улыбнулся. В отблесках камина его улыбка выглядела одновременно человеческой и хищной. Он провёл ладонью по подлокотнику кресла, словно приглаживая невидимую складку на коже, и спокойно произнёс:

– Всё очень просто. Каждый видит это место по-своему.

Для кого-то это уютный домик на берегу озера с качелями и запахом пирогов. Для кого-то – вершина заснеженной горы, где над пропастью поют ветра. Кто-то оказывается на облаке, в мягком молочном свете. А кто-то – в огромном кипящем чане, где его поджаривают черти, и он уверен, что это и есть ад.

Тут уж у кого как устроено подсознание. У каждого человека своё видение «последнего дома» – того, что встречает его после ухода из привычного мира.

Он слегка наклонился вперёд, выпуская струйку дыма, которая поднялась к потолку и растаяла в темноте.

– И да, я знаю твой следующий вопрос. Можешь его не задавать. Я отвечу сразу. Меня называют по-разному. Кто-то говорит – Бог. Кто-то – Дьявол. Кто-то – Судьба или Высшая Сила.

Но на самом деле во мне есть всё это.

Клуни–Сет сделал паузу, давая словам осесть в воздухе.

– Я не играю роль «добра» или «зла». Это ваши, человеческие ярлыки. Я – баланс. Я – зеркало. Для одних я – свет, для других – тьма. Всё зависит от того, с чем именно вы приходите ко мне в своем последнем пути. Для святого я становлюсь искуплением. Для грешника – наказанием. Для тебя же... – он прищурился и слегка усмехнулся, – я пока не решил.

– Но у нас с тобой очень много времени, – мягко добавил он. – И его мне хватит с лихвой, чтобы определиться.

Происходящее всё ещё казалось для Тимохи одной большой галлюцинацией.

Абсурдной, как дурной сон после недели «винтового» марафона, но в то же время – удивительно чёткой.

Будто бессвязный набор образов и героев, спрятанных глубоко в подсознании, вдруг прорвался наружу, выстроился в логичную картину и смешался с сюрреализмом его собственной смерти.

И эта смесь, как ни странно, давала ясность. Как будто кто-то на мгновение приоткрыл занавес. Теперь стало понятно, почему это место казалось ему знакомым. Он уже здесь был. Очень давно, много лет назад.

«Ну хоть так», – подумал Тимоха. – «Не ад, не вечная боль, не девять кругов Данте с кипящими котлами и криками душ. А всего лишь Комната. Камин. Собака. И Джордж Клуни, курящий сигару. Вполне терпимо».

Он попытался даже чуть усмехнуться, но губы дрогнули неуверенно и комично.

Хозяин Комнаты подвинулся чуть вперёд, и отблески огня легли на его лицо. Оно всё ещё оставалось до странного похожим на Джорджа Клуни в образе Сета Гекко, и это только усиливало абсурд происходящего.

– Понимаешь, Тимофей, – продолжил он. – Бог и Дьявол никогда не жили где-то «там», на облаках или в преисподней. Я всегда был внутри тебя. Твои выборы, страхи, желания и падения – это и есть мой голос. Просто в разные моменты один звучал громче другого.

Он сделал паузу, затянулся, выпустил кольцо дыма и посмотрел прямо в глаза Тимохе:

– Почему ты видишь именно меня? Это решает твоё подсознание. Для тебя я – Клуни в роли Гекко.

Для другого я мог бы быть стариком с бородой, для третьего – красивой женщиной, для четвёртого – чёрнотой без лица. Каждый видит ту форму, которую способен выдержать. Я лишь принимаю тот образ, что твоя память и твой страх сами достали из закровов.

Он усмехнулся снова – чуть устало, будто объяснял это бесчисленное количество раз:

– Я – тот, кто встречает тебя здесь, на пороге дома. Добро пожаловать.

Тимоха замер, пытаясь собрать мысли. Ему хотелось спросить о времени – как долго он будет здесь, в этой Комнате, с камином и псом, с чужим светом в воздухе. Но изо рта вылетело совсем другое:

– Как тебя зовут?

Вопрос прозвучал неожиданно даже для него самого. Возможно, потому что ответ на него не мог быть страшным: имя не определяет вечность. Имя можно пережить.

Клуни–Сет усмехнулся. Улыбка – лёгкая, почти насмешливая, но не злая. Он медленно поднял руку с сигарой, выпустил густое облако дыма и позволил ему поплыть в воздухе, растворяясь в мягком свете камина.

– Имя? – произнёс он. – Зачем тебе моё имя, Тимофей? Разве оно изменит суть того, кто я есть?

Дым расплзался по Комнате, оставляя ощущение странной тяжести, будто каждое слово держало на себе груз тысяч лет.

– Я был многими именами. Каждый нарекает меня по-своему.

Каждый видит во мне то, что способен выдержать.

– Но ты увидел меня героем своего любимого фильма из детства – Сетом Гекко, – его голос стал чуть глубже. – И твоё подосознание не ошиблось. В имени скрыт и тайный смысл.

Тимоха нахмурился. Имя казалось слишком древним и знакомым.

– Сет... – повторил он тихо.

– Да, – улыбнулся незнакомец. – В мифах египтян Сет – бог пустыни, бури и хаоса. Тот, кто убил брата Осириса. Для них я – разрушитель, враг порядка.

Он наклонился в сторону Тимохи, и отблески пламени заиграли в его глазах.

– Для тебя я – Сет. Но имя не имеет значения. Это лишь отражение людского страха или надежды.

Он поднял руку и указал на камин, на пламя, которое трепетало и жило своей жизнью:

– Видишь огонь? Одни скажут: «Он согревает». Другие: «Он обжигает». Но в сущности – это один и тот же огонь. Так и я.

Сет снова посмотрел Тимохе в глаза. Голос был мягким, но в нём звучала бездонная сила:

– Знай: имя – лишь вывеска. А суть всегда одна. Как думаешь, если бы тебя назвали Сергеем, жизнь сложилась бы иначе?

«Забавно», – мелькнуло у Тимохи. Действительно: первые три недели жизни его звали Серёжей. А потом отец, в последний момент в ЗАГСе, записал его Тимофеем – в честь деда, Тимофея Ивановича, героя войны.

Он никогда не задумывался: что, если бы остался Сергеем? Мог стать военным. Уйти в кругосветное путешествие. Жениться на какой-нибудь Галине и жить самой обычной жизнью.

– Нет, я об этом не размышлял, – наконец произнёс он. – Но если вдуматься... как минимум, это пища для размышлений.

Сет усмехнулся; дым его сигары расплывался по Комнате вязкой ароматной вуалью:

– На самом деле – нет. Детали могли бы отличаться, но траектория осталась бы той же. Даже будь ты Сергеем – ты всё равно пришёл бы сюда. В эту Комнату. На порог своего дома.

Разговор не казался тяжёлым, слова текли спокойно, почти буднично. Но в воздухе всё равно висело напряжение. Оно не давило, но обволакивало, как тонкая дымка, смешивалось с клубами сигар-

ного дыма, цеплялось за стены, ложилось на мебель, пряталось в складках ковра – превращая интерьер в ещё одну загадку, которую Тимоха не мог разгадать.

И только одно существо в этом странном пространстве оставалось по-настоящему невозмутимым – дог.

Он лежал у кресла, вытянув лапы, дышал ровно, как метроном. Ни дым, ни напряжение, ни странный диалог, ни сама атмосфера не могли поколебать его спокойствия. В этой неподвижности было что-то вечное, первобытное – словно он знал больше всех и не нуждался ни в словах, ни в объяснениях.

– Я здесь навсегда?.. – наконец выдавил Тимоха.

Этот вопрос и был источником напряжения: копился, как яд, давил на виски, душил сознание, не давая выдохнуть.

Сет чуть приподнял бровь, усмехнулся – не добродушно и не зло, а как человек, который наперёд знает все твои вопросы и всё равно ждёт, пока ты сам их произнесёшь.

– О, наконец-то, – протянул он. – Я ждал этого.

Он откинулся в кресле, положил ногу на ногу, неторопливо постучал пальцами по подлокотнику. Пауза вновь натянулась: треск дров в камине, ровное дыхание дога.

– Устраивайся поудобнее, Тимофей, – сказал Сет, глядя прямо в глаза. – Мне нужно кое-что рассказать.

Он сделал короткую паузу, вдохнул дым и продолжил:

– Ты вполне можешь решить, что всё это – плод твоего воображения. Фантазия, принявшая материальную форму. Или нелепый сон, из которого вот-вот очнёшься в больничной палате, под яркими лампами, с трубкой во рту. И даже мои слова могут быть всего лишь эхом того, что ты отчаянно хочешь услышать.

Он отпустил в воздух кольцо дыма; оно медленно поплыло к потолку и растворилось в темноте.

– Решай сам. Я не требую ни доверия, ни веры. Не прошу даже внимания. Всё, что нужно, – слушать. А что делать со сказанным – твоё дело.

– На самом деле всё просто. Каждая личность живёт в этом пространстве. И для каждой оно открывается по-своему: как отражение страхов, памяти, желаний. Здесь нет единой картины – есть бесконечное множество отражений.

– Подумай о бесконечности, – продолжил он тише. – Это не пу-

стота и не тьма. Это твоё отражение. Сколько бы ни прошло «времени», оно не оставит на тебе следа, потому что здесь нет ни «вчера», ни «завтра». Есть только вечное «сейчас», способное свести с ума – или, наоборот, подарить спокойствие. Вечность пугает лишь тех, кто привык мерить жизнь часами. Отбрось иллюзию времени – и останется чистое присутствие.

И всё было бы слишком примитивно, если бы не правила игры. А правила – это то, что удерживает этот мир от окончательного растворения в хаосе и бесконечности. Но прежде чем я расскажу о них, я должен поведать тебе о времени. Или, точнее, о том, что мы привыкли называть временем.

Каждому человеку при рождении отмеряют самое ценное, что только существует в этом мире. Не богатство, не здоровье, даже не любовь. Всё это – лишь следствие. Самое ценное – время.

Он сделал паузу, затянулся сигарой. Огонь камина отражался в его глазах, словно стрелки невидимых часов.

– Время даётся на жизнь. На счастливую, полную, настоящую. Но оно не бесконечно. Каждый день – это монета, которую ты тратишь. Ты можешь купить на неё всё, что угодно: воспоминания, любовь, знания, минуты рядом с близкими. Но большинство людей этого не понимают. Они думают, что монет – бездна. Тратят их бездумно, бросают на ветер. А потом вдруг обнаруживают, что мешок пуст.

Сет подался вперёд, и голос его стал холоднее:

– Ты же бездарно потратил своё. Но самое страшное – ты украл время у других. У родителей, которые ждали тебя, пока ты где-то пропадал. У жены, которой приходилось жить с тенью вместо мужчины. У сына – ты отнял у него отца. Даже у друзей ты воровал минуты, превращая их жизнь в ожидание и тревогу.

Он говорил спокойно, но каждое слово било, как молоток.

– Знаешь, что значит украсть время? Это самое подлое воровство. Деньги можно вернуть. Дом можно построить заново. Но минуты, которые твой сын провёл без тебя, – вернуть нельзя.

То воскресенье, когда он сидел на табурете у двери и ждал, что ты придёшь, а ты в это время ехал за кайфом, – оно исчезло. Его больше нет. Ты вычеркнул его из вашей жизни.

В камине треснуло полено; искра взлетела вверх и растворилась в воздухе.

– Люди начинают понимать ценность времени только тогда, когда оно подходит к концу. Когда песочные часы почти пусты и последние крупинки падают вниз. Вот тогда они хватаются за воздух, пытаются удержать поток, умоляют о «ещё минуте». Но минуты не прибавляются. Они всегда уходят безвозвратно.

Он снова сделал паузу. Пламя дернулось, и тень, похожая на стрелку гигантских часов, скользнула по стене.

– А теперь представь другое: пространство, где времени нет. Где нет ни часов, ни песочных стёкол, ни монет, которые можно тратить. Только бесконечность. Вечное «сейчас».

Он слегка улыбнулся, но в этой улыбке уже не было тепла:

– Для одних это – благословение. Для других – проклятие. Вечность лишает человека самой ценности, которая делает его живым: ограниченности. Ведь именно конечность рождает смысл. Ты дорожишь минутой, потому что знаешь – их мало. Но если минут бесконечно много, они перестают что-то значить.

Здесь, в этом месте, ты больше не можешь воровать или терять время. Его попросту нет. Но вместе с этим исчезает и иллюзия «позже», надежда на «успею», на «когда-нибудь». Ты остаёшься наедине с вечностью и самим собой. И поверь, многие сходили с ума от этой тишины.

Огонь треснул, и тьма за пределами Комнаты будто придвинулась ближе.

– Вот почему вечность опаснее смерти. Смерть завершает, ставит точку. А вечность стирает всё, оставляя лишь пустое полотно, на котором бесконечно повторяется твоя же тень.

– Но, как я уже сказал, есть правила. Чтобы не сойти с ума в бесконечности, тебе даётся возможность вернуться в один из миров. Но – с условием. Ты лишишься воспоминаний о своём прошлом. Родишься заново, начнёшь наполнять себя новой памятью, будто чистый лист.

Ты не вспомнишь мать, отца, отчима и сестру. Не вспомнишь жену, которая ушла от тебя. Не увидишь в памяти взгляд сына. Исчезнет даже это место и разговор со мной. И только когда ты окажешься здесь снова, внутри шевельнётся лёгкое чувство дежавю – будто ты уже бывал в этих стенах, но не сможешь уловить где и когда.

Все возвращаются домой – лишь затем, чтобы через какое-то время снова собраться в путь. Всё начинается с чистого листа – и

так снова и снова. Это просто. Слишком просто. По сути – уход от ответственности. Выбросить из жизни всё прожитое, всё потерянное, всё совершённое – и отправиться в новую партию, как игрок, уставший от проигрыша. Для таких, как ты, это привычно: обнулить, забыть, не отвечать.

Тимоха почувствовал, что Сет подводит его к чему-то важному. От этого предчувствия стало холодно: он понимал – услышанное ему не понравится.

Сет улыбнулся:

– Да, сейчас ты услышишь то, с чем придётся согласиться – и что придётся принять.

Он говорил спокойно, почти мягко, но от этого слова звучали ещё тяжелее:

– Сейчас, за пределами этого пространства, в квартире, пропитанной запахом растворителя и уксуса, лежит твоё тело. Твоя оболочка. Ты почти умер. Почему «почти»? Потому что твой мозг ещё цепляется за жизнь. Ему отпущено десять минут без кислорода. Потом – и тело уйдёт безвозвратно.

Сет слегка наклонился к огню. Пламя вспыхнуло, отбрасывая отблески на его лицо.

– У тебя есть последние десять минут. Но ты не можешь потратить их в своём мире. Они больше не принадлежат той реальности. Десять минут. Это последние монеты на дне твоего кошелька, но у тебя уже нет сил достать их оттуда. Они тают, испаряются, как капли росы на утреннем солнце.

Он снова затянулся и выпустил тонкую струю дыма. Она потянулась вверх и медленно растворилась в темноте – словно иллюстрация уходящего времени.

– Пока ты здесь, в бесконечности, эти минуты нескороаемы. Они лежат в самом надёжном банке. Но сохранить их не удастся. Как бы ни хотелось – депозит не вечен. Эти минуты даны тебе только для одного – для выбора. Вечность может показаться безразличной к человеческой жизни, но даже она требует расплаты.

Сет посмотрел прямо в глаза Тимохе:

– Последние десять минут – и приговор, и шанс. Мгновение, когда вечность и смертность сталкиваются лицом к лицу. Ты можешь отвернуться, закрыть глаза, попытаться обмануть себя. Но время не обманешь. Оно всегда взывает своё.

Он улыбнулся чуть шире:

– Вопрос только в том, как ты потратишь последние монеты.

Тимоха оторопел. Значит, где-то там он ещё жив – его мозг борется. Но сознание оказалось здесь, в этой Комнате, словно в ловушке между мирами.

На миг в груди шевельнулась надежда: может, всё же есть шанс вернуться? Может, это не конец? Но тут же пришло другое ощущение – глухое, ледяное. Оно нащёптывало, что в этот раз возвращений не будет. За пределами этой Комнаты не ждёт ни спасение, ни продолжение. Лишь пустота. Лишь бесконечность – и, как единственный выход, новая жизнь, начатая с чистого листа.

Выбора, казалось, не было. Но последние десять минут стали якорем, за который он отчаянно цеплялся, пытаясь удержать связь с существованием. Эти минуты – последняя нить, связывающая его с самим собой. И пока они не растаяли, в душе жила мысль: если ещё есть время, значит, ещё возможно что-то изменить.

Сет продолжил; голос стал тише, но в этой тишине слышался холод приговора:

– Ты заметил двери в этой Комнате? Их десять. Ровно столько, сколько у тебя осталось минут.

Тимоха обернулся. Двери, которые он видел, когда впервые оказался здесь, исчезли во время беседы, растворившись в дыму и темноте. Теперь они вновь проявились. Из глубины мрака вырастали исполинские чёрные полотна, лишённые ручек и замков, словно сами стены уступили место этим проёмам. Это были не столько двери, сколько вырезы в реальности, прорезы в ткани бесконечности.

Они казались выше и тяжелее, чем раньше. Чёрная поверхность поблёскивала, и в голове Тимохи возникла странная мысль: «чёрная слоновая кость». Сочетание без смысла – и всё же оно впилося в сознание, как ключ, которому он не знал подходящего замка.

Сет сделал затяжку; дым на мгновение очертил контуры дверей, будто показывая их истинную форму.

– За каждой дверью скрывается одна минута твоей жизни, – произнёс он. – Если дверь откроется на тебя – увидишь прошлое. Если внутрь – будущее. То самое будущее, которое могло бы быть с тобой, если бы ты не разбрасывался своим временем.

Он улыбнулся краем губ, будто эта игра его забавляла:

– Как откроется дверь – не знает никто. Даже я. Тебе позволено десять раз вернуться: заглянуть в свой мир, увидеть себя в минутах утраченных или несбывшихся. Может, это поможет что-то переосмыслить. А может – нет. Всё зависит от тебя.

Он развёл руками, как фокусник, показывающий аттракцион:

– Это машина времени твоей жизни. Щедрый, но беспощадный аттракцион. Десять дверей. Десять минут. Десять взглядов в то, что ты растратил и что никогда не вернуть.

Огонь вспыхнул ярче, и двери будто приблизились. Тьма вокруг них стала гуще, плотнее, словно за каждой скрывалась своя вселенная.

– Тебе не обязательно сейчас вставать и идти к дверям. Мы можем продолжить беседу – мне есть что рассказать. Хоть историю Древнего Рима, хоть секреты масонов: я знаю всё и отвечу на любой вопрос. Но рано или поздно тебе придётся войти.

– Я окажусь в своём теле? – Тимоха окончательно потерял нить реальности.

Всё перемешалось: Бог, Дьявол, апостол Пётр в облике Джорджа Клуни из «От заката до рассвета», машина времени с чёрными дверями, огромный дог, явно не случайный. Это походило на кошмарный бред при температуре под сорок.

– Нет, к сожалению, – спокойно ответил Сет. – В прошлом ты будешь незримым духом. Я называю это Наблюдатель. Ты сможешь видеть себя, но не сможешь заговорить, коснуться, вмешаться напрямую. Ты бесплотен.

Огонь качнулся, и на миг показалось, что от дверей к камину протянулись длинные тени, похожие на холодные пальцы.

– Но не думай, что это совсем бессмысленно, – продолжил Сет. – Ты всё же сможешь влиять. Не словами и не руками – иначе. Намёком, дыханием, искрой в воздухе. Парадокс в том, что будущее не изменится. Оно уже написано. Это не эффект бабочки, а заранее свёрстаный сценарий, где каждая сцена отыграна и каждая реплика произнесена.

Сет усмехнулся – и в улыбке не было ни капли тепла:

– Но попробуй. Люди всегда пытаются. Даже когда им говорят: «Бесполезно». Может, в этом и есть суть человека – сопротивляться даже там, где исход предрешён.

– В каких моментах жизни я окажусь?.. – Тимоха попытался сформулировать вопрос, но голос всё ещё дрожал.

Сет задумчиво затянулся, выпустил струйку дыма и сказал медленно, будто каждое слово имело вес:

– Этого я не знаю, Тимофей. Это не мой путь – твой. Твоё подсознание перенесёт туда, куда сочтёт нужным. В прошлое – в те мгновения, которые ты сам, глубоко внутри, считаешь важными.

Он посмотрел на пламя:

– В жизни у каждого есть развилки. Мгновения выбора. Налево или направо. С этим человеком – или с другим. Сказать «да» или промолчать. Открыть дверь или пройти мимо. Ты удивишься, как часто такие развилки определяли твою судьбу. Именно на них, скорее всего, ты и окажешься.

Сет стряхнул пепел с сигары; он упал на чёрный ковёр, не оставив следа.

– Это – прошлое. Но есть и будущее. В нём ты увидишь не того, кем стал, а того, кем мог бы быть... если бы когда-то, на этих развилках, выбрал другой путь.

Он улыбнулся устало, без насмешки:

– Иногда это зрелище тяжелее, чем любое наказание.

Столько событий за один день, подумал Тимоха.

Ещё утром он купил на последние деньги мак и растворитель, вернулся домой и провёл ритуал – «творение» того, что заменяло ему жизнь. Потом был голос миски. «Золотой укол». Дорога в пустоте. И эта Комната – странная, нереальная, где его личный психолог оказался в обличье бога. Или Дьявола. Какая теперь разница?

Сейчас перед ним оставались последние десять минут.

Десять минут, чтобы проститься с миром, в котором он прожил свою жалкую и пустую жизнь.

Десять минут, чтобы заглянуть в своё будущее, увидеть то, кем мог бы стать.

А потом – отдать память в обмен на новую порцию времени. На новую жизнь.

Тимоха перевёл взгляд на журнальный столик рядом с креслом Сета.

На нём лежала стопка листов бумаги – тех самых, которые он видел, когда зашёл в Комнату. Бумаги казались старыми, с чуть пожелтевшими краями, аккуратно сложенными, будто за ними следили с особым трепетом.

На самом верху стопки лежал плотный лист, на котором

невероятно красивым, почти каллиграфическим почерком было выведено стихотворение:

На теле великана вздулись вены,
Во чреве его плоти поселился гном,
И изнутри он режет ткани стены,
И внутренности рвёт беззубым ртом.
Ведь карлик этот не ведает пощады,
Он рвётся к воздуху из сгнившего нутра,
Он хочет лишь увидеть в небе солнце,
Покинуть тело, как заблудшая душа.
А исполина гнёт в агонии и муках,
Ему не мил весь белый свет,
Он утопает в желчи и рвоте
И ждёт...
Когда наружу вырвется сосед.

Проходят годы, пролетают зимы,
В круговороте боли проносятся века,
У великана нет другого смысла в жизни,
Как делу жизни гнома нет конца...

ГЛАВА 3

“ПЕРВАЯ МИНУТА”

Тимоха стоял перед дверью.

Он всматривался в её поверхность, как в живое существо, и чувствовал, что за этим чёрным полотном прячется неизвестность – сомнительная, пугающая, уродливая. Хорошего там ждать не приходилось, будь то прошлое или будущее. Будущее могло оказаться вовсе не сияющим, а таким же, как эта Комната: глухим, замкнутым, безысходным. Ведь Тимоха не был уверен, что его развилки судьбы привели бы к долгим годам и огромной семье, где десятки внуков звали бы его ласково: «дед Тимофей».

Вблизи дверь оказалась странно глянцевою, будто действительно вытесанной из слоновой кости. Полотно словно дышало, и в нём проступали тёмные прожилки, глубже основного цвета, переливавшиеся при свете камина. Они казались объёмными, будто внутри этой гладкой поверхности текла замершая кровь или струился застывший дым.

Ни ручки, ни замка, ни петель – дверь будто существовала сама по себе, независимая от стен. Она просто была. Словно прорезь в самой реальности, кусок чужой материи, вставленный в пространство Комнаты.

Тимоха провёл ладонью по воздуху рядом, будто хотел уловить направление – в какую сторону она распахнётся. Ведь именно это, по словам Сета, и определяло – прошлое или будущее ждёт за порогом.

Прошлое или будущее. Будущее или прошлое.

И от этого выбора холод пробежал по его коже.

Сет так и не сказал, что ждёт Тимоху за дверьми. Он будто и сам не знал – или не хотел раскрывать.

Сет.

Станный персонаж. В нём было что-то двойственное: обаятельность киногероя, которому доверяешь с первого взгляда, и в то же время – нечто пугающее, от чего внутри замирает. Его слова звучали мягко, но оставляли после себя холодный след. И это напряжение не давало расслабиться, превращая беседу в игру нервов.

После рассказа о времени, правилах и дверях разговор незаметно перешёл к мирам. Тимоха слушал, затаив дыхание.

И вдруг понял: мир, в котором он жил в теле, был лишь одним из множества. Лишь тонкая ниточка в бескрайнем полотне.

Миров – бесконечное множество. Каждый рождался в момент развилки: сказанное или несказанное слово, протянутая или удержанная рука, шаг «налево» или «направо» – и ткань реальности дрожала, раскалывалась, расплеталась, клонировалась. Из каждой искры выбора вспыхивал новый мир, шёл своей дорогой, разрастался, словно ветви огромного древа.

Но было одно «но».

Сколько бы миров ни возникало, сколько бы вариаций судеб ни развернулось, любая личность оставалась уникальной. Второго Тимохи не существовало нигде. В параллельных вселенных он мог быть счастливым семьянином, успешным музыкантом, отшельником или преступником. Но всё это – лишь отражения, образы, вариации. Настоящий Тимоха был только здесь, внутри этой Комнаты, в этом разговоре. И от этой мысли стало одновременно страшно и величественно: он – неповторимая точка в бесконечности.

А может, и нет? Он всего лишь копия личности настоящего Тимохи, который живёт в абсолютно другой реальности.

Тимоха не понимал до конца мироустройства, которое пытался до него довести рассказчик.

Сет продолжал спокойно, будто комментировал очевидное:

– Видишь ли, Тимофей, параллельные миры – это не копии. Это скорее зеркала. В каждом отражении ты другой, но всегда – уникальный. Ты не можешь существовать дважды. Это и проклятие, и дар.

Тимоха запутывался ещё больше. Его поражала мысль: даже если миров бесконечно много, нигде нет другого «его». Вечность могла играть с людьми, разбрасывать их судьбы, но в глубине каждой из них оставалась лишь одна неповторимая искра.

Но всё же пришло странное осознание: уникальность не давала права на оправдания. Ты не можешь сказать: «Где-то я поступил иначе». Нет. Есть только «ты» – здесь и сейчас. Все параллельные варианты не отменяют твоих ошибок, не очищают твоей вины. Они лишь показывают, что всё могло быть иначе.

«Значит, – подумал Тимоха, – каждый выбор важен. Даже самый маленький. Даже то, что я сейчас стою у этой двери и думаю: шагнуть или остаться. Это тоже развилка. И, может быть, прямо сейчас рождается новый мир. Но в нём уже нет меня. Там – кто-то другой. А я остаюсь здесь».

Эта мысль обожгла его сильнее любой истины, сказанной хозяином Комнаты.

Бред.

Слова Сета ложились тяжёлым листом металла на сердце, но мысли Тимохи всё время возвращались к дверям.

С того момента, как он услышал о них, они манили его.

Звали.

Двери пульсировали в его сознании невидимыми импульсами, пробегали дрожью по коже, тянули всё внимание на себя.

Это был звериный инстинкт, жадное любопытство, которое всегда было в нём – и которое не раз приводило его к краху.

Он уже почти не слушал.

Теории о параллельных мирах таяли, как дым.

Оставалась лишь навязчивая мысль: заглянуть. Хотя бы за одну дверь. Что угодно – прошлое, будущее, ад или рай – только не это ожидание.

– Извини, – неожиданно для самого себя произнёс Тимоха. Голос прозвучал хрипло, но твёрдо. – Но мне надо заглянуть за первую дверь. Я хочу потратить свою первую минуту. Одну из тех десяти, что у меня есть.

В этот миг он понял: решение принято. И никакая философия Сета про параллельность миров не могла уже остановить его.

Как открыть дверь, если на ней нет ручки?

Этот вопрос вспыхнул сам собой, пока Тимоха рассматривал чёрное полотно. Толкнуть её вперёд – наверное, можно. Но потянуть на себя? Невозможно. Ни отверстия, ни петли, ни выступа. Будто сама дверь отказывалась принадлежать законам физики. Подсознание шептало: у этой двери – свои правила.

Он сделал шаг, второй. И почти уткнулся в неё лбом.

Пять сантиметров. Не больше.

Тимоха закрыл глаза, будто ждал – что теперь именно дверь сделает следующий шаг.

И тут за спиной раздался вой.

Истощенный, надрывный, звериный. Дог завывал так, что дрожь прошла по коже. Его голос разорвал тишину Комнаты, рванулся наружу и покатился по бесконечной пустоте за стенами. Звук был не просто громким – он казался древним, первобытным, как зов, который эхом отразился от самых глубин мироздания.

Сет молчал. Словно исчез. Будто его и не было.

Даже с закрытыми глазами Тимоха понял: дверь открывается. Не было ни скрипа, ни толчка воздуха, ни сквозняка. Лишь ощущение, что сама реальность сдвинулась.

Он резко распахнул глаза – и едва не отшатнулся.

Теперь он стоял не вплотную к полотну, а в полутора метрах от него. Как будто его мягко отодвинули назад, не спросив разрешения. Дверь медленно, неотвратно открывалась. Тяжёлая, глянцевая, с прожилками, похожими на застывшие жилы чёрного мрамора. И двигалась она на него.

– Прошрое... – подумал Тимоха.

Прошрое, уродливое и пугающее. Прошрое, которое сломало его жизнь.

Дверь раскрывалась до конца. За ней не было ничего. Только тьма. Глухая, вязкая, жадная. Даже отблески камина не решались туда проникнуть – свет гас на пороге, будто обрывался, сжираемый мглой.

Дог замолчал так же внезапно, как и начал. Его вой оборвался, и в Комнате остался только сухой треск поленьев.

Тимоха стоял, глядя на проём. Горло пересохло, сердце билось слишком быстро.

– Ну что ж... – сказал он себе. – Шаг в неизвестность, которая уже как минимум один раз случалась в жизни.

И он шагнул.

Дверь за спиной хлопнула. Звук был глухим, как удар крышки гроба. Пламя камина исчезло, растворилось вместе со всей Комнатой.

Тьма. Абсолютная.

Тишина. Ни треска огня, ни дыхания дога.

А потом – удар. Будто земля ушла из-под ног.

Он провалился.

Не стало ни пола, ни потолка, ни воздуха. Только падение. Но это падение оказалось иным. Он не проваливался в трубу, не скользил в шахту. Нет – он падал в самого себя.

Сначала он чувствовал тело: сердце, бешено колотившееся в груди; лёгкие, пытавшиеся жадно ухватить воздух; кровь, гулко стучавшую в висках. Но с каждым метром всё это растворялось. Исчезали мышцы, исчезал вес, исчезала кожа. Словно он сбрасывал с себя слои – один за другим.

И чем глубже он падал, тем яснее понимал: он летит не во тьму, а внутрь собственной памяти. В себя самого.

Вокруг начали проступать странные очертания – сначала расплывчатые, как пятна на старой фотоплёнке «Кодак 36 кадров», потом более ясные. Они были похожи на страницы альбома: лица, сцены, голоса. Он пролетал мимо самого себя – маленького, подростка, взрослого, пьяного, злого, счастливого. Воспоминания мелькали вокруг, как зеркала, но в каждом отражении был он. Один и тот же, но бесконечно разный.

Падение продолжалось, но теперь оно больше напоминало не падение вниз, а погружение внутрь.

Будто он нырял в бесконечный колодец, у которого не было дна. И в стенах этого колодца открывались окошки – крошечные, мимолётные сцены его жизни. Тимоха не успевал их уловить, не мог определить, что именно перед ним. Всё мелькало, как кадры кино, перемотанного на скорости тысячи кадров в секунду.

Голоса, лица, запахи, прикосновения. Смесь смеха, боли, ярости и счастья.

Фрагменты крутились вокруг него, закручивались в воронку, превращаясь в хоровод теней. Казалось, он видит не жизнь, а её отражения – искажённые, но всё равно до боли свои.

И вдруг он ощутил – стоп.

Всё оборвалось. Падение прекратилось.

Тьма разорвалась, словно кто-то резким движением разорвал чёрную ткань.

И Тимоха провалился в реальность. Давно прожитую, но всё ещё реальность.

Это был осенний день. Воздух хранил остатки летнего тепла, но в нём уже чувствовалось дыхание засыпающей природы. То самое необъяснимое чувство, когда понимаешь: лето ушло, и назад его уже не вернуть. Именно это теперь ощутил Тимоха.

Перед ним возвышался многоэтажный дом из жёлтого кирпича.

Он узнал его мгновенно – Зелёный Луг. Район, где прошло столько дней жизни и столько событий.

Чуть в стороне стоял магазин «Электроника» с огромной вывеской – деталь, будто вырезанная из старой фотографии.

Именно это место связывало его с самим собой крепче, чем он был готов признать.

У подъезда, на бетонных ступеньках, сидели четверо парней.

И Тимоха узнал их сразу. Узнал потому, что одним из них был он сам.

Сердце сжалось.

Внутри возникло чувство странного раздвоения: он был и наблюдателем, и участником, и посторонним одновременно.

Всё здесь было до боли знакомо.

Он не просто помнил этот день – он снова жил его. Каждое движение, каждое слово, даже запах увядающей листвы и тёплого асфальта – всё вернулось.

Это был октябрь 1999 года. Тимохе летом исполнилось девятнадцать. Год выдался тяжёлым, с огромным количеством событий.

В мае случилась давка на станции метро, и Тимоха оказался в самой её гуще.

Он чудом не погиб – но вытащил из толпы девушку, буквально спас её от смерти.

Тогда его лицо крутили по всем телеканалам, статьи о нём выходили в газетах.

Летнюю сессию в универе он сдавал с «Комсомольской правдой» под мышкой – там, на первой полосе, красовалось его фото. Он просто заходил в аудиторию, молча клал газету на стол преподавателя и шёл готовиться к ответу. Не проходило и пяти минут, как преподаватель махал рукой: «Свободен». В зачётке появлялась очередная пятёрка, а Тимоха, уходя, забирал газету с собой.

Слава пришла внезапно и странно.

Её было слишком много для девятнадцатилетнего парня.

Может, именно тогда у него и зародилась мечта – о героической смерти. Не о тихом уходе, не о старости. А о такой, чтобы показывали по телевизору. Спасти десятки людей, желательно детей. Погибнуть в огне автобуса. Сгореть красиво. Чтобы аплодировали стоя.

Тем же летом его бросила девушка. Одна из немногих, кто решил уйти от Тимохи первой.

Это задело не только его самолюбие – боль резанула куда глубже. Словно ему вырвали кусок сердца и оставили зияющую дыру, через которую вытекало всё тепло. Для него это было не просто поражение в любви, а удар по самой сути – по ощущению, что он нужен, что он значим.

Он пытался держаться, но каждое воспоминание о ней било в висок, каждое слово, когда-то сказанное ею, эхом возвращалось в голову.

Тимоха, привыкший всегда уходить первым, вдруг оказался в роли брошенного.

И это чувство раздавило его.

А ещё осень принесла новое чувство.

Страшное и необратимое.

В этот раз он влюбился навсегда.

Не в девушку, не в идею, не в мечту.

Он полюбил героин.

И это была любовь без возврата.

А это был именно тот день.

День первого свидания с любовью всей жизни Тимохи.

Не с женщиной, не с человеком из плоти и крови, а с другим существом – холодным, опасным и в то же время манящим.

С героинном.

Он вошёл в его жизнь как нечто большее, чем наркотик. Как самый главный утешитель, как обманчивый бог в одежде из фитюли фольги.

То, что дарит спокойствие, когда внутри бушует ураган.

То, что обещает решить все проблемы разом, одним движением поршня баяна.

То, что обнимает крепче любой матери, теплее любой женщины – и не отпускает, растворяя в тепле, безмятежности и забвении.

Тимоха помнил этот день во всех деталях.

Запахи улицы – осенний асфальт, дым сигарет.

Голоса пацанов, перемешанные с эхом смеха и тревоги.

Каждое лицо, каждый жест – будто выжжены на доске с помощью детского выжигателя по дереву «Ёжик» из детства.

И главный кадр – момент, когда «он» впервые попал в него.

В тот день он действительно влюбился.

Безоговорочно, как влюбляются подростки в первую девушку.

С чувством восторга и дрожью в коленях, с верой, что это навсегда.

В тот день он умер.

Не телом – душой. Всё, что было «до», отодвинулось, поблекло, превратилось в пролог.

Началась новая жизнь – но в ней уже не было выбора.

Она шла только в одну сторону: вниз.

На ступеньках подъезда сидели четверо.

Тимоха, его одноклассник из универа Серёга, друг Серёги Антоха, живший в Зелёном Луге, и ещё один парень, имя которого Тимоха так и не смог вспомнить.

Странно было смотреть на самого себя со стороны – бесплотным, невидимым наблюдателем.

Чужим среди своих.

Он видел знакомое лицо, знал каждое движение, каждый жест, знал, о чём тот думает – потому что это был он сам.

Но в то же время всё выглядело чужим. Как будто персонаж со старой видеокассеты, которую много лет назад положили в ящик и забыли, а теперь кто-то достал и включил воспроизведение на видеомagneтoфoнe.

Это был он – живой, молодой, полный каких-то надежд и страха. И одновременно – не он.

Сматривающий Тимоха уже знал, что будет дальше.

Знал цену этого вечера.

Знал цену этой любви.

И от этого зрелище становилось невыносимым: хотелось закричать, броситься к самому себе, вцепиться в плечи и остановить.

Сказать: «Не делай этого!»

Но он был бесплотен. Невидим. Он – лишь тень, лишь камера, снимающая сцену без возможности вмешательства.

И вот в этой двойственности родился парадокс: впервые в жизни он увидел себя так, как видят другие.

Просто – со стороны.

И это оказалось страшнее любого адского ада.

Парни, несмотря на осень, были одеты легко. Город в ту неделю держала в заложниках тёплая, почти летняя погода, но в воздухе уже витал намёк на скорый холод.

Вечер пах дешёвой туалетной водой из девятидесятых, сигаретным дымом и ожиданием.

Они разговаривали.

Смех, короткие реплики, привычные подростковые жесты.

Но за всем этим в лицах парней читалось одно: ожидание.

А ждать и догонять – хуже всего. Ожидание вытягивает черты лица, делает движения нервными, дыхание – сбивчивым.

На лице девятнадцатилетнего Тимохи пряталось ещё одно чувство – страх.

Лёгкий, но явственный. Не страх перед новым или неизвестным. Нет, он боялся конкретного: передоза.

Даже среди смеха и бравады друзей этот страх сидел в нём, как заноза, и не отпускаял.

Тимоха, бесплотный наблюдатель, помнил эти чувства и теперь почти физически сопереживал самому себе.

Объяснить их было трудно: смесь ожидания и страха передоза рождала странное, тошнотворно-сладкое предвкушение.

Он хотел прикоснуться к тому, что, как ему казалось, откроет дверь в особый мир. И в то же время боялся его.

В его универе уже были парни – кожаные куртки, золотые браслеты, «Мерседес-купе» и «Ауди А6».

Они исчезали с пар, возвращались с надменным видом, будто держали в руках ключи от взрослой жизни.

И героин был тем самым ключом.

Он дарил им уверенность.

Стиль.

Авторитет.

Тимоха жаждал быть рядом с ними.

Хотел быть как они.

И сейчас, сидя на ступеньках подъезда, ясно чувствовал: он делает первый шаг в правильную сторону.

Какие фатально обманчивые чувства.

59 секунд.

Минута начала таять, как лёд под прожектором.

Невидимый счётчик включился, и хотя Тимоха не видел цифр, он чувствовал их всем телом.

Каждая секунда отстукивала внутри, будто удар молотка по наковальне.

Никогда прежде он так не ценил каждую долю времени.

Обычно человеку недоступно понимание истинной ценности секунды. Люди видят лишь годы, иногда – дни, реже – часы.

Но сейчас открылось: секунда – это самая мелкая разменная монета самой главной валюты в жизни. Валюты, которая дороже всего остального.

Эта минута была не просто временем. Она была шансом.

Возможностью сделать то, что могло изменить дальнейшие годы. Пусть не перевернуть всё, но хотя бы попытаться.

Попробовать столкнуть себя молодого с этой дороги, вытолкнуть с рельс, ведущих в бездну, и направить к другой развилке.

Пусть даже на шаг в сторону – но шаг, который мог бы дать новый маршрут.

Секунда текла.

Секунда жгла.

И каждая из них стоила целой жизни.

58 секунд.

Тимоха со скоростью мысли переместился ближе к подъезду и оказался рядом с парнями.

«Удивительная способность, – мелькнуло в голове. – Быть вездесущим духом».

Теперь он слышал каждое слово, каждую интонацию, каждую паузу.

– И всегда так? Ждать по два часа? – спросил молодой Тимоха, нервно перебирая пальцами край футболки.

– По-разному, – отозвался Антоха. – Иногда быстрее срастается.

Слова звучали до боли знакомо.

Тимоха понял, что помнит их наизусть – каждое, будто это сценарий с прописанными репликами, который он читал тысячи раз, готовясь выйти на сцену.

Разговор шёл о старших – о тех, кто каждый вечер приезжал в Зелёный Луг.

Они собирали деньги, садились в машину и ехали в цыганский посёлок на окраине города. Там у барыг брали героин, а потом возвращались и раздавали заветные фитюли тем, кто ждал на районе.

И Тимоха отлично помнил машину, в которой они уезжали.

Тёмно-бордовая «девятка».

53 секунды.

Время исчезало, как песок сквозь пальцы.

Нужно было действовать.

Предупредить.

Предостеречь.

Остановить.

Мысли рождались в голове одна за другой, но тут же таяли в шуме улицы, как эхо в тотальной пустоте.

Молодой Тимоха достал сигарету, щёлкнул пачкой и протянул руку:

– Серёг, дай зажигалку.

Бесплотный наблюдатель закричал беззвучно: «Пожалуйста! Нет! Уйди отсюда! Умоляю!»

Но слова растворялись в воздухе, не доходя до адресата.

Щелчок колесика, вспышка огня.

Юный Тимоха затянулся и, прикрыв глаза от дыма, повернулся к улице – высматривая машину, которая вот-вот должна была вернуться.

Он не слышал.

Не чувствовал.

Никакого присутствия рядом.

Две версии Тимохи – живой и бесплотный – существовали рядом, но их разделяла пропасть пространства.

Один не имел смелости отказаться, другой – власти изменить хоть что-то.

Один делал шаг, потому что не видел иного пути.

Другой – тянул руки, но не мог дотронуться: его прикосновения рассыпались прахом.

И от этого разделения становилось ясно: прошлое всегда неприкосновенно.

Его можно прожить заново, но никогда – переписать.

45 секунд.

Тимоха вспомнил слова Сета о том, что изменить ничего нельзя. И кольнуло так больно, будто внутри порвалась тонкая жила.

На миг захотелось сдаться, признать бессилие. Но почти сразу вспыхнуло другое – отчаянное озарение: можно пытаться.

Нужно.

Нельзя останавливаться.

Как сказал МакМерфи в «Пролетая над гнездом кукушки»:

«Я хотя бы пытался».

И в этом был смысл.

В попытке.

Даже если она обречена.

Даже если исход заранее предрешён.

Он размахнулся и ударил себя по лицу – молодого, девятнадцатилетнего.

Вложил в этот удар всю ярость, всю боль, весь ужас понимания того, чем обернётся этот день. Рука прошла сквозь кожу, кости, мышцы – словно сквозь дым.

Ни следа.

Второй удар.

Третий.

Пустота.

А юный Тимоха, как ни в чём не бывало, затянулся сигаретой и выдохнул в темноту двора.

– Мне точно не будет до хуя? Я не кинусь? – спросил он и хмыкнул.

Слова снова ударили в сознание взрослого Тимохи, как строчка из давно прочитанной книги.

Он знал их наизусть.

Каждое слово – цитата.

Часть сценария, который уже был написан и отыгран.

Он уже точно понимал: прошлое действительно похоже на текст, который невозможно переписать.

Но всё же он продолжал – бил, кричал, умолял. И от этого отчаяния возникал странный парадокс: чем сильнее он пытался вмешаться, тем яснее осознавал – он не участник, а лишь читатель, загнанный между строк.

40 секунд.

Тимоха смотрел на самого себя – неподвижный, беспомощный.

Вдруг в голову врезалась мысль.

Если он не может ударить, не может толкнуть, его не слышат – значит, он как Патрик Суэйзи в «Привидении».

Бесплотный, чужой.

Но что, если... он может иначе?

Не действием, а присутствием.

Не руками, а сознанием.

Что, если он способен стать единым целым со своим прошлым «я»?

Прорваться внутрь.

Слиться.

Продиктовать мысли прямо изнутри головы девятнадцатилетнего пацана.

38 секунд.

Это могло оказаться шансом. Хотя что-то сделать. Хотя как-то вмешаться.

Но как?

Как протянуть руку к самому себе, если руки – нет?

Тимоха попытался мысленно проникнуть в голову молодого себя.

Сначала осторожно – будто стучал в дверь: «Уйди... пожалуйста, уйди отсюда. Брось всё. Вернись домой».

Слова тонули в пустоте, как камни в колодце, не давая ни одного отклика.

Он напрягся сильнее.

Попробовал не говорить, а нашёптывать изнутри, внушать. Словно тёмный ветер должен был проскользнуть в щели сознания и зажечь там искру страха. Сделать так, чтобы тот, девятнадцатилетний Тимоха, сорвался со ступенек и убежал.

Но перед ним – каменная стена.

Чёрная, гладкая, лишённая трещин.

Ни шёпот, ни крик не проходили сквозь неё. Всё было закрыто наглухо.

Тимоха бился о преграду, как мотылёк о стекло. Ему казалось: ещё чуть-чуть – и он вдавит своё «уйди!» прямо в затылок юного себя, и тот вскочит, отряхнётся, плюнет на пацанов и сбежит.

Но вместо этого – тишина. Лицо молодого Тимохи оставалось прежним: в нём читался лишь лёгкий страх да нервное ожидание.

И в этот миг бесплотный Тимоха понял: попасть внутрь самого себя невозможно.

Он – изгнанник в собственном прошлом.

Наблюдатель, приговорённый к бессилию.

30 секунд.

Ровно половина времени в своём определяющем прошлом. Переломный момент.

Если сейчас ничего не предпринять – останется только смотреть, как тикают секунды, превращаясь в томительное ожидание.

Ну хоть одно утешение, – мелькнула мысль. – Я не увижу, как подъедет та самая тёмно-вишнёвая «девятка», и пацаны, словно олимпийские спринтеры, сорвутся со ступенек и рванут к машине.

Я не увижу, как из соседних подъездов, под жёлтым светом фонарей, выпорхнут наркоманы – такие же голодные, как бабочки, летящие на огонь.

Все – к машине.

Все – за своей фитюлей.

Как хорошо, что я не увижу, как, забрав заветный чек, мы вернёмся к подъезду. Позвоним в домофон, представимся сантехниками. Как легко распахнётся дверь. Как мы поднимемся по пожарной лестнице – грязной, пахнущей кошачьей мочой и сыростью.

Как хорошо, что я не увижу, как на ходу будут рваться упаковки баянов, как из пластиковой бутылки «Аквामинерале» будут выбирать воду, как в прокопчённую чайную ложку, вынесенную Антохой из дома, высыплется коричневый порошок.

Я не увижу, как над пламенем зашипит и закипит эта смесь – вода с героином.

Как сквозь сигаретный фильтр её будут жадно тянуть в шприц.

Как начнётся делёжка – ругань, споры: кто взял больше, у кого лишняя точка.

И как хорошо, что я не увижу, как моя рука протянется вперёд.

Не дрогнет.

Не отдёргнется.

Как я не отворачиваюсь, а прямо смотрю, как Антоха вставляет иглу, берёт контроль и медленно вводит в мою вену мой первый героин.

Первый кайф.

Первый шаг в пустоту.

Тимоха перевёл взгляд на четвёртого участника ожидания – того самого, чьего имени он так и не знал.

Он видел его тогда впервые... и, как оказалось, в последний раз.

Это был классический гопник со спального района, будто сошедший с карикатуры: спортивные штаны с вытянутыми коленями и лампасами, майка «Адидас», выгоревшая на солнце, и кроссовки – когда-то белые, теперь серо-жёлтые от пыли и осенней погоды.

Стрижка короткая, машинкой «под ноль». Нос сбит набок – как печать на лице человека, который привык решать вопросы не базаром, а кулаками.

В глазах – пустота, на лице – ни намёка на мысль.

В юности Тимоха таких обходил стороной. Не потому что они казались страшными – потому что были предсказуемыми. В лучшем случае такой парень отберёт деньги. В худшем – оставит тебя валяться с разбитым лицом.

Но у этого было нечто особенное, что вбивалось в память.

Его руки.

Обе кисти раздуты, накачанные вазелином – кубов по двадцать в каждой. Посиневшая кожа натянута, суставы скрыты, пальцы короткие и пухлые, как у ребёнка, только гигантские. С такими руками нельзя было нормально держать ручку или завязать шнурки, но бить ими людей, наверное, было сплошным удовольствием.

Тимоха задался мыслью, как тогда, в этот день, он не обратил внимания на этого персонажа.

В нём не было намёка на счастливую богатую жизнь, на ночные клубы, бандитские стрелки с чёрными «Мерседесами-купе».

В этом пацане читалась безысходность.

Но, видимо, был ответ – в ожидании своего первого укола молодой Тимоха не видел вообще ничего.

25 секунд.

Тимоха сосредоточился на этом парне.

«А если войти в него? Стать им?» – мысль вспыхнула внезапно.

И тут всё вокруг словно замедлилось.

Смех, короткие реплики друзей, тление сигареты – всё стало густым, вязким, как мазут.

Мир потускнел, а фигура пацана, наоборот, будто приблизилась и налилась тяжестью.

От него исходила энергия – грубая, плотная, как асфальт.

Тимоха сделал шаг – и почувствовал, как его собственные границы растворяются.

Он словно облаком дыма окутал этого парня и влился в него – сквозь кожу, дыхание, саму плоть.

Не было падения – было слияние.

Мир изменился в одно мгновение.

Зрение стало иным: цвета поблекли, лица вокруг – примитивные, плоские.

Звуки доходили глухо, будто через бетонную стену. Но тело ощущалось слишком ярко: боль, сжатые челюсти, кровь стучит в висках, а в голове – вечная жажда кайфа.

Его кумарило.

Тимоха поднял руку – и ужаснулся: это было не движение наблюдателя.

Это был его жест.

Его контроль.

Он управлял этим телом.

Но вместе с контролем пришло открытие: внутри парня почти не было мыслей.

Лишь один вопрос – где машина? Где героин?

Всё просто, по-звериному.

И эта простота вдруг оказалась страшнее любых демонов.

Потому что демон уже жил внутри него давно, всегда ждущий новой встречи с героином.

Теперь Тимоха был им.

Ему было плохо, ломало, и сильнее всего на свете он хотел лишь одного – увидеть, как со стороны кольцевой дороги вспыхнет долгожданный свет фар.

Тимоха смотрел на мир глазами того, кого всю жизнь сторонился.

И в этом чужом теле не оказалось ничего.

Кроме жгучего желания вмазаться.

Такого знакомого Тимохе.

20 секунд.

Тимоха попытался поднять это тело, встать с корточек и двинуться к самому себе. Получилось коряво, но получилось.

Со стороны могло показаться, будто сидевший на кортах гопник резко опьянел: с трудом выпрямился, качнулся и сделал два неуверенных шага.

И оказался рядом с молодым Тимохой.

– Ты нихуя не перепутал, малой? – сказал Тимоха чужим, хриплым голосом. – Ты первый раз собрался вмазаться?

Со стороны это выглядело странно: будто человека резко пробило озарение, и он решил выплюнуть наружу свои мысли.

– Съебал нахуй отсюда! Ты не понимаешь, куда ты лезешь. Пошёл нахуй!

Тимоха специально подбирал слова, чтобы изо рта обладателя двух вазелиновых кулаков они звучали максимально жёстко, чтобы прорезали воздух, как нож.

– Бля, тормози, он с нами, – встрял Антоха.

– Вы ебанулись? Куда вы тащите малого? – Тимоха был холоден, как камень.

– Съебал, блять! – пришлось повторить, и голос его зазвенел от ярости.

10 секунд.

Время сжималось.

Что-то начинало получаться.

Тимоха держался в моменте, но где-то глубоко внутри бушевало дикое изумление: он реально попал в чужое тело.

Почему так?

Почему не получилось со своим?

Вопрос завис в пустоте. Его надо будет задать Сету.

9 секунд.

Времени для слов уже не осталось.

Тимоха замахнулся и посмотрел прямо в свои глаза.

Молодой Тимоха, перепуганный до ужаса, с расширенными зрачками тарачился на угрозу.

Ни звука.

Чистый страх.

И Тимоха ударил.

Не кулаком – звонкой пощёчиной, резкой, как выстрел.

Щека покраснела.

– Пошёл нахуй отсюда, долбоёб!

5 секунд.

Молодой Тимоха вскочил со ступенек и попятился вниз.

– Ещё раз увижу на районе – развалю ебало!

3 секунды.

Молодой Тимоха исчезал в темноте двора.

Серёга с Антохой сидели ошарашенные, переглядывались, не понимая, что это было.

В конце замута, после двух часов ожидания, вдруг такой финал.

Словно спектакль.

В глубине души оба думали одно и то же: может, вся эта херня разыграна, чтоб не пришлось делить чек на четверых.

Хотя, если честно, особо много Тимохе они и не собирались давать. Мало ли дознётся.

1 секунда.

Получилось?

Неужели?

Тимоха выскользнул из чужого тела и теперь смотрел в спину уходящего себя.

Секунда – мгновение в человеческой жизни, но сейчас она тянулась как вечность.

Он перевёл взгляд на Серёгу с Антохой: они уже стояли на ногах, но не от того, что сейчас произошла драма с изгнанием Тимохи, а потому что к обочине прижимался тёмно-бордовый ВАЗ.

Машина, которую он помнил.

К ней уже бежали десятки наркоманов – действительно, точно мотыльки на свет.

Тимохи уже не было в кадре.
Ни живого.
Ни бесплотного.
Его здесь просто не было.
И в этот момент как будто кто-то выключил свет.
Всё – подъезд, парни, машина, осенний воздух – исчезло.
Тимоха остался в полной, вязкой темноте.
Время вышло.
Пора домой.
И темнота зашевелилась.
Она будто втянула его внутрь себя, растянула по каплям, чтобы
потом собрать заново.
Где-то вдали вспыхнул огонёк – маленький, как тлеющий
уголёк.
Он рос, превращался в пламя камина.
Пространство снова наливалось очертаниями: ковёр, кресло,
диванчик.
Тени возвращались на стены, а густой аромат сигары наполнял
воздух.

ГЛАВА 4

“ПРАВИЛА”

Тимоха сидел на диванчике.

Напротив – Сет. Всё с той же нисходящей ухмылкой. Он видел намного больше, чем обычные смертные, и это знание было его главным и неоспоримым оружием.

В Комнате ничего не изменилось за время Тимохиного отсутствия. Всё тот же запах – густой, тягучий, будто смесь дыма и бесконечности – растекался по приглушённой темноте. Он незаметно напоминал: это место может стать последним пристанищем. Здесь легко задержаться навсегда.

– У меня теперь огромное множество вопросов, – выдохнул Тимоха, и его голос дрогнул.

Сет медленно кивнул.

– Это нормально, – сказал он. – После того как человек прикасается к неизвестности... особенно к собственному прошлому... вопросы неизбежны.

Дог лениво зевнул, обнажив ослепительно белые зубы.

– Я видел, что произошло, когда ты оказался в том дне, – сказал Сет. Его голос прозвучал спокойно, но в словах сквозило нечто хищное. – Я наблюдал за вами.

Тимоха на секунду нахмурился. «Вами?» – эхом отозвалось в голове.

Вероятно, он имел в виду двух разных Тимох – того, что сидел сейчас на диванчике, и того, девятнадцатилетнего, который впервый ступал на дорогу к бездне.

Сет продолжил, чуть склонив голову:

– Ты не зря потратил эту минуту. Ты попытался. Но это мы обсудим позже. Сейчас я жду твоих вопросов.

И только теперь Тимоха поймал одну деталь, ускользавшую всё это время: речь Сета почти всегда звучала приглушённо. В ней не было ярких всплесков эмоций – ни гнева, ни радости, ни усталости. Только спокойное, вкрадчивое давление. Слова текли ровно, размеренно, но в них таилась сила, против которой невозможно было сопротивляться.

Тимоха поймал себя на том, что верит. Верит каждому сказан-

ному слову. И в правила игры. И в бесконечность параллельных миров. И в то, что прошлое изменить нельзя.

Чтобы задать вопросы, их нужно было выстроить в порядок.

А проще всего – по времени.

Первым делом Тимоху интересовал механизм открытия дверей.

– Сет, скажи... дверь открылась именно в тот момент, когда пёс завыл. Это совпадение? Или так и должно было быть? – спросил он.

Дог, будто услышав своё имя, приподнял уши. Два чёрных «локатора» тут же напряглись, отлавливая каждую вибрацию в воздухе. Даже треск поленьев в камине на миг показался тише, словно уступая место этому движению.

– Нет, Тимофей. Это не случайность, – ответил Сет. Его голос был мягким, но в этой мягкости чувствовался холодный вес.

Он всегда называл его именно Тимофеем. Без сокращений, без «Тимохи» или «Тима». Хорошо ещё, что не по фамилии.

От этой мысли Тимоха невольно вздрогнул.

Фамилия всегда отзывалась внутри, как удар по нервам. В памяти тут же всплыли сцены из ненавистного аэропорта. Там, когда его хвалили, называли по имени. Но стоило что-то пойти не так – тут же звучала только фамилия. Тимоха всегда чувствовал, что в этих трёх слогах нет человека – только объект для выговора.

Имя же в устах Сета звучало иначе. Спокойно, твёрдо, будто в нём был заключён какой-то смысл, выходящий за рамки простого обращения. И именно от этого становилось тревожно: каждое слово хозяина Комнаты будто прибавало его к месту, заставляло верить.

– Это не случайность, – сказал Сет и слегка коснулся спинки кресла. – У моей собаки есть имя. И, думаю, оно тебе знакомо.

Тимоха напрягся. В груди что-то ёкнуло. Он был уверен: сейчас услышит имя, связанное с его прошлым. Может, в честь кого-то из друзей, уже ушедших в мир иной. Может, в память о его старом американском кокер-спаниеле, который был у него в детстве и чьё имя всё ещё отзывалось где-то в памяти.

Но всё оказалось проще. И в то же время куда загадочнее.

– Янус, – произнёс Сет. – Его зовут Янус.

Слово резануло сознание.

Тимоха вспомнил. В детстве он зачитывался мифами – сначала греческими, потом римскими. И имя Януса ему было знакомо. Бог с двумя лицами. Два взгляда в разные стороны: в прошлое и будущее. Хранитель дверей и переходов. Символ начала и конца.

Он попытался вспомнить подробности – какими атрибутами его изображали, какие праздники посвящали ему. Но память предательски подвела. Годы употребления разъели её, как ржавчина железо. Сначала уходили мелочи, потом целые куски. И теперь от его знаний оставались лишь обрывки.

Два лица. Две дороги. Две стороны одной сущности.

Тимоха глянул на дога. Тот спокойно лежал у камина, огромный, чёрный, почти сливавшийся с темнотой. С глазами разных оттенков. Но теперь он видел в нём больше, чем просто собаку. В нём была сама суть этого места. Порог. Двери. Переход.

И от этой мысли стало холодно: если сам пёс – Янус, то каждое его движение, каждый вздох и каждый вой – не случайность. Это – знак. Символ того, что двери открываются не просто так.

– Я представлял Януса чуть другим, – пробормотал Тимоха.

Сет хмыкнул, затянулся сигарой и выдохнул дым в сторону камина.

– Ну и меня, думаю, ты не ожидал увидеть в образе Джорджа Клуни, верно? – его голос был спокоен, но в нём сквозила лёгкая насмешка.

Для полноты образа он сунул руку за пиджак. Движение было настолько естественным, что Тимоха даже не вздрогнул – словно всегда ждал этого момента. Из-под ткани блеснул металл. Пистолет. Сет положил его на столик между ними, будто это была всего лишь ещё одна деталь интерьера.

– Я же сказал тебе, Тимофей: всё, что ты встречаешь в этой пустоте, – лишь твои образы. Отражения того, что ты способен вынести.

Он слегка кивнул в сторону собаки.

– Янус – не просто имя. Это бог всех переходов, начинаний, дверей, входов и выходов. Он – хранитель этого места. Страж, который знает, куда и когда должна открыться дверь. И только он умеет её распахнуть.

Глаза дога вспыхнули отблеском камина, и в них на миг показалось что-то человеческое.

Теперь для Тимохи собака перестала быть просто элементом психоделического интерьера. Её значение резко возросло.

Она больше не была молчаливым зверем у ног хозяина.

Она стояла наравне с самим Сетом.

И от этого мысль о дверях стала ещё тяжелее.

Подсознательно Тимоха начинал понимать: это место начинает ему нравиться. Напряжение в беседе с Сетом исчезало, слова ложились ровно, и с каждой минутой становилось легче. Это напоминало знакомство с новым человеком: сначала неловкая пара фраз о погоде, а через несколько часов – уже разговоры о ценностях, вере и политике.

– Расскажи мне про двери подробнее, – наконец сказал Тимоха. – Как они открываются? Есть ли какая-то закономерность? В следующей двери я окажусь в будущем? В своей несостоявшейся жизни?

Сет слегка улыбнулся, как будто ждал этого вопроса. Он нагнулся, погладил собаку по широкой голове и заговорил медленно, будто объясняя простую, но в то же время бесконечно важную истину:

– Двери не подчиняются логике, Тимофей. Ни календарю, ни счётчику, ни правилам, что ты привык выстраивать в своей жизни. Каждая из них – проекция тебя самого. Иногда она ведёт в прошлое – туда, где развилка уже случилась и оставила след. Иногда – в будущее, в тень того, что могло бы быть, если бы ты выбрал другую дорогу.

Он сделал паузу, выпуская тонкую струйку дыма, которая растаяла в полумраке.

– Но запомни: ты сам не выбираешь направление. Дверь сама знает, куда тебе нужно заглянуть. Ты можешь желать будущего, но получить прошлое. Можешь мечтать увидеть счастье – а окажешься в боли. Потому что двери открываются не по твоей воле, а по закону, который выше тебя.

Он слегка приподнял руку и указал на дога:

– Янус – тот, кто решает. Он знает, какую дверь открыть и в какой момент твоей жизни. И он никогда не ошибается.

Сет посмотрел Тимохе прямо в глаза:

– Ты хочешь закономерность. Но единственная закономерность здесь – твоя жизнь.

Он чуть наклонился ближе.

– Но если ты думаешь, что следующая дверь непременно подарит тебе будущее – не обольщайся. Она может вернуть тебя туда, откуда ты бежал всю жизнь. И помни: будущее не всегда легче. Иногда оно способно стать куда более суровым

испытанием – таким, что принесёт боль, гораздо сильнее той, что оставило прошлое.

– Я понял, – ответил Тимоха.

И действительно – в груди родилось тяжёлое, но ясное ощущение: здесь, в этой Комнате, от него мало что зависит. Правила уже написаны, ходы расписаны. Он – лишь игрок, которому раздали карты и посадили за стол.

Но там, за дверью, всё было иначе.

В прошлом, когда он оказался в том осеннем дне, на пороге своего первого свидания с любовью всей жизни, у него будто бы появилась возможность. Пусть крошечная, почти призрачная – но возможность что-то сделать. Вмешаться. Остановить. Сбить самого себя с пути, который вёл в пропасть. Там он чувствовал – исход хоть на секунду зависел от него.

– Хорошо, – продолжил Тимоха, подняв глаза на Сета. – Но когда я оказался за дверью... я был не просто наблюдателем.

Он сделал паузу, подбирая слова. Сказать это вслух было не просто: всё казалось и безумием, и откровением одновременно.

– Я думал, что буду лишь смотреть, – сказал он тихо. – Что останусь бесплотной тенью, камерой без звука, свидетелем чужого фильма. Моего фильма. Но оказалось иначе. Я мог... скользнуть внутрь. Я был не только зрителем, но и тенью, которая способна занять чужое место. Не своё. Но чужое. Я мог стать другим человеком, чувствовать его тело, видеть его глазами.

Тимоха поёжился. Воспоминание о руках, накаченных вазелином, об жажде героина, которая рвалась изнутри того парня, всё ещё оставалось свежим.

– Это было... странно, – признался он. – Потому что в том теле почти не было мыслей.

Он замолчал, глядя в сторону камина. Языки пламени плясали, отражаясь в его глазах, словно подсказывая слова, которых он не находил.

– Так вот, – выдохнул Тимоха. – Я понял: я могу вмешаться. Немного. На миг. Я смог ударить. Смог закричать. Пусть не своим голосом. Пусть чужими руками. Но это было действие. И это меняет всё. Значит, я не только наблюдатель. Значит, у меня есть шанс.

Он поднял взгляд на Сета, в котором отражалось и ожидание, и ирония.

– Вопрос только в одном. Почему? Почему я могу войти в чужого, но не в себя?

Сет улыбнулся уголком губ, но в его глазах вспыхнула тень, похожая на огонь в камине.

– Ты задаёшь правильный вопрос, Тимофей. Но и самый бесполезный.

Он сделал затяжку сигарой, выпустил медленное облако дыма и сказал:

– В самого себя войти невозможно. Ни тебе, ни кому-либо ещё. Собственное «я» закрыто, как самый безопасный банк. И к хранилищу этого банка слишком много ключей, и каждый из них ты сам же и потерял. И кодов – которые ты уже забыл. Человек никогда не может изменить себя изнутри. Только снаружи. Только через отражение.

Он наклонился чуть ближе, голос стал тише:

– Парадокс прост: ты можешь вселиться в чужого, потому что чужое «я» для тебя пустое. Ты не несёшь его груз, его историю, его вину, его жизнь. Ты лишь арендуешь его оболочку на мгновение. Но себя – нет. Себя ты уже переполнил до краёв. Внутри тебя нет места. Ни для мыслей, ни для внушений. Там всё заполнено твоими же решениями.

Сет постучал пальцем по подлокотнику кресла, будто отбивая ритм невидимых часов.

– Именно поэтому мы всегда меняемся через других. Ты можешь услышать чужое слово, принять чужую боль, прожить чужой опыт. И только так, через отражение, начинаешь меняться сам. Но напрямую – никогда. Своя голова закрыта для вторжений.

Он отпустил лёгкую усмешку и, словно подытожив, добавил:

– Вот почему своё прошлое ты изменить не смог.

– Как не смог? – Тимоха резко привстал с узкого дивана, колени дрожали, пальцы сжались в кулаки так, что побелели костяшки. – У меня же получилось! Я напугал самого себя до ужаса. Я не попробовал тогда героин. Я испугался и ушёл. Зная себя в те годы – я бы не вернулся!

Сет рассмеялся. Смех был громкий, раскатистый, как удар металла о металл. Он прокатился по Комнате, отразился от стен и наполнил воздух тяжёлым эхом. В этом смехе не было ни капли радости – только насмешка и холодная сила уверенности.

– Я предупреждал, – сказал он, когда смех оборвался. – Я говорил, что ничего не изменится.

Он подался вперёд, глаза блеснули, и голос стал ниже, тяжелее, будто каждое слово падало камнем с обрыва надежды:

– Хочешь, расскажу, что было дальше? После того как минута твоего путешествия закончилась и ты вернулся сюда?

Горло Тимохи пересохло. Он сглотнул, но ком не ушёл. Внутри всё сжалось, словно тело знало ответ раньше, чем разум.

Сет говорил медленно, отчеканивая каждую фразу:

– Ты действительно испугался и поехал домой. Даже решил, что это был знак. Что не стоит пробовать. Лёг спать с убеждением, будто избежал страшной ошибки. Но утром тебе позвонил Серёга. Помнишь его голос? Он сказал: «Я оставил тебе немного. Попробуешь. Только заедь в аптеку за шприцами. Инсулинки возьми».

Сет втянул дым сигары и выпустил кольцо прямо в лицо Тимохе. Воздух заволокло новым сладковатым, тягучим ароматом, от которого кружилась голова – как будто за время отсутствия Тимохи Сет поменял упаковку сигар.

– Тогда ты ещё не знал этого слова – «инсулинки». Даже переспросил. А через полчаса уже сидел у Серёги дома. Смотрел, как он разводит коричневый порошок в ложке. Как тянет его в два шприца. Ты молчал. Ты ждал. И когда он протянул тебе один из них – ты даже не отдёргнул руку. Ты подставил вену, Тимофей. Спокойно. Покорно. В предвкушении.

У Тимохи задрожали губы. Хотелось закричать, но звук застрял в горле.

Сет откинулся на спинку кресла, его улыбка стала шире, почти звериной:

– Вот и всё. Ничего не изменилось. Ты стал тем, кем стал. В конце концов, дорога всегда ведёт к одной и той же двери.

Он склонился вперёд, глаза сверкнули, голос зазвучал как приговор:

– Ты можешь пытаться убежать, но всегда возвращаешься. Можешь кричать – но голос тонет в пустоте. Можешь ударить самого себя – но кулак пройдёт сквозь дым. Это и есть твоя судьба.

Янус, до этого казавшийся равнодушным к их разговору, вдруг шевельнулся. Огромная туша скрипнула когтями по ковру. Он глухо вздохнул, и этот звук прозвучал тяжёлым, как выдох старо-

го меха органа. Он посмотрел на Тимоху долгим, внимательным взглядом, в котором не было ни злобы, ни сочувствия – лишь подтверждение. Словно собака знала всё заранее и теперь, своим молчаливым присутствием, подтверждала слова Сета.

Это было шоком. Тимоха молчал, переваривая услышанное. Внутри всё обрушилось – столько усилий, столько переживаний, и всё оказалось бестолку. Как будто он бился в закрытые ворота, оставляя кровь на руках, а они всё равно не открылись.

Сет наблюдал спокойно, чуть склонив голову. Его голос прозвучал мягко, но каждая фраза ложилась тяжёлым камнем:

– Таковы правила, Тимофей.

Он сделал паузу, чтобы дым от сигары успел подняться к потолку, и продолжил:

– Но во всём этом есть одно светлое пятно. Ты пытался. Ты боролся. Ты действовал до самого конца. Да, у тебя не получилось. Но не потому, что ты сделал что-то не так. Там, в том дне, ты выжал максимум. Ты сумел поменять событие. Но судьбу – нет.

Сет чуть усмехнулся, и в этой усмешке слышалось не злорадство, а усталость.

– Потому что судьба тебе не подвластна. Она всегда сильнее.

В этот момент Янус поднял голову от пола, и его глаза блеснули в полутьме. Взгляд пса был таким древним и спокойным, что Тимоха понял: слова Сета – не угроза, не приговор. Это – констатация. Закон, против которого биться бессмысленно.

– Всё бесполезно, – произнёс Тимоха. Слова слетели с губ глухо, как камень в колодец. – Какой смысл во всех этих путешествиях? В дверях? В развилках? В событиях?

Сет чуть откинул голову. Его взгляд стал серьёзным, голос – ниже, тверже.

– А и не может быть смысла, Тимофей. – Он сделал паузу, словно давая вес своим словам. – Я никогда не говорил, что всё это наполнено смыслом. Смысл появляется только там, где ты сам его видишь.

Тимоха поднял взгляд, но Сет продолжил, не давая вставить ни слова:

– Тебе отпущено десять минут. Теперь уже девять. И ты должен прожить их. Это не подарок и не проклятие. Это – прощание. С самим собой. Со своим прошлым. С тем, кем ты был.

Янус тихо переступил лапами, скребнув когтями по полу, и снова улёгся у кресла.

– Никто не обещал, что это будет прогулка, – Сет слегка усмехнулся, но без веселья, – и никто не сказал, что это будет легко. Но ты должен пройти через это. Ты можешь просто смотреть, можешь пытаться вмешаться. Быть наблюдателем или действовать. Это всегда твой выбор.

Он взял сигару, затянулся и медленно выпустил дым в темноту.

– Но смысл... если он нужен тебе, – тихо добавил Сет, – ты должен найти сам.

Сет сделал ещё одну затяжку, выпустил струю дыма и, не сводя глаз с Тимохи, произнёс:

– Хочешь, расскажу тебе одну притчу?

Он говорил спокойно, будто не историю пересказывал, а извлекал воспоминание прямо из глубин времени.

– В старом Китае, у берегов великой реки Янцзы, жил рыбак по имени Ли Чэнь. Он вставал ещё до рассвета, садился в лодку и забрасывал сеть. День за днём он вытаскивал лишь мелочь. Иногда сеть возвращалась и вовсе пустой.

Соседи смеялись над ним:

– Зачем ты снова идёшь к реке? Ты ведь всё равно возвращаешься ни с чем.

А один старик сказал:

– В жизни всё решает один миг. Но чтобы он пришёл, надо позволить ему случиться.

Ли Чэнь продолжал. Он уже и сам почти не верил, что будет иначе. Но однажды сеть тяжело натянулась, и в ней оказалась рыба, сверкающая, как золото. Люди сбежались на берег – это было редчайшее создание, символ удачи и богатства.

С этого дня Ли Чэнь стал уважаемым человеком в своей деревне. Но всегда повторял:

– Я закидывал сеть тысячу раз и возвращал её пустой. Но если бы остановился на девятьсот девяносто девятом – я бы никогда не увидел чуда.

Сет замолчал, давая словам осесть в тишине. Потом посмотрел прямо в глаза Тимохе:

– Вот так и с тобой, Тимофей. Ты можешь тысячу раз биться о прошлое и возвращаться с пустыми руками. Ты можешь считать свои усилия бесполезными. Но всё решает один миг. Он может

прийти на первой минуте, на десятой или никогда. Но если ты сдашься – его не будет точно.

Он погладил Януса по загривку, и дог тихо рыкнул, будто подтверждая слова хозяина.

– Так что да, девять минут кажутся тебе каплей. Но в каждой из них может скрываться твоя золотая рыба.

Правила начинали складываться в систему.

Правило первое: прошлое не меняется. Можно пробовать, можно бороться, можно кричать в лицо самому себе, бить себя, ненавидеть – но итог останется прежним.

Однако после притчи о рыбаке появилась крохотная надежда. Сет ведь не просто так её рассказал. Значит, в попытке тоже есть ценность. Пусть результат предreshён, но в самом действии может скрываться нечто большее. Это звучало банально, почти наивно, но лучше уж слабый свет надежды, чем пустое наблюдение.

«Интересно, куда приведёт меня следующая дверь?» – подумал Тимоха. Вариантов было бесчисленное множество. Но знал ответ только Янус, хранитель дверей.

Правило второе: он может вселяться в других людей. Но никогда – в самого себя. Свой собственный путь закрыт. Свои поступки он может менять лишь косвенно: чужими устами, чужими руками, чужой волей. И в этом тоже была какая-то суровая справедливость – будто сама судьба говорила: «С собой ты разобрался уже тогда. А теперь попробуй пожить в других».

Если бы Тимоха знал эти правила с самого начала, возможно, первая минута была бы прожита иначе. Более осознанно. Более эффективно. Но теперь это уже не имело значения.

У него оставались девять минут – и впереди нужно было бороться с будущим.

– Сет, какие правила за дверьми, которые ведут меня в будущее? – спросил он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

Сет чуть улыбнулся, провёл пальцами по подлокотнику кресла.

– Здесь совсем другая история. Но её ты должен увидеть сам. Только потом задавать вопросы.

Он как будто прочитал мысли Тимохи и добавил, спокойно, но с едва заметным оттенком одобрения:

– Можешь не переживать. В первую минуту ты сделал всё правильно. И вопросы задал правильные.

Эти слова легли на сердце особенно приятно. Тимоха всегда любил похвалу – даже если понимал, что она может быть частью чужой игры. И сейчас он поймал себя на том, что в одобрении Сета было что-то настоящее.

Сет слегка откинулся в кресле, в воздухе повис густой дым его сигары.

– Будущее. Будущее работает иначе. Ты сам всё увидишь.

ГЛАВА 5

“ВТОРАЯ МИНУТА”

Дверь медленно открывалась на Тимоху.

Будущее откладывалось до следующего раза.

А будет ли оно вообще? Может, все оставшиеся девять минут окажутся связанными лишь с его прошлым? Мысли путались, но на первое место выходил интерес: где же он окажется теперь?

За спиной протяжно, как-то особенно сильно и надрывно, выл Янус. Его голос был уже не просто воем пса – он звучал, будто рождаясь в самой глубине пустоты бесконечности. Он тянулся, заполнял пространство, вибрировал в стенах и проникал прямо внутрь каждой клетки тела.

Теперь уже Тимоха знал: это не просто звук. Янус открывал двери. Его вой был ключом.

Шаг вперёд – и Тимоха провалился в темноту.

Перемещение было таким же, как в первый раз.

Сотни, тысячи образов мелькали мимо – слишком быстро, чтобы их уловить.

Падение в самого себя.

В ушах разнёсся гул – череп будто стал колоколом, в который били огромные медные молоты.

Звон и низкое дрожание сливались в единый поток, пробирая до костей.

Сама тьма звучала: глухой рёв, шёпот забытых голосов, нарастающий вой, резавший барабанные перепонки. Сотни тысяч голосов сливались в одно жуткое многоголосье.

Тошнотворное состояние, когда время выворачивает тебя наизнанку и несёт против своего течения.

Каждая секунда была ударом – то гулким, как обвал скалистой породы, то пронзительным, как свист ветра в арке дома.

Тело дрожало, словно его держали в гигантском резонаторе.

И вдруг пространство треснуло.

Не звуком, а ощущением: ткань реальности лопнула прямо перед глазами. Световые трещины, как по стеклу от удара кулаком, разошлись всё шире, оставляя чёрные осколки пустоты, из которых лился ослепительный свет.

Тимоха ощутил, что его вырывает – не тело, а самую суть. Он вытекал наружу, как дым из трещины в запертой комнате.

Падение прекратилось.

Он парил. Тишина. Ни боли, ни веса. Только дрожь в воздухе, словно эхо от недавнего путешествия.

Перед глазами вспыхнул новый мир.

Сначала размытый, словно он смотрел через чужие очки с толстыми линзами. Линии ломались, предметы дрожали. Постепенно всё выравнивалось. Становились чётче очертания: массивный стол, покрытый царапинами; стопки бумаг и протоколов; металлический шкаф с папками, поблекшие корешки которых торчали, как зубы нищего пенсионера; лампа под потолком – желтоватая и тусклая, делавшая стены ещё грязнее. Воздух пах сигаретами, перегретым радиатором и сыростью.

Пахло властью, в которой нет тепла, только усталость и равнодушие.

Посреди комнаты стоял стул. На нём сидел человек. Руки связаны, голова опущена, дыхание сбивчивое. За столом мужчина в форме что-то записывал в папку, время от времени постукивая ручкой – каждый стук отдавался, как удар молотка судьбы по Тимохиной жизни.

Тимоха машинально посмотрел на свои руки – они были невидимы.

Он снова был тенью. Бесплотным духом.

Наблюдателем.

Те, кто находились в комнате, даже не подозревали, что рядом есть ещё один «гость». Он скользил взглядом по ним, но они не замечали его присутствия.

И это снова оказалось страшнее самого путешествия.

Быть невидимым там, где решалась человеческая судьба. Там, где один росчерк ручки превращался в приговор. Там, где воздух дышал властью и безысходностью.

Тимоха узнал это место сразу. Узнал и этот день. Как и тогда, когда впервые оказался в осени 1999-го. Это был момент, который никогда не забывается.

На стуле, поставленном посреди кабинета, сидел он сам.

Голова запрокинута, волосы спутаны, слипшиеся от крови. На виске и лбу – тёмные засохшие пятна, а из-под повязки, похожей на

обрывок грязного бинта, ещё проступала красная влага. Под глазом наливался огромный фингал – чёрно-синюшный, с багровыми прожилками. Лицо опухшее, губа разбита, на подбородке корка засохшей крови.

Руки скованы за спиной наручниками – металл впился в кожу, запястья побелели, кисти посинели. Одежда висела ключьями: порванная футболка, измазанная грязью и чем-то тёмным, штаны с дырами, будто его волокли по асфальту. Рядом валялся серый пуховик, перепачканный буро-красными пятнами.

Вид был жалкий. И в то же время страшный: человек, прошедший сквозь ад, сломленный, но всё ещё живой.

Он сидел, тяжело дыша, не поднимая головы. Каждый выдох звучал глухо, словно сквозь тряпку.

Тимоха помнил эту боль.

Каждую секунду того дня – тупую, вязкую, словно его пытали самые искусные дознаватели правды. Он помнил и ужас: липкий, удушающий, обволакивающий изнутри. Но страшнее боли и страха были последствия.

Это была зима 2003 года.

Четыре года прошло с того самого дня, когда он впервые встретился с героинომ.

Четыре года, превратившихся в череду кошмаров, провалов памяти, обрывков надежд.

Четыре года, которые уничтожали всё: друзей, любовь, будущее.

Мир, открытый тогда – мир боли и пустоты, – больше не закрывался. Он втянул его, как воронка. И теперь, находясь в этом кабинете, наблюдая за самим собой в крови и наручниках, Тимоха понимал: развилки прошлого привели его сюда не случайно.

И как же его ломало.

Не только от боли – физической, рвущей мышцы и выворачивающей суставы, – но и от отсутствия того, ради чего он снова и снова рвал сам себя на куски. От отсутствия яда, который всё это время был его богом и дьяволом.

Четыре года Тимоха уже сражался с демоном, которого сам пустил в своё тело. Демон был хитёр. Он менял маски, подсовывал новые названия, но оставался прежним. Всегда – с бездонной, жадной хищностью требовал ещё. Снова и снова жаждал встречи. Снова и снова требовал впустить его в кровь.

Эти четыре года были всякими.

Демон рос в нём с каждой минутой, набирал силу, отъедал куски памяти, пожирал друзей, вычеркивал дни из календаря. Но иногда он отворачивался, словно уставал, и тогда у Тимохи появлялась слабая иллюзия свободы. В эти редкие паузы он умудрялся влюбляться, каким-то чудом доучился в университете, даже немного поработал менеджером по продажам. Со стороны его жизнь могла казаться вполне «нормальной»: парень с работой, девушкой, дипломом инженера в кармане, автомобилем и кругом общения, где не было наркоманов.

Но это была лишь ширма.

Дьявол всегда был рядом.

За ней скрывалась совсем другая реальность: постоянные обманы, мелкое воровство и одна-единственная цель – достать наркотик. Это стало сутью, двигателем, утренней молитвой и ежедневной мантрой.

Вначале всё выглядело безобидно, почти романтично. Лёгкая «влюблённость» – редкие встречи по выходным, как свидания, после которых клянёшься себе: «Больше никогда». Но каждое новое свидание втягивало всё глубже. И вот уже это был не роман, а брак на крови, омут, в который тянуло с каждым днём сильнее.

Каждое утро начиналось одинаково. Не с кофе, не с планов на день. С вопроса: где достать денег? Кого обмануть, у кого занять, что украсть или продать? Ответ всегда был один – к Серёге.

Тому самому Серёге, с которым когда-то, осенью 1999-го, он сидел на ступеньках подъезда и ждал тёмно-бордовую «девятку». Прошли годы, а маршрут не изменился. Только теперь поездки к нему были не юношеским приключением, а ритуалом выживания. Потому что именно у Серёги можно было взять то, что им обоим было нужно сильнее воздуха.

А если у Серёги ничего не было – он всегда знал, куда поехать. Их долгий, извращённый броманс: он, Серёга и третий их неразлучный друг. Только этот друг менял имена. Вчера – героин, сегодня – метадон. Завтра мог появиться новый псевдоним, но суть оставалась прежней: безнадёга.

В то зимнее утро они отправились именно за ним – за метадоном.

У них была общая знакомая – Юля. Цыганка, к которой слово «жизнь» подходило так же плохо, как к пьяному мужику, уснувшие-

му на скамейке во дворе. Она жила ходками в лагерь и торговлей: сначала героином, потом – когда тот стал дешеветь и терять качество – метадонном.

Тимоха тоже был когда-то к ней вхож. Но всё изменили долги. Они накапливались, как ржавчина на пороге старого «Пассата». На веселе висела сумма, от которой кружилась голова даже у таких, как он. Поэтому теперь к ней за кайфом ходил Серёга.

Тимоха парковал машину за углом школы, где днём носились дети, а ночью на асфальте оставались фантики от конфет и бычки от сигарет старшеклассников. Машину приходилось прятать – чтобы не было видно из окна дома, где жила их барыга. Элементарное правило: не увидит – продаст.

Серёга шёл один. Тимоха оставался в машине. Курил. Смотрел, как изо рта идёт пар, как медленно ползут по лобовому стеклу капли, и ждал партнёра по несчастью.

В этот раз всё шло по знакомому, выученному сценарию.

Тимоха заехал за Серёгой. Машина тронулась и, петляя по зимним улицам, они держали путь к цыганке. По дороге, как всегда, – обязательная остановка в аптеке: пара тех самых инсулиновых шприцов и флакон нафтизина. Маленькая бутылочка с серой резиновой крышечкой давно стала частью их «алхимии» – в ней удобно было разводить порошок, добавлять воду и кипятить метадон, пока он не превращался в мутный, белёсый раствор.

Они молчали. Разговоры в такие моменты были лишними, потому что обоим уже начинало становиться плохо. В воздухе стояло напряжение ожидания, будто впереди не банальная покупка, а опасная сделка, где на кону жизнь. Хотя именно так и было.

Привычное место – угол школы. Старая облупленная стена, трещины на облицовочной плитке.

Серёга захлопнул дверь и пошёл быстрым шагом. Его силуэт мелькнул на заснеженном футбольном поле и скрылся в темноте подъезда. Там, за этой дверью, на девятом этаже и жила Юлия – их постоянный источник невыносимой жизни.

И началось то, что Тимоха ненавидел больше всего.

Ожидание.

Оно растягивалось, как резина. Минуты тянулись вязко, будто воздух густел вокруг. Каждая секунда звенела, как первая струна акустической гитары. В такие мгновения казалось, что весь город

замер – только ты сидишь в машине и считаешь удары сердца, пока кто-то другой решает, будет у тебя завтра или нет.

И вдруг – резкий стук в стекло.

Тимоха вздрогнул, сердце ухнуло в пятки. Он повернул голову – рядом с машиной стояла девушка в синем пуховике. Тёмные волосы, слегка растрёпанные, на лице не то усталость, не то безразличие. Она сделала жест рукой: мол, открой.

Тимоха машинально перевёл взгляд на подъезд, в котором только что скрылся Серёга. Мало ли, он уже появился. Нельзя терять секунды. В любой момент дружище мог выбежать, и тогда надо будет рвать с места – давить на газ, ехать к кольцевой, в тот самый карман, где они обычно прятались, чтобы вмазаться.

Он не хотел отвлекаться, но всё же приоткрыл окно. Хотелось, чтобы эта дамочка исчезла как можно скорее.

– Подскажите, а сколько времени? – спросила она максимально странным и отстранённым голосом.

Тимоха вопросительно качнул головой, не понимая, зачем спрашивать такое, если у неё в руках телефон. Экран светился ярким прямоугольником, и на нём ясно горели цифры: 11:11.

Но он даже не придумал этому значения. Все мысли были в глубине подъезда, где уже по ступенькам вниз бежал Серёга, сжимая в ладони маленький чёрный свёрток – шарик метадона, запаянный в целлофан.

Тимоха бросил взгляд на приборку машины.

– Десять минут двенадцатого, – отрывисто сказал он.

И тут же закрыл окно.

Не дожидаясь ни «спасибо», ни взгляда в ответ.

Из подъезда вылетел Серёга.

Его скорость была близка к сверхзвуковой – он буквально скользил по снегу, перемешанному с грязью. Отличный знак: значит, у Юли всё было хорошо. Если бы ничего не было или она заподозрила, что в схеме замешан её должник Тимоха, Серёга бы шёл медленно, не торопясь, с выражением глубокой скорби на лице. А тут – парил над землёй, держа в ладони спасительный шарик.

И вдруг.

Прямо между машиной и приближающимся Серёгой выросли двое. Появились резко, будто из воздуха. Приветствие, короткие объятия – ничего необычного. Разговор начался так, словно они знали друг друга давно.

И тут взгляд Тимохи зацепился за деталь.

Из-под кожаной куртки одного из них торчала антенна.

Рация.

Мир сузился до одного слова, которое зазвучало в голове, как удар молота:

Приём.

Это был приём.

Тимоха дёрнулся, метнул взгляд к Серёге – оставалось метров десять, не больше. Хватит ли времени? Руки сами схватили телефон с панели, экран вспыхнул. Он хотел набрать его номер, хоть как-то подать сигнал – голосом, жестом, взглядом. Но было поздно.

Серёга уже нёсся прямо в объятия двоих. Теперь было ясно: это не случайные прохожие. Это были опера.

События развивались молниеносно.

Серёга почти сравнялся с операми – и в этот миг один из них рванулся вперёд. Бросок был хищным, отточенным, будто тигр прыгнул на добычу. Но Серёга, словно настоящий раннингбек из американского футбола, сделал резкий финт, ушёл от захвата и, включив второе дыхание, свернул к школьному стадиону.

Опешив на секунду, опера рванули за ним, но Серёга летел так, будто за спиной у него расправились крылья.

Тимоха завёл двигатель, резко воткнул заднюю передачу.

Мысль билась в голове, как загнанная птица: надо валить.

Серёга обречён – но себя ещё можно спасти.

Он бросил взгляд в боковое зеркало – и сердце остановилось.

К машине стремительно приближалась группа захвата.

Мощные фигуры в чёрном, лица закрыты балаклавами, в руках – пистолеты, направленные прямо на машину.

А вот и пиздец, – мелькнуло в голове.

Уехать уже не получится.

Единственный путь со школьного двора был перерезан.

Тимоха резко открыл дверь и застыл, чувствуя, как воздух вокруг стал густым, как кисель в школьной столовой.

Он не шевелился.

Рука лежала на руле, пальцы сжаты так, что побелели костяшки.

Двигатель урчал глухо, но Тимоха вернул кулису в нейтральное положение.

В зеркале заднего вида чёрные фигуры приближались всё ближе.

Шаг. Ещё шаг. Их ботинки чавкали по грязному снегу, и этот звук, казалось, был громче мотора.

Балаклавы скрывали лица, но от этого становилось только страшнее.

Ни глаз, ни эмоций – только чёрные прорезы, из которых будто вытекала пустота.

Пистолеты были направлены прямо в заднее стекло.

Он остался сидеть.

Он просто ждал.

Словно прирос к сиденью, словно вся его воля испарилась.

Дышал тяжело, и каждое дыхание отзывалось громким эхом внутри головы.

Удар. Сильный, тупой, в лицо.

Тимоха закричал – истошно, надрывисто. Зачем? Зачем бить, если он и так не сопротивляется?

Второй удар пришёлся в нос – и кровь хлынула ручьём, тёплая, липкая, заливая губы, подбородок, стекая на живот.

Его схватили за волосы и с звериной силой выдернули из машины, бросили в слякоть.

Потом удары посыпались один за другим.

С животным азартом, без капли жалости, люди в чёрном били Тимоху ногами.

Он пытался закрыть голову руками, но подошвы ботинок находили каждую щель в его защите – били по лицу, по рёбрам, по плечам.

В каждом ударе чувствовалась не просто сила, а жажда подавить, уничтожить, стереть его «я» в ничто.

С непонятной целью, словно для поднятия «значимости задержания», кто-то разбил боковое стекло его машины.

Зачем? Она и так стояла открытая. Уже пустая.

Звук хруста стекла разрезал воздух – будто издевательский хлопок неизвестного зрителя в этой сцене.

Где-то рядом, посреди заснеженного школьного стадиона, били и Серёгу.

Жёстко. Сильно. Беспощадно.

Да, утро не задалось.

Тимоха лежал в слякоти, перемешанной с собственной кровью. Удары прекратились.

На затылок опустилась тяжёлая подошва — и со всей силы вдавила лицо в снег.

Холод обжёг кожу, ледяная крошка забивалась в рот и нос, воздух исчезал.

Он застонал, отчаянно пытаясь вдохнуть, но получался только приглушённый, сдавленный звук — больше похожий на стон раненого животного.

Давление ослабло. Кто-то хрипло выругался.

Щелчок наручников за спиной прозвучал, как уже вынесенный приговор.

Поездка закончилась.

Тимоха повернул голову набок.

Глаз уже заплывал, наливался тяжёлой фиолетовой опухолью, но сквозь мутное зрение он всё ещё различал происходящее.

Рядом с машиной стоял Серёга — его притянули с поля. Поставили к стене школы. Голова прижата, руки за спиной. Он дёргался, возмущался, но это выглядело жалко, бесполезно.

Помимо оперов и спецназа, скрутивших их, рядом стояла девушка в синем пуховике.

Та самая, что стучала в окно и спрашивала время.

Телефон в её руке уже не горел безобидными цифрами. Теперь она разговаривала по нему — коротко, чётко, деловито.

И именно в тот момент всё стало ясно: всё можно было понять ещё тогда, во время нелепого вопроса про время.

Сигнал. Сценарий.

Но Тимоха понял это слишком поздно.

Жажда кайфа давно опустила ему шоры на глаза.

Машину обыскивали.

Пальцы оперов обшаривали каждый карман, каждый зазор.

Рядом с Тимохой положили два инсулиновых шприца, флакон нафтизина и прокуренную пипетку, которую он всегда держал в бардачке. Всё выглядело, будто давно приготовленный натюрморт о вреде наркотиков в жизни молодёжи.

Тимоха замер, дыхание сбилось.

Мысль вонзилась иглой: «Главное, чтобы не подкинули».

Было страшно не меньше, чем от наручников или ударов.

Страшно оказаться в связке с Серёгой по одной делу. Его могли притянуть за компанию — и никого бы это не удивило.

Группа лиц.

По предварительному сговору.

И дальше – по накатанной.

Привели понятых. Два случайных прохожих – или «случайных», как это обычно бывает.

Их поставили рядом, что-то показывали в машине, что-то вытаскивали из кармана Серёги.

Ключи. Заветный чёрный шарик. Остатки Серёгиной свободы.

Тимоха попытался приподнять голову, вытянуть шею – хотя бы краем глаза увидеть, что именно демонстрируют.

И тут же – удар.

Жёсткий, резкий, в лицо.

Нога влетела, как молот кузнеца, сбив дыхание.

В глазах вспыхнули искры.

Свет погас.

Сознание вырубилось – оборвалось, как будто кто-то резко дернул выключатель.

Тимоха смотрел на себя – избитого, в наручниках, сидящего на стуле в кабинете отдела по борьбе с наркотиками.

Он помнил каждое мгновение этого дня.

После того как их с Серёгой арестовали, их повезли в отдел.

Тимоху закинули на заднее сиденье, а кто-то из оперов сел за руль его машины, и они поехали следом за машиной, в которой везли Серёгу.

Зима. Мороз. Боковое стекло выбито – воздух резал кожу, как наждачная бумага.

Но Тимоха тогда об этом даже не думал. Его мысли были о другом: что дальше? Притянут ли его вместе с Серёгой?

Попробуют ли приписать «группу лиц»?

А может, и вовсе впаяют распространение? Статьи тяжёлые, с немалым сроком.

Конечно, попробовали.

В отделении начался жёсткий прессинг.

С него выбивали показания – нужные, «правильные»: чтобы он сказал, что они хотели приобрести метадон не только для себя, но и для продажи. Чтобы в дело легли слова о поступках, которых они

никогда не планировали.

Нахождение в кабинете было похоже на спектакль, где Тимохе отвели роль жертвы.

Добрый и злой коп.

Дверь распахивалась, и в кабинет входил начальник отдела – невысокий, коренастый, с широкими плечами и тяжёлым взглядом. В руках – телефонная книга «Жёлтые страницы города».

Огромная, как кирпич, с острыми углами, она в его руках превращалась в орудие.

Он брал её и со всей силы бил Тимоху по лицу.

Удар.

Ещё удар.

Обложка книги, пахнущая беспределом и чернилами, впечатывалась в кожу.

От каждого удара голова откидывалась назад, мир на мгновение становился белым, а потом снова возвращался серым, прокурренным и ужасным.

Книга – источник информации для тысяч жителей города – здесь стала инструментом пытки.

Ирония была почти прекрасной: справочник города, в котором печатались имена и адреса живых людей, выбивал из Тимохи правду, которой не существовало.

Тимоха помнил: он не собирался играть в партизана, готового хранить тайну до последнего.

Он сломался быстро. На четвёртом ударе книгой.

В тот момент ему стало всё равно. Подписать любые бумаги, наговорить всё, что угодно, лишь бы это закончилось. Пусть пишут сами – он согласится, он подпишет. Главное – чтобы перестали бить.

Тело болело зверски. Голова раскалывалась от ударов, полученных ещё утром, когда группа захвата ровняла его берцами, когда его волокли по снегу и асфальту к дверям отдела.

Но это была лишь одна боль. Куда страшнее поднималась другая – изнутри.

Демон.

Он просыпался. Злобный, ненасытный, обиженный тем, что Тимоха не дал ему утренней порции метадона. Каждая секунда без наркотика превращалась в пытку. Боль от побоев накладывалась

на голод демона, разрывая изнутри. Сухожилия тянулись, мышцы сводило, кости будто раскручивали на винтах.

Наблюдатель-Тимоха стоял в тени, а его «я» из прошлого сидел на стуле – избитый, в наручниках, с распухшей губой и заплывающим глазом.

И он соглашался. Со всем, что ему предъявляли.

Он кивал, он молча ждал, пока опер допишет протокол, который нужно было подписать.

Подписать – как приговор самому себе.

Тимоха знал, что будет дальше.

Эти стены – только пролог этой истории.

Из кабинета его повезут на освидетельствование. Холодный коридор наркологической больницы, воняющий хлоркой туалет, баночка для анализа. Он помнил, как стоял над ней, выдавливая из себя жалкие капли, а рядом скучающий опер смотрел на него.

Результаты показали всё сразу – целый джентльменский набор: метадон, трамадол, марихуана, амфетамин. Четыре имени демона, которые жили в нём тогда, в 2003 году.

После этого – изолятор. Потом тюрьма.

Шесть долгих месяцев до суда.

Время, где дни одинаковы, как кирпичи в стене нового дома, и тянутся вязко, как водка из морозилки.

Он будет пытаться кричать о пытках, о том, что оговорил себя под ударами, что его вынудили.

Но крики глохли в кабинетах следователей, а жалобы в прокуратуру превращались в пыль на листах бумаги.

И всё же кое-что сработало. После бесконечных жалоб статью смягчили.

На суде его отпустили. «Ограничение свободы», – сказал судья, и удар молотка поставил точку.

Но только в деле, не в судьбе.

Пятно осталось.

Чёрное, въедливое, как мазут на белой футболке.

Судимость.

Она теперь всегда будет рядом. При трудоустройстве – в анкете, в графе «судим». При подаче на кредит – в отказах, где улыбчивый менеджер банка уже заранее всё знает, но делает приятную заточку, как будто есть небольшая надежда. Даже в ненавистный

аэропорт его не хотели брать – пришлось тестю договариваться, уговаривать руководство.

Да, тот день изменил многое.

Лихо, без возврата, обрезав и так подпалённые крылья Тимохи. Развилка.

Жизнь пошла другим путём – тяжёлым, уродливым, поломанным.

И сейчас была возможность что-то изменить. Хотя бы попытаться.

55 секунд.

Незримый счётчик уже тикал.

Пять драгоценных секунд ушли только на то, чтобы осмыслить происходящее и сопоставить факты.

Опер за столом дописывал протокол. Тимоха из прошлого сидел, опустив голову, молча соглашаясь со всем, что происходило.

И сейчас Тимоха понимал: в своё тело он не попадёт. Единственная живая оболочка в этом кабинете – этот человек в форме, склонившийся над бумагами.

Можно было бы подождать, пока зайдёт начальник, но это могло случиться через десять, пятнадцать минут. У него их не было.

52 секунды.

Выбор оставался один – опер.

В памяти всплыло, как в тот день он пытался выкрикнуть имя.

Имя друга.

Друга детства.

Когда-то они были неразлучны.

Они росли бок о бок: играли во дворе в войнушку, смеялись до боли в животе, строили планы, верили в то, что жизнь будет честной и доброй. В юности дружба стала ещё крепче: вместе под окнами подъезда горланили «Гражданскую оборону» под дребезжащие струны гитары, вместе дрались с гопотой, вместе влюблялись в одну и ту же девчонку.

А потом дороги разошлись. Друг поступил в академию, Тимоха – в радиотехнический. Связь сохранялась, но всё становилась реже и слабее.

Когда Тимоха начал торчать, встречи стали эпизодическими, а потом почти сошли на нет.

Друг стал опером по наркоте.

Тимоха – наркоманом.

Ирония детской дружбы.

Именно поэтому мысль о друге возникла в тот вечер в отбитой голове Тимохи – как о ком-то, кто мог бы вытащить из этого ада.

Кто-то, кто ещё оставался по ту сторону.

«Какой на хуй друг! Ты себя в зеркало видел, пидор?» – тогда ответил ему опер.

48 секунд.

Надо узнать, упоминал ли он уже друга. Точной хронологии тех событий Тимоха не помнил.

И другого пути не оставалось – нужно было попробовать через опера.

Тимоха переместился к нему и ощутил, что вместо растворения – упёрся в стену. Не в каменную, не в физическую, а в живую, вязкую преграду. Это была чужая психика, чужая жизнь. Попасть туда удалось лишь краем сознания, словно приложить глаз к замочной скважине.

И тут он понял: управлять этим телом невозможно.

В нём всё было занято.

Каждая мысль, каждый нерв, каждый вздох – отданы ненависти.

Опер не просто выполнял работу. Он жил ради неё. Это был Шариков, который жил отловом кошек, только вместо кошек были наркоманы.

Его внутренний мир был сжат в один-единственный импульс – ненависть к наркоману, сидевшему на стуле. Ненависть, которая жгла его изнутри, как кислота. Ненависть, которая не оставляла места для сомнений или жалости.

Тимоха слышал этот гул, как голоса в своей голове.

«Скунс. Скунс. Вонючий, конченный скунс».

Не слова даже – ритм, мантра, навязчивая песня.

Эта одержимость делала тело неприступным.

Попробовать пошевелить рукой – и он чувствовал лишь отвращение, как если бы грязными руками пытались тронуть святыню.

Попробовать открыть рот – и язык отказывался повиноваться, застревая в челюсти, скованной презрением.

43 секунды.

Управлять им было невозможно.

Не из-за слабости Тимохи, а потому что в этом человеке не существовало свободного места. Всё, что наполняло его изнутри, было ненавистью – настолько густой, что через неё нельзя было прорваться.

Тимоха оторопел. Это было для него новым испытанием.

40 секунд.

Время таяло. Опер не давал завладеть своим телом.

И вдруг – на стуле, посреди кабинета, его «прошлого я» зарыдало. Громко, с воем, надувая кровавые сопли. Это была истерика безнадёжности, вопль в пустоту.

Тимоху пронзило. Ему стало безумно жалко самого себя. Он уже не помнил конкретной боли того дня, но эти слёзы, эти судорожные всхлипы мгновенно вернули его в то состояние – в отчаяние, когда жить не хочется, но и умереть страшно.

Он попробовал поднять руку опера. Медленно, тяжело, словно пробиваясь сквозь вязкий слой ненависти, двинул её к столу. На столе лежал телефон – старая «Нокия», синий кирпич со стёртыми кнопками. Пальцы тянулись к нему миллиметр за миллиметром. Каждое движение было подвигом, борьбой с чужим телом, чужой волей.

33 секунды.

На стуле Тимоха завыл ещё громче. Его крик стал невыносимым, наполнял кабинет, как вой подстреленного зверя.

Время уходило.

Надо быстрее.

На этот вой мог ворваться начальник отдела – и тогда всё, что пытался сделать Тимоха, станет бессмысленным.

Его снова будут бить книгой по голове. А может, уже и не книгой.

27 секунд.

Телефон оказался в руках.

Теперь осталось только набрать цифры. Номер друга.

Шесть. Четыре. Восемь. Один. Семь. Один. Шесть.

Вызов.

Пошли гудки.

Тимоха на стуле блеванул. Его тело тряслось, рвота стекала по подбородку на пол.

И к ненависти опера добавилось отвращение. Эти два чувства – чужие, но такие сильные – вместе выталкивали Тимоху наружу.

Он больше не управлял. Его выбрасывало из тела, как пробку из бутылки шампанского в новогоднюю ночь.

20 секунд.

Третий гудок.

Сейчас включится автоответчик.

Минута снова уйдёт в никуда.

«Бессмысленно», – шептал в голове голос Сета. – «Ты не изменишь ничего».

Тимоха заорал.

На самого себя, на судьбу, на эти правила, на весь этот фарс с дверями.

Какого чёрта он снова сидит тут, снова видит своё разбитое лицо, снова слышит, как у него выбивают показания?

И всё равно – держится за трубку.

Всё равно цепляется за гудки, как утопающий за корягу в ледяной реке.

Пусть Сет прав. Пусть результат предрешён.

Но хоть раз, хоть на секунду – Тимоха хотел почувствовать, что он сам делает выбор.

Что он сопротивляется.

Что он не просто скунс на стуле, не просто марионетка в чьих-то руках.

И от этого желание услышать голос друга в телефоне становилось почти молитвой.

14 секунд.

– Алё! Здорова, Андрюха! По делу или так, поговорить? – динамик ожил. На том конце раздался голос друга.

В тот миг Тимоху окончательно вышвырнуло из тела опера. Он снова смотрел из угла кабинета – бесплотным духом, наблюдателем.

Опер выглядел так, будто очнулся от забвения и не понимал, что происходит. Ещё минуту назад он дописывал протокол, а теперь держал в руках телефон, где звучал голос его одноклассника по академии. Того самого, о котором визжал наркоман на стуле – конченный, обосранный от страха, вонючий, как скунс.

10 секунд.

– Привет, дружище... – опер осёкся. Он не знал, что сказать. Не собиравшись набирать его, но каким-то образом набрал.

– Подскажи... ты знаешь такого Тимофея? Сейчас он у нас в гостях.

На линии повисла пауза.

6 секунд.

– Что произошло? – прозвучал вопрос. Громко, слишком громко. Будто это был не телефонный динамик, а колонка с выкрученной на максимум громкостью.

3 секунды.

Тимоха скрестил невидимые руки на груди, положил ладони на предплечья. Он готовился к перемещению.

Он сделал всё, что мог.

Попытался.

Сколько бы Сет ни твердил, что прошлое не меняется – пробовать всё равно надо.

2 секунды.

Он посмотрел на себя – жалкого, избитого, облеванного наркомана на стуле. Поломанного, готового на всё.

«Блядь... так нельзя».

1 секунда.

«И это только начало».

Щелчок. Как выключатель. Свет в кабинете погас. Темнота окутала пространство.

Домой.

ГЛАВА 6

“СЦЕНАРИЙ”

– Неплохая попытка, – голос Сета был тем же: тёплый по тону, холодный по смыслу. Он будто укутывал голову Тимохи пледом спокойствия – и одновременно прибавлял этим же пледом к маленькому диванчику. – Уровень драматизма на высоте. Я бы посмотрел этот эпизод ещё раз.

– Да уж, спасибо, не надо, – выдохнул Тимоха. В глазах всё ещё стояла картинка из кабинета: он-2003, сломанная воля, блевота на полу, книга, летящая в лицо.

– Сет... за что мне это всё? Забери. Сотри. Отправь без памяти в любой мир. Я согласен. Только не назад. Я не хочу входить в двери.

Сет улыбнулся так, как улыбаются врачи перед болезненным уколом.

– За что? – он чуть повёл плечом. – Не за что, Тимофей. Здесь не выдают ни награды, ни наказания. Здесь дают только правила. И ты их уже знаешь. Двери не мои – я лишь хозяин Комнаты. Двери – твои. Их открывает Янус, но выбирает всегда жизнь, которой ты успел стать. Или та, которой бы ты мог жить.

Дог поднял голову, посмотрел разными глазами и тяжело вздохнул. Пол тронуло едва слышной вибрацией, как от далёкого поезда.

– Стереть память – это очень просто, – продолжил Сет. – С чистого листа пишут только в рекламе. Мы обсудим это после того, как ты закончишь брэнное существование в своём мире. Осталось не так много. Восемь минут. Или время уже начинает для тебя иметь другой вес?

– Я не хочу назад, – упрямо повторил Тимоха. – Не хочу входить.

– Не входить – тоже вход, – мягко сказал Сет. – Отказ – это выбор, а выбор – та же дверь, только без ручки и полотна. Ты можешь сидеть в этой Комнате вечно. Говорить со мной. Янус не обидится. Но знай: то, от чего убегают, умеет догонять. Оно придёт. И когда придёт – ты всё равно окажешься по ту сторону порога.

Тимоха молчал. В камине треснула щепка – как выстрел из детского пистолета, который был у него в детстве. С лентой пистонов.

– Ты хочешь облегчения, – Сет наклонился вперёд, опершись локтями о подлокотники. – Но облегчение – не валюта этой Комна-

ты. Здесь расплачиваются вниманием. Смотри внимательно. Действуй, если можешь. Терпи, если не можешь. И помни: смысл не выдаётся на входе – его выносят с собой.

Он кивнул на Януса.

– Ты просишь не открывать. Это просьба не ко мне. Но и он не слуга. Он хранитель. Он воет, когда ты готов войти в дверь.

Сет затушил сигару в тяжёлой пепельнице, как будто ставил точку.

– Твои десять минут – не приговор и не спасение, – сказал он тихо. – Это твой последний честный разговор с самим собой. Можешь молчать. Можешь кричать. Можешь вселяться в чужих и менять им ходы. Итог, возможно, не сдвинется ни на миллиметр. Но изменишься ты – здесь. И этого, увы или к счастью, достаточно. Для того чтобы начать новую жизнь. В другом мире, полностью уничтожив память о предыдущем.

Он откинулся в кресле, и в его голосе мелькнуло почти человеческое тепло:

– Если хочешь – посидим, подождём.

Янус поднялся, потянулся, и тихий, первобытный звук прокатился по Комнате – не вой, ещё нет, но удар первой волны перед грандиозным штормом.

– Выбор прост, Тимофей, – заключил Сет. – Или ты отдаёшь минутам себя, или минуты забирают тебя. В обоих случаях время будет довольно. Решай только, кто встанет первым: ты – или дверь.

Слова Сета звучали как магическое заклинание.

Тимоха чувствовал, как дыхание постепенно выравнивается, как сердце начинает биться ровнее.

Эта удивительная способность хозяина Комнаты – убеждать. Обволакивать своей уверенностью, словно пуховым одеялом.

– Расскажи, что было дальше. В 2003-м... – Тимоха устроился в кресле удобнее, словно собирался слушать долгую историю.

– Получилось ли у меня сдвинуть хоть на толику события? Хоть каплю изменить их?

Сет прищурился. На лице появилась едва заметная улыбка, будто он заранее предугадывал этот вопрос.

– О, я знал, что твой интерес будет таким живым, – сказал он после небольшой паузы.

Камин потрескивал. Красные языки огня вырывались наружу,

отражаясь в глазах Сета. Тени на стенах шевелились, словно тоже прислушивались к беседе.

– Локально ты поменял многое, – продолжил он. – Глобально – ничего.

Ответ прозвучал так, будто и не требовал продолжения. Но именно эта фраза – короткая, веская – добавила лишней загадочности и без того непростой атмосфере Комнаты, тонущей в бесконечном чёрном пространстве.

Сет сделал короткую паузу, потом, будто нарочно снизив голос, произнёс:

– Слушай... это действительно интересные события. В тот день многое изменилось. Для тебя.

Он склонил голову вбок, словно вспоминая.

– Друг, которому ты набрал... Он долго разговаривал с опером. А тот к тому моменту уже полностью написал протокол, в котором ты оговорил и себя, и своего «друга по несчастью» Серёгу.

Ну... если его, конечно, можно назвать другом.

Пламя в камине взметнулось выше. Сет поднял палец, будто выделяя главное:

– Твой друг детства попросил сделать так, как должно было быть на самом деле. Без приписок и выбитых показаний. Оставить тебя свидетелем.

Тимоха чуть приподнялся в кресле. Внутри что-то дрогнуло.

– С метадоном приняли только Серёгу. У тебя же нашли лишь два инсулиновых шприца, фурик нафтизина и прокуренную пипетку с пружинкой внутри. За неё, по-хорошему, и зацепиться-то было трудно. Её даже при понятых не описали.

Сет сделал короткий вдох, словно смакуя собственные слова:

– В итоге ты остался чистым свидетелем. Парнем, который ранним зимним утром просто подвёз своего друга неизвестно куда.

Он усмехнулся.

– А вот опер... Андрюха, – тут Сет позволил себе чуть фамильярности, – конечно, расстроился.

Сет повёл взглядом, глаза его блеснули.

– Во-первых, потому что отвращение и ненависть к наркоману на стуле зашкаливали. Они разрабатывали вас с Серёгой уже месяц – ждали, готовились.

Во-вторых – потому что пришлось переписывать протокол.

А там ведь так сладко было расписано: намерение не только заторчать, но и продать метадон неустановленным лицам. Это тянуло на крепкую третью часть для вас обоих. Лет так на десять. Каждому.

Сет откинулся назад и тихо засмеялся. Его смех был негромким, но тянулся, как эхо в актовом зале.

– Но офицерская дружба, видимо, оказалась сильнее ненависти. Андрюха согласился.

Он вышел из кабинета, переговорил с начальником, а, вернувшись, снял с тебя наручники. Металл щёлкнул – и запястья обрели долгожданную свободу.

После чего он сел за стол и начал писать новый протокол. Справедливый. Для тебя.

Через час вы уже ехали на освидетельствование. В коридоре наркологии действительно пахло хлоркой и холодом.

И там случилось самое странное: ненавидящий до отвращения опер сам помочился вместо тебя в баночку – чтобы твои анализы не показали ничего лишнего. Чтобы за тобой не потянулся длинный список названий веществ, которые давно прописались в крови.

И ты поехал домой.

Этот день закончился именно так. Не тюрьмой, не «химией», не месяцами в изоляторе, а вечерним возвращением в ту самую реальность, от которой ты утром пытался убежать.

И вечером ты даже умудрился уколоться – снять стресс, снять боль, успокоить демона, который рвал тебя на части.

– Ну так у меня получилось? – спросил Тимоха, чуть подался вперёд. В голосе звучала надежда. – Я не провёл полгода в тюрьме? Не уехал на «химию»? Или... я чего-то не знаю?

– Теперь самое вкусное, – голос Сета стал мягче, но в нём прозвучал странный азарт. – И самое интересное, о чём хочу тебе поведать. Про сценарий.

Он чуть подался вперёд, как будто доверял тайну, которую не принято произносить вслух. Пламя камина отразилось в его глазах, и на миг они показались Тимохе чем-то нечеловеческим – слишком внимательными, слишком глубокими.

– Тимофей, ты никогда не задавался вопросом, почему происходят те или иные события, которым вроде бы нет объяснения? – Сет сделал паузу, позволяя словам провалиться в сознание. – Ну,

скажем, человек едет по трассе. Вдруг лопается колесо. Почему именно сейчас? Почему именно здесь?

Он чуть улыбнулся и продолжил:

– Этот человек выходит из машины, наклоняется, чтобы начать крутить гайки. А в этот же момент по трассе несётся абсолютно пьяный водитель. Он засыпает за рулём именно в ту секунду, именно в этом месте. Руки сворачивают руль вправо – и он сбивает того самого парня, который меняет колесо.

Тимоха вздрогнул. В словах Сета не было ни капли надрыва – они звучали как лекция, но от этого становилось только страшнее.

– Заметь, – Сет поднял палец, будто учитель, – он не проехал пять метров раньше. Не пять метров позже. Он сбил его точно здесь и точно сейчас. Колесо лопнуло именно на этом участке дороги. Пьяный оказался именно в этот час, именно на этой полосе. Он заснул именно в тот момент. Слишком много «именно».

Он откинулся в кресле, положив руку на подлокотник.

– Это не совпадения, Тимофей, – голос стал тише, почти интимным. – Это судьба.

Сет на секунду замолчал, давая Тимохе переварить услышанное. Потом, чуть наклонившись вперёд, продолжил:

– Хочешь, я расскажу тебе ещё? Допустим, родители собирают ребёнка на автобус, который везёт детей в аэропорт, откуда они летят в Италию. И опаздывают – автобус уезжает без них. Они расстроены, ребёнок в слезах. Но этот автобус попадает в аварию, не доехав до аэропорта пятнадцать километров. И вот скажи: что это? Удача? Совпадение? Или чёткий пункт в сценарии?

«Какая знакомая история», – подумал Тимоха.

Сет щёлкнул пальцами – тихо, как будто акцентируя точку в предложении.

Он чуть усмехнулся, а в уголках глаз появилась едва заметная насмешливая морщина.

– Видишь ли, Тимофей, – Сет откинулся в кресле, глядя прямо на него, – то, что люди называют “совпадениями”, – это лишь косяк судьбы. Случайность – всего лишь маска. А за маской всегда сценарий.

Сет переплёл пальцы и заговорил так медленно, будто каждое слово он выкладывал камнем на мостовой:

– Люди всегда хотят изменить сценарий. Иногда – сознатель-

но: меняют работу, разводятся, уезжают в другой город, начинают всё сначала. Им кажется, что это выбор. Иногда – подсознательно: совершают “случайные” ошибки, опаздывают, путают адреса, забывают вещи. Им кажется, что это случайность.

Он чуть прищурился, в уголках глаз блеснула насмешка.

– Но суть в том, что в каждом из этих действий они пытаются бороться с невидимой нитью, которая тянется от начала и до конца их жизни. Это смешно и трогательно одновременно. Ребёнок, который играет в песочнице и думает, что он строит замок... хотя на самом деле просто повторяет форму ведёрка.

Сет сделал паузу, взял стакан с вином, который появился на столике из ниоткуда, повертел его в руке, и алое отражение пламени камина заиграло на стенках бокала.

– Даже ты, Тимофей. Ты сидишь тут и думаешь: «Я попробовал, я сделал звонок, я сдвинул события хоть на толику». Ты цепляешься за иллюзию, что это твоя победа. А на самом деле это тоже часть сценария. Твоё желание переписать его – тоже написано.

Он наклонился ближе, и голос его стал почти шёпотом:

– Понимаешь, в этом трагедия. Человеку всегда кажется, что у него есть власть. Что он может переписать текст, убрать главу, вставить новую сцену. Но как только он берёт в руки ручку – он обнаруживает, что чернила уже сухие. Страницы давно напечатаны.

Сет откинулся назад, и камин отразился в его глазах огненными искрами.

– И всё же... – он улыбнулся. – Люди продолжают пытаться. В этом есть нечто прекрасное. В их упрямстве. В их вечной попытке бороться со сценарием, которого они никогда не увидят целиком.

Сет усмехнулся, сделал паузу и провёл ладонью по подлокотнику кресла, словно подчёркивал каждый свой жест.

– Единственное место, где нет сценария, Тимофей, – это здесь. В этой Комнате.

Он говорил спокойно, но слова звучали так, будто ножом царапали стекло.

– Здесь нет текста, написанного заранее. Нет ролей, распределённых свыше. Здесь ты – не персонаж, а игрок. Ты можешь задавать вопросы, можешь спорить, можешь молчать. В этом пространстве ты впервые свободен от сценария.

Огонь в камине треснул, высекая искры.

– Но такая свобода, Тимофей, – это не подарок. Она пугает. Человек привык к сценарию. Ему страшно, когда перед ним пустая страница. И ты уже понял: двери ведут только туда, где сценарий давно написан. Прошлое, будущее – всё расписано по строкам. А здесь – нет. Здесь решаешь ты.

Он подался вперёд, чуть понизил голос:

– Вот почему тебе тяжело, Тимофей.

Ты не хочешь страдать в прошлом. Боишься заглянуть в будущее. Молишь меня о том, чтобы стереть память и начать всё заново – будто новая жизнь без воспоминаний освободит тебя.

Сет сделал паузу, и пламя камина, казалось, отразилось в его глазах.

– Но ты боишься не дверей. Ты боишься ответственности. Боишься признать, что именно твой выбор привёл тебя сюда. Что не судьба, не демоны, не случайность. Только ты.

Сет подался вперёд, опершись локтями о подлокотники кресла. Его голос звучал мягко, но каждое слово врезалось в воздух, словно крошило его на осколки:

– Человек, который живёт мирскую жизнь, никогда не знает своего сценария. Он идёт по дороге и не видит, что ждёт его за поворотом. Не знает, что произойдёт через пять или десять минут. Радость или трагедия? Любовь или потеря? Он живёт в неведении – и это его единственная защита.

Сет сделал паузу, позволив тишине заполнить пространство. Янус, лёжа у камина, поднял уши, будто вслушивался в каждое слово.

– А у тебя, Тимофей, всё иначе. Ты видел пьесу целиком – от начала до конца. Ты знаешь её трагедии и развязки. Но у тебя сейчас есть возможность менять сценарий. Не переписать его целиком – нет, так не бывает. Но вносить поправки, делать пробные движения, искать новые акценты. Это уникальная возможность.

Сет улыбнулся – но в этой улыбке было больше холода, чем тепла:

– Люди всегда мечтают заглянуть за кулисы, увидеть, чем закончится спектакль их жизни. Но если бы они получили такую власть – они бы сошли с ума от ответственности. А ты – уже здесь. Перед тобой двери. И каждый шаг – это твой шанс.

Тимоха молчал. Ему тяжело давалась эта информация.

Количество событий, обрушившихся на него с той секунды, когда он, сидя на диване в своей квартире, сделал свой последний укол, зашкаливало.

Слишком много. Слишком плотно. И почти всё казалось важным.

– Хочешь узнать, как пошла твоя жизнь после того, как ты попытался переписать сценарий?

Тимоха лишь кивнул.

Сет улыбнулся краем губ.

– Как я и сказал: глобально не поменялось ничего.

Он сделал паузу, словно смакуя каждое слово.

– Буквально через несколько месяцев ты окажешься на свадьбе у друга.

Праздник, смех, тосты. А после – такси.

Вы вызовете машину и в какой-то момент сцепитесь с водителем.

Рамс.

Слово за слово.

Пауза. Сет чуть склонил голову.

– Таксист вызовет помощь.

И придут коллеги. Целых восемнадцать человек.

Восемнадцать против четверых.

Это не драка. Это избиение.

Тимоха непроизвольно дёрнулся, но промолчал.

– Кто-то вызовет милицию.

И долго разбираться не станут. Зачем?

Вы – пьяные после свадьбы.

Они – трезвые, на работе.

А количество?.. Какое значение имеет количество?

Сет усмехнулся почти незаметно.

– Ты, кстати, и не ударил тогда толком. Ни разу. Только защищался.

Но итог... итог вышел тем же.

Он выдержал паузу, как будто дал Тимохе самому закончить мысль.

– Изолятор. Протокол. По бумаге выходит, что ты избил восемнадцать человек.

Суд.

И то же ограничение свободы.

Сет развёл руками.

– Всё то же самое. Абсолютно.

Поменялись только цифры в статье.

А срок – остался тем же.

– Видишь ли, Тимофей... – голос Сета стал тише, будто он проносил заклинание. – Сценарий сохранился. Ты всего лишь вырвал из него одну сцену и вставил другую.

Пауза. Огонь в камине щёлкнул, вспыхнув искрой.

– Ты убрал суд за наркотики, но на его место встал суд за драку. Так работает сценарий. Он не исчезает. Он подстраивается.

Точно так же, как с твоим первым уколом. Ты не отменил его – ты лишь перелистнул страницу. И он случился чуть позже. На следующий день.

Сет закашлялся, и его глаза блеснули в полумраке:

– Жизнь – это фильм. Монтаж уже сделан. Ты можешь вырезать сцену с героиним в подъезде, но она появится в другой локации – на кухне, в спальне, в квартире барыги.

Ты можешь убрать суд за наркотики, но монтаж подставит тебе суд за драку.

Пьеса написана. Реплики распределены.

Ты можешь пробовать переписать текст в одном месте, но пьеса не изменит финала.

Сет усмехнулся, добавил в бокал янтарную жидкость и сделал маленький глоток.

Пауза. Тишина в Комнате стала почти осязаемой.

Сет медленно повернул бокал в руках. Свет камина играл в вине, как в расплавленном золоте граната.

– Я говорил: пробовать нужно, – его голос был ровным, без нажима, будто он объяснял очевидное. – Но не потому, что ты можешь каждый раз изменить прошлое.

А потому что иногда совпадают факторы. Иногда ниточки собираются в один узел.

Он сделал ещё одну паузу и посмотрел прямо в глаза Тимохе.

– Представь: у тебя в руках тысяча тончайших нитей. Каждая – это выбор, слово, случайность, решение, обстоятельства.

Ты дёргаешь одну – и ничего не происходит.

Тянешь другую – тишина.

Но если дёрнуть за три или пять сразу, да ещё в тот самый момент, когда весь механизм стоит на краю сбоя...

Тогда может что-то сдвинуться. Фундаментально.

Сет улыбнулся – устало, чуть насмешливо.

– Но это редкость. Крайняя редкость. Я видел такое лишь несколько раз. За всё время.

Люди называют это чудом, везением, вмешательством.

А я называю это – правильный узел.

И даже тогда... – он пожал плечами, – ты не знаешь, куда ведет новый ход.

Возможно, станет легче.

Возможно – хуже.

Он снова сделал паузу.

В Комнате слышался только треск дров в камине и тихое дыхание Януса.

– Ни в одной из твоих жизней, Тимофей, ты не смог сделать этого. Ни разу.

Ты всегда дёргал за нити, но не в тот момент.

Или не за те.

Сет положил руку на колено Тимохе, и его голос стал почти шёпотом:

– Но шанс есть.

И именно он делает игру настоящей.

Тимоха молчал, но внутри всё кипело.

Мысли накатывали одна на другую, как волны, и каждая разбивалась о скалы, не находя ответа.

«Узел... правильный узел...» – эхом звучали слова Сета.

Он пытался представить эти тысячи нитей – тонких, почти невидимых.

Его жизнь в образах: подъезды, Юлия-цыганка, Серёга с шариком метадона в ладони, синяя куртка девушки у окна машины, друг детства, которого он когда-то называл близким.

Всё это и были нити? Всё это управляло им, а он даже не замечал?

От этих мыслей становилось мерзко.

Сколько раз он дёргал за эти нити, уверенный, что управляет своей судьбой?

Бросал универ, мирился и снова ссорился с девушками, воровал деньги у самых родных, снова и снова ехал к Серёге...

А может, всё это уже было написано?

И он всего лишь актёр, заучивший текст пьесы, не зная, что роль давно распределена?

Статист.

Он почувствовал злость.

«Значит, я всегда опаздываю? Всегда дёргаю не за ту нить? Всегда – мимо?»

В груди сжалось.

Было похоже на тот момент, когда в руках есть заветный шарик с метадоном, а нет возможности купить шприц – только пустота и ярость.

И тут же, на смену злости, пришёл страх.

Если Сет прав – то шанс действительно есть.

Но какой?

Когда?

Что это за «узел», который можно поймать?

И что будет, если он его упустит?

От одной этой мысли в животе холодком прошлось отчаяние.

Он слишком хорошо знал себя – вечно косячный, вечно делающий всё «не так».

Если такие моменты случаются раз в жизни – то у него просто не хватит сил их заметить.

И в то же время в груди теплилось крошечное пламя.

Шанс.

Само это слово жгло.

Пусть он ничтожный, пусть редкий – но он есть.

И это уже больше, чем ноль.

Больше, чем безнадёжность, в которой он жил последние годы.

«Если однажды я смогу дёрнуть за правильные нити... хоть раз... может, всё действительно изменится».

Тимоха глубоко вздохнул.

В голове всё смешивалось: ненависть, страх, надежда.

Ему хотелось верить.

Хоть во что-то.

Хоть в то, что Сет не просто издевается над ним, а говорит о возможности, которая существует.

Тимоха встал.

Ноги дрожали, но он сделал шаг – будто не сам, а его толкала невидимая сила.

Комната, залитая светом камина, отозвалась тишиной.

Янус поднял голову и посмотрел прямо в глаза – взглядом, в котором читалась тревога и предупреждение.

Перед ним, во мраке, обозначилась очередная дверь.

Та же чёрная поверхность, будто сотканная из небытия.

Она ещё была закрыта, но от неё тянуло холодом, от которого волосы на руках становились дыбом.

Тимоха остановился на секунду, вдохнул, задержал дыхание.

Сердце билось гулко и тяжело.

– Ну что ж, – сказал он себе шёпотом. – Ещё одна сцена чёртового сценария.

Ещё одна минута.

И вдруг поймал себя на мысли: всё это время в Комнате у Сета он так ни разу и не выругался по-настоящему.

Даже когда хотел.

Слова застревали, будто не доходили до языка.

Может, это сам Сет как-то влиял?

Может, Комната глушила мат, как ветер гасит пламя?

Может, в аду не ругаются?..

«Хуй его знает», – всё-таки выдохнул он про себя.

И впервые за долгое время почувствовал облегчение – как будто вернул себе маленький кусочек самого себя.

ГЛАВА 7

“ТРЕТЬЯ МИНУТА”

Будущее.

Под вой Януса дверь медленно распахивалась внутрь.

Не резко – нет. Она словно растворялась в самой себе, будто тьма за ней тянула створки к себе, желая впустить гостя.

Тимоха стоял неподвижно.

Смотрел.

В груди перемешались интерес и страх. Ощущение было таким, будто он приподнимает крышку чёрного ящика в «Поле чудес», не зная, что там внутри: ключи от машины – или Якубович снова наебал.

Будущее.

Слово само звучало как приговор.

Оно пугало. Оно манило. Там можно было увидеть всё, что угодно: любовь или смерть, успех или крах, свет или пустоту.

Дверь скрипнула последним аккордом и замерла, полностью открывшись.

Тьма за порогом шевелилась. Она не казалась мёртвой – скорее, живой, дышащей. Казалось, в ней кто-то есть.

Тимоха сделал вдох. Воздух был густым, будто в нём растворены сотни невидимых голосов.

Он шагнул ближе.

И ему показалось, что в темноте перед ним – не просто пустое пространство, а ртуть. Огромное зеркало серебряной ртути, в котором будущее скрыто пеленой. Оно ждёт. Оно готово.

У Януса за спиной вырвался новый вой – протяжный, надрывный, и стены Комнаты вздрогнули, как от майского грома.

Тимоха понял: будущее ждёт его.

Удивительно.

В детстве Тимоха мечтал заглянуть в будущее.

Он часто лежал под одеялом, в полутьме своей маленькой комнаты, и представлял: вот он переносится лет на тридцать вперёд. Видит себя взрослым. Смотрит со стороны, наслаждается моментом. Каким он станет? Чего добьётся? Какая у него будет работа? Какая семья?

Маленький Тимоша засыпал с улыбкой, рисуя в воображении картинки, где он уверенно шагает по жизни – взрослый, сильный, важный.

Вот была бы ирония.

Если бы мечта действительно сбылась.

Маленький Тимоша, заглянув лет на тридцать вперёд, увидел бы взрослого себя – валяющегося на полу грязной квартиры. С пустыми глазами. С баяном в руке. В собственных испражнениях. Один. Забытый. Брошенный всеми.

Что же ждало его сейчас?

Неизвестность.

Она пугала сильнее любого воспоминания.

В прошлом он знал все ходы – какими бы стрёмными они ни были. Каждый удар, каждую ошибку, каждое падение он уже прожил.

Но будущее... оно было покрыто туманом, вязким и таинственным. Из него не просвечивали очертания. И именно это делало его таким пугающим.

Страх будущего.

Не самого факта жизни – а того, что там можно увидеть.

Не страшно было увидеть себя не оправдавшим надежд. Эти надежды Тимоха уже похоронил здесь, в настоящем. Он и так давно не был тем, кого ждали.

Страшно было другое – увидеть себя обычным.

Серым.

Таким, как все.

Этот страх преследовал Тимоху с тех пор, как он себя помнил.

Банальность. Обыденность. Словно он – винтик, обезличенный элемент города, один из сотен тысяч. От этого внутри поднималась тоска – глухая и липкая, будто сырость в подвале.

Чтобы заглушить её, он врал в детстве.

Придумывал невероятные истории, рассказывал о событиях, которых никогда не было. Лгал не ради выгоды – ради спасения от обычности. Чтобы хоть на миг стать не таким, как все.

Потом стал панком.

Вывался из серой школьной массы, рвал джинсы, орал песни, растил волосы. Это было бунтом, но больше – отчаянной попыткой доказать себе, что он не такой, как все.

И в конце концов именно этот страх — не быть «как все» — подвёл его к первому уколу.

Не быть обычным.

Не раствориться в рутине.

Не стать одним из тысяч.

Быть хоть немного не таким.

Хотя бы ценой собственной жизни.

Потому что быть «как все» казалось Тимохе худшей пыткой.

Тимоха часто стоял вмазанный на лестничной клетке, выходя покурить.

Сигарета в зубах, залипшие глаза, почесывания, затяжка за затяжкой.

И он всегда наблюдал за людьми, проходящими мимо его подъезда.

Вот этот — конченный.

Вот тот — одет хуёво.

Вот эта парочка — видно же, что не трахается уже месяц, а то и два.

И всё это было не ради прикола. Главное было в другом: они все обычные.

А он — нет.

Он не шёл на работу каждое утро, как они. У него не было семьи, не было необходимости вести ребёнка в школу, потому что ребёнок жил не с ним. Ему не приходилось платить за квартиру, заботиться о садиках, думать о пенсии или копать картошку на даче.

У него — своя романтика. Украсть. Замутить. Вмазаться.

И потом стоять и смотреть сверху вниз на этот муравейник. Как они снова и снова едут на работу, возвращаются домой, спорят на кухне, тягают сумки из «Евроопта», утром просыпаются — и снова идут на работу.

День сурка.

Только день сурка был не у них.

Он был у самого Тимохи.

Просто он этого не понимал.

Иногда случались моменты просветления.

Будто глаза сами открывались — и вся его жизнь вдруг становилась невыносимой. Всё казалось грязным, жалким, чужим. Тело трясло, как от грязной ширки, голова болела от мыслей, и сердце сжималось от ужаса: «Так жить нельзя».

Но стоило взять в руки шприц – и невыносимая лёгкость бытия снова попадала в кровь.

Мир окрашивался в спокойные тона, и вместо боли приходило тепло.

Казалось, ещё чуть-чуть – и можно будет поверить, что всё не так плохо.

Вокруг – муравейник, а я не такой, как все.

У меня свой путь. И он лучше.

Пока в моей крови есть героин.

Пора.

Тимоха сделал шаг вперёд – и провалился в ртутное пространство, которое жило собственной жизнью.

Это не было похоже на путешествие в прошлое.

Нет, это было что-то новое. Незнакомое. Непонятное.

Масса, похожая на жидкое серебро, двигалась, как будто дышала. Она переливалась мягкими волнами – то сжималась, то разрасталась, оставляя внутри себя тёмные пустоты, похожие на бездонные глаза. Казалось, что она смотрит. Что она знает, кто в неё вошёл. И знает, куда он идёт.

Тимоха шагнул глубже. Ни сопротивления, ни толчка – словно невидимая сущность обволакивала его и с радостью впускала внутрь себя. Каждая клетка тела окутывалась влажным, холодным сиянием. Его кожа покрылась мурашками, дыхание стало чаще.

Он обернулся. За спиной больше не было двери.

Лишь бесконечное серебряное зеркало. Янус умолк – вой возник где-то далеко, как память о сне, приснившемся под утро.

Ртутная масса жила. Она дышала вместе с ним, её ритм совпал с биением его сердца. Сначала это пугало, но вскоре он понял – сопротивляться бесполезно. Его тело уже начало растворяться.

Пальцы, руки, плечи – теряли форму, превращаясь в прозрачные, светящиеся очертания, пропадающие в серебре.

Он чувствовал, как тяжесть плоти уходит, как привычные границы размываются.

Кожа и мышцы текли вниз, как воск на горящей свече, а вместо них оставались лёгкие вибрации – как от струн, натянутых в пустоте.

И чем больше он растворялся, тем яснее понимал: эта масса не убивает его – она поглощает. Вбирает внутрь. Делает своей частью.

И тогда он ощутил странное: будто сам становится этой ртутью. Его мысли отражались в её поверхности, каждое воспоминание рябью расходилось по серебряным волнам.

Страхи – тёмными пятнами.

Желания – вспышками света.

Боль – чёрными разломами, от которых дрожала вся ртутная масса.

Он больше не шагал – он становился одним целым с будущим.

Растворялся в том, что было больше, чем пространство.

Тимоха растворялся во времени.

Он больше не чувствовал себя человеком.

Была пульсация, сливающаяся с дыханием самой материи.

И вот в какой-то момент пришло ощущение конца.

Не боли – а исчезновения.

Будто каждая клетка вспыхнула изнутри и распалась на светящиеся точки.

Мир вздрогнул.

Ртутная масса, в которую он превратился, начала вибрировать всё сильнее; волны накатывали одна на другую.

И вдруг – удар.

Не звук, а вспышка.

Взрыв, в котором не было огня, но было чувство, что реальность разорвалась на клочья.

Всё, что составляло Тимоху, разлетелось во все стороны: память, страхи, обрывки слов, крики, запахи, голоса – как стеклянные осколки разбитого бокала, летящие в разные стороны.

Мгновение, превращённое в вечность.

А потом – темнота.

Густая и вязкая.

В этой тьме не было ничего. Ни мыслей, ни образов.

Только пустота.

И вдруг... дыхание. Его собственное.

Сначала тихое, хрипловатое. Потом – резкое, полное.

Он открыл глаза.

Ослепило.

Яркое солнце врезалось в зрачки так резко, что пришлось моргнуть несколько раз, будто вынырнув из глубины.

Тёплый воздух ударил в лицо, обволакивая, лаская, оживляя каждую клетку.

И запах...

Не весна. Не лето. Нет.

Запах моря. Солёный, тёплый, тянущийся из детства – из того дня, когда он впервые увидел море. Его невозможно спутать ни с чем.

Он всегда был особенным – запах свободы.

Тимоха любил море всем сердцем.

Для него оно всегда было связано со свободой, беспечностью и приключениями.

Три года подряд он ездил на Казантип – но не тот, «лощёный», с платными танцполами, где коктейль стоил, как полмесяца его жизни. Он застал другой – сумасшедший, неформальный, больше похожий на старый добрый Вудсток. Там всё было бесплатно, без правил, и тонны наркотиков оседали в тысячах тел, которые по ночам растворялись в безумных рейвах.

Двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю – музыка рвала побережье Чёрного моря.

В огромной толпе, среди пыли вытопанной травы и пота, был и Тимоха.

Часами, без усталости, он делал безумные пассы руками, а на рассвете бежал к морю, нырял, чтобы смыть с себя ночь, и падал прямо в песок. Засыпал на пару часов, чтобы потом снова вернуться на танцпол.

И именно там он навсегда запомнил один запах.

Запах утра у моря.

Когда голова с трудом отрывается от влажного песка, волосы пахнут озоном и серой, а в лёгкие врывается солёный воздух.

Свобода. Наркотики. Жизнь. Всё – в одном вдохе.

И вот теперь, спустя годы, – этот запах.

Запах моря.

Тот же, что тогда.

Только теперь он был чище, ярче, сильнее – как будто сама жизнь говорила ему: вдохни ещё раз. Полной грудью.

Это отличало будущее от прошлого.

Здесь он больше не был бесплотной тенью, не был наблюдателем.

Он чувствовал.

Кожу обдувал ветер.

Запахи врезались в память.

Каждый вдох был наполнен жизнью, каждым миллиметром кожи он ощущал: он жив.

Тимоха вдохнул полной грудью.

С жадностью.

С отчаянием.

С наслаждением.

Как человек, вырвавшийся из могилы и впервые вдохнувший воздух.

Он жил.

Может быть, всего на минуту, но эта минута была дороже всех прожитых ранее.

Неумолимый счётчик уже начал свой бег.

58 секунд.

И вдруг именно это знание – что времени так мало – сделало его вдох бесконечным, каждый луч солнца – невыносимо ярким, каждый порыв ветра – таким, что хотелось плакать.

Глаза быстро привыкли к свету.

Мир выровнялся, очертания стали чёткими, краски – яркими.

Тимоха одной рукой держал руль.

Руль кабриолета.

Он никогда в жизни не сидел за рулём такой машины – и вот теперь ветер трепал волосы, солнце заливало дорогу, а мотор под капотом урчал, как хищник, готовый к прыжку.

Справа, уходя вверх до самого неба, тянулась скала – массивная, серая, покрытая лёгкой растительностью.

Слева, далеко внизу, переливалась лазурь моря. Волны разбивались о камни, и белая пена вспыхивала, как росчерки молнии на синем полотне.

Воздух пах солью и свободой.

И тут Тимоха понял.

Это не море.

Это океан.

Необъятная гладь тянулась до самого горизонта, сливаясь с небом в единую линию. В её глубине чувствовалось могущество – первобытное и древнее. Оно не нуждалось в объяснениях – оно просто было.

Океан дышал. Его дыхание перекачивалось в валах, вздымалось и рушилось с грохотом, который долетал даже сюда, наверх.

Это был ритм, которому подчинялось всё живое на этой планете.

Могучая сила, способная смести города, сломать берега, поглотить континенты. Океан не знал жалости. Но и вражды он не знал тоже. Он просто был – вечный, всепоглощающий, сильнейший из всех.

У Тимохи перехватило дыхание.

Он мечтал увидеть океан.

С самого детства.

С того самого момента, когда отец подарил ему книгу – «Одиссея капитана Блада». Ему тогда было десять.

Эта книга стала его Библией. Он зачитывал её до дыр: страницы пожелтели, кое-где были залиты кофе и супом, некоторые прожжены окурками. Но Тимоха всё равно берег её как святыню.

На первом развороте отец написал:

«Сын! В твоём возрасте это была моя любимая книга и её герой! Пусть повезёт тебе!»

И с тех пор Тимоха пытался разгадать этот шифр.

Что хотел сказать отец? Что ему не повезло?

Не повезло уйти из семьи?

Не повезло предать?

Не повезло оставить сына вместе с матерью и сестрой?

Эти слова жили в нём всю жизнь, зудели, как застрявшая в коже заноза, – каждый раз, когда он открывал эту книгу.

– Эх, папа... – пронеслось у него в голове. – Если бы ты знал, как не повезло и мне.

Но он уже не расскажет.

Через семь минут его не станет.

И именно мама позвонит отцу и скажет:

«Твоего сына больше нет».

Может быть, она обвинит его. Скажет, что это всё его вина – что сын повторил путь предательства, но только в отношении самого себя.

Океан.

Мечта.

54 секунды.

Громко играла музыка.

Каждый звук будто растворялся в воздухе и тут же становился частью этой реальности. Тимоха никогда не слышал этой песни раньше, но уже чувствовал, что в ней заключён смысл этой минуты.

Тимоха повернул голову.

Рядом сидела девушка.

Блондинка. Настолько красивая, что сердце болезненно кольнуло – из разряда тех, к которым даже подойти страшно. Волосы – светлые и живые – развевались на ветру, как лепестки пламени, пойманные солнечными лучами. Солнцезащитные очки отражали серпантин дороги, уходящей куда-то ввысь, и вспышки океана, переливавшегося слева.

И он держал её за правую руку.

Крепко, уверенно, так, будто они были единым целым. Будто она всегда была здесь, всегда рядом, всегда была его.

Такие девушки для Тимохи были из другой реальности. Недостигаемые. Как финальный уровень игры под названием «отношения», до которого он никогда не дойдёт. Восьмидесятый, девятый – неважно. Для него игра всегда заканчивалась на первых уровнях, где хватало пьяной смелости позвать кого-то на медляк в ночном клубе, но никогда не хватало духа протянуть руку вот к такой.

И сейчас, когда эта рука касалась его, когда её пальцы переплелись с его пальцами, – Тимоха чувствовал, что его жизнь вдруг стала другой. Хотя бы на одну минуту.

На безымянном пальце девушки, отражая солнечные блики, сверкало обручальное кольцо из белого золота.

50 секунд.

Тимоха перевёл взгляд на зеркало заднего вида.

Сердце сжалось: он боялся увидеть там чужое лицо, знакомое выражение глаз – или, чего доброго, Джорджа Клуни в образе Дэнни Оушена.

Но зеркало показало его самого.

Загорелого. С густой бородой. В модных очках, скрывающих глаза. Но всё равно – это был он. Тимоха.

Он находился в собственном теле.

То, что не удавалось в прошлом, в будущем стало возможным.

Не призрак.

Не наблюдатель.

Не гость в чужой оболочке.

А он сам. Настоящий.

И это тело было ему чужим и знакомым одновременно.

Будто встречаешь друга детства, которого не видел двадцать

лет. Вроде бы тот же, а всё другое: осанка, улыбка, сила в движениях.

Он чувствовал всё: руку на руле, прохладный ветер, золотистые лучи солнца, что обжигали кожу.

Он чувствовал жизнь – ту, которая могла бы быть его.

Тимоха, которому удалось.

Который свернул когда-то на правильную дорогу.

Который не провалился в яму.

Он чувствовал то, чем жил хозяин этого тела.

То, чего сам уже давно был лишён:

Счастье.

Настоящее.

Любовь.

Нежность.

Будто сердце вдруг вспомнило, как это – жить не ради ежедневного дозняка, а ради кого-то рядом.

Любовь – странное чувство.

Для Тимохи – особенно.

Он никогда не знал её в кристально чистом виде.

Всегда были примеси. Усилители. Ложные катализаторы.

В юности любовь для него была смесью гормонов и алкоголя.

Не чувство, а химия, что сводила с ума.

Он путал её с ревностью, со страхом, с зависимостью от взгляда, запаха, тела.

А потом появился героин.

И тогда всё закончилось.

С каждой дозой исчезала возможность любить кого-то.

Он любил только его.

Тонкую грань между жизнью и забвением.

И только сейчас, в этом кабриолете над океаном, он впервые почувствовал, что любовь может быть другой.

Чистой.

Без привкуса.

Как воздух, что врывался в лёгкие на поворотах серпантина.

Она сидела рядом.

Крепко держала его за руку.

И в этом простом прикосновении было то, чего он никогда не искал и никогда не находил.

Настоящее.

45 секунд.

Машина скользила по идеально ровному асфальту.

Серпантин уходил в небо, и дорога то прижималась к скале справа, то открывала пропасть слева, где волны океана разбивались о камни.

Тимоху это не пугало.

Ни обрыв, ни высота, ни скорость.

Такое чувство, что он ездил здесь каждый день — знал каждый поворот, каждую неровность асфальта, каждую выбоину в камне.

Он чувствовал себя героем. Джеймсом Бондом, который наконец выбрался из ада и оказался в фильме, где всё про него.

Загар, очки, кабриолет, океан, девушка рядом.

Не иллюзия.

Не сон.

Не психоделический трип.

А настоящая сцена из его жизни.

Что это за место? Испания? Америка? Азия?

Да какая разница.

Главное — это чувство.

Чувство, что он живёт так, как мечтал всегда.

Без боли, без грязи, без страха.

И страшнее всего было другое:

Невероятно хотелось, чтобы эта минута не заканчивалась.

Чтобы стрелки застыли.

Чтобы он мог остаться здесь навсегда.

Хотелось узнать эту девушку.

Хотелось узнать самого себя.

Девушка убавила громкость музыки, и шум океана стал заполнять паузы. Она повернулась к Тимохе — её волосы блеснули на солнце, а в зеркальных линзах очков отразился его собственный профиль.

— Действительно круто, — сказала она, и белозубая улыбка на мгновение ослепила сильнее солнца.

— Это классное желание.

Тимоха вздрогнул.

Желание?

Какое желание?

Секундная стрелка внутри его головы щёлкнула – 40 секунд.

Он понял, что боится. Боится не того, что исчезнет из этого будущего, а того, что так и не узнает, что она имела в виду.

«Какое желание?» – хотел спросить он, но губы словно не слушались. Слова застряли где-то в горле, как ком.

Девушка всё ещё держала его за руку, её пальцы были тёплыми и уверенными.

Она знала. Это ощущалось в каждом её движении, в том, как она произнесла эти слова.

Его знобило.

«Что именно ты знаешь? Что именно имеешь в виду?» – мысленно выкрикивал он, понимая, что времени остаётся всё меньше.

Девушка чуть наклонила голову и улыбнулась так, будто слышала его мысли.

– Договорились, – она улыбнулась и чуть крепче сжала его руку. – Когда ты умрёшь, я прилечу сюда.

Она на секунду задумалась и вдруг, смеясь, добавила:

– Интересно, а прах можно провозить в самолёте? Какая глупость... Конечно, можно. Я приеду на Роке Нубло и развезу твой прах там, над облаками.

Её смех был звонким, лёгким, словно ветер, играющий в кронах пальм.

– А если ты проживёшь сто лет, – продолжала она, прищурившись от солнца, – то как я тогда поднимусь по этой лестнице?

Она сама себе ответила, не давая паузы:

– Хотя нет, я буду бодрая бабка. Бабка в кедах.

Она смеялась, и в её смехе было столько искренности, что он невольно улыбнулся в ответ.

– Договорились, – сказала она, и это слово растворилось в солнечном свете.

Он тоже улыбнулся, но улыбка вышла какой-то кривой, будто натянутой на лицо.

В её голосе звучала шутка, игра, будущее, в котором даже смерть казалась поводом для лёгкого смеха.

А для него... эти слова вдруг ударили в самое сердце.

Слишком про него. Слишком правдиво.

«Договорились», – повторил он мысленно, и от этого слова внутри стало холодно.

Ведь он-то знал: его сценарий уже написан. И в нём нет роли для неё. Его часы не отсчитывали годы – они отсчитывали минуты и секунды.

Он смотрел на её сияющую улыбку, на белизну зубов, на солнечные блики в её волосах – и впервые за долгое время ощутил настоящую зависть.

Зависть к тем, кто умеет смеяться, не подозревая, что где-то совсем рядом тикает невидимый таймер.

Зависть к тем, кто говорит «когда-нибудь», веря, что у них впереди целая жизнь.

А у него – оставшиеся семь минут.

Девушка сделала музыку громче, и Тимоха машинально сильнее нажал на педаль газа.

20 секунд.

Эта идея, простая и прекрасная: не лежать потом на далёком кладбище за городом, под серым небом и воронами, воруящими конфеты, которые тормознули тебе родственники, – а раствориться в потоках океанского воздуха.

Взлететь вместе с ветром над скалами, стать бесконечностью, частью горизонта.

Не чёрно-белой фотографией на сером граните, а дыханием, движением, светом, воздухом.

Тимохе понравилась эта идея.

Она согрела его, но одновременно где-то в глубине стало тоскливо.

Потому что это не его жизнь.

Не его машина.

Не его жена.

Не его желание.

Он знал – в таком месте он никогда не окажется.

Никогда не будет держать за руку женщину, с которой можно молчать и мечтать, и от этого будет так легко и хорошо внутри.

Никогда не узнает, что значит по-настоящему любить.

Именно в этот момент он впервые по-настоящему понял, что такое потерянная жизнь.

Вот это чувство – когда ты видишь свою возможную жизнь и знаешь, что она никогда не станет твоей, – вот оно оказалось самым страшным ударом.

Зависть снова полоснула по сердцу, как лезвие.
Боль смешалась с нежностью, и от этого стало только хуже.
Он хотел быть этим человеком. Хотел жить этой минутой, этим солнцем, этим запахом океана.

Но понимал — у него нет шансов.

Не хватит жизни, чтобы дойти до этой дороги.

Потому что жизни оставалось уже всего семь минут.

10 секунд.

Невидимый таймер неумолимо приближался к нулю. Каждое биение сердца звучало, как удар маятника.

Тимоха повернул голову к девушке и задержал взгляд.

Ему нужно было успеть. Успеть запомнить её лицо.

Оставить этот образ с собой — туда, где память ещё будет существовать. До того момента, пока её не сотрут. Пока он не начнёт всё заново — в новом мире, в новом теле.

Он не знал, кто она. Не знал имени, не знал её голоса вне этой короткой сцены.

Но чувствовал безусловную любовь.

Будто всё, что он когда-либо искал, сидело рядом с ним, держало его за руку, улыбалось ему сквозь солнечные очки.

И он знал — она его.

Его жена.

Его жизнь.

Его правильный путь.

В груди бился жуткий коктейль: счастье и нежность того Тимохи, что жил этой реальностью, и бездонная тоска того Тимохи, который оказался здесь лишь на минуту.

Два сердца бились в одном теле, две судьбы столкнулись в одной точке.

7 секунд.

Тимоха искал слова.

Время уходило. Каждая секунда звенела, как капля, падающая в пустую банку от краски.

3 секунды.

Он посмотрел на неё — и понял, что нет смысла придумывать сложные фразы.

Никаких вопросов, уточнений, загадок.

Только одно. Главное.

– Я люблю тебя, – выдохнул он.
Она улыбнулась, и её пальцы чуть сильнее сжали его руку.
1 секунда.
Всё оборвалось.
Звук музыки исчез.
Свет растворился.
Сознание Тимохи погасло, будто настольную лампу выключили одним нажатием кнопки.
Темнота поглотила его целиком.

ГЛАВА 8

“ЧЕТВЕРТАЯ МИНУТА”

– Больно? – Сет прищурился сквозь дым сигары. Он сидел в кресле уверенно, словно каменный исполин, которого невозможно сдвинуть с места. В пальцах перекручивалась сигара с тонким дымом от тлеющего табака. Во второй руке он держал бокал вина. Пламя камина отражалось в стекле, превращая вино в расплавленный рубин.

– Да, знаю, что больно, – продолжил он, не дождавшись ответа, будто сам за Тимоху произнёс эти слова. – Видеть себя таким, каким ты никогда не станешь... Это отдельный вид пытки. Хуже, чем пытаться что-то изменить.

Тимоха молчал.

Ему действительно было больно. Боль была похожа на ту, что пропитала стены его квартиры и душу. Она жгла внутри напалмом, сжимала сердце так, что хотелось заорать.

Он опустил взгляд. В камине треснула щепка, и вспышка огня на секунду осветила его лицо – усталое, обессиленное, поникшее в тяжёлом молчании.

– Знаешь, чем опасна эта боль? – Сет выпустил струю дыма и наблюдал, как она поднимается к потолку. Его голос звучал мягко, почти по-доброму, но в словах жил металлический привкус – как у крови, попавшей в рот. – Она настоящая. Не как та, к которой ты привык – от ломки или удара ботинком. Это боль осознания. Она не отпускает. Она, как червь, прогрызает тебя изнутри.

– Зачем ты показываешь мне это? – хрипло спросил Тимоха. Горло сдавило, и голос прозвучал тише, чем он хотел.

Сет сделал глоток вина, задержал его во рту, будто смакуя, и лишь потом ответил:

– Потому что это единственная правда, которая для тебя ещё имеет смысл. Другого смысла в твоём оставшемся существовании нет. Ты боишься боли прошлого – и это понятно. Но сильнее всего ты боишься вот этого: увидеть, каким ты мог бы быть. Каким ты никогда не станешь.

На лице Сета появилась улыбка – холодная, почти невесомая, как тень от огня.

Тимоха сидел молча, но внутри росла странная мысль.

Все эти минуты прошлого и будущего, двери, чёртова Комната с камином — это и есть ад. Не тот, где черти жарят грешников в котле, а настоящий, личный. И каждая минута за чёрной дверью похожа на круг ада по Данте.

Только Данте спускался в ад, чтобы выбраться к свету.

А он... он пока не знал, есть ли у него выход.

— Я хочу, чтобы это поскорее закончилось, — слова вырвались наружу сами собой. Тимоха резко встал с диванчика; в голове пульсировало одно лишь требование — покинуть эту комнату. Он сделал шаг в сторону дверей и рукой, будто отталкивая непомерную тяжесть на сердце, указал туда, где уже был. — У меня нет сил быть здесь. У меня нет сил быть там...

Слово «там» получилось мягким, почти шёпотом, но в нём слышалась вся обречённость. Это обращение было адресовано не столько Сету, сколько Янусу — тому, кто открывал и закрывал дверные створки, кто приводил весь этот механизм в движение.

— Давай закончим, — добавил он. Голос дрожал, но в нём лейт-мотивом звучало последнее требование: хватит правил.

Янус взвился, словно чёрная молния. Сначала — короткий, злой лай, резкий, будто удар плетью по тишине. А затем — протяжный вой, от которого затряслись стены. Каминный огонь дрогнул и бросил по комнате пляшущие тени.

В глубине Комнаты, в кресле, аплодировал Сет — как зритель безумного спектакля с известным лишь ему сценарием.

Тимоха вздрогнул — вой сводил с ума. Чёрная дверь ожила. Неторопливо, но неотвратно она начала двигаться на него, как каменная глыба, катящаяся с горы. Полотно скользило к нему вязко, словно в замедленной съёмке.

Прошное.

Может, и не худший вариант. Вынести подряд два будущих — это было бы то ещё испытание.

Он сделал шаг.

Ещё один.

И всякий раз дверь будто синхронно отвечала, подстраиваясь под его движение.

Позади Янус смотрел прямо вглубь проёма, шерсть на загривке стояла дыбом. Вой тянулся, как струна виолончели, пронзал уши и резал воздух.

Тьма за дверью не была пустотой. Она колыхалась, как живой чёрный океан, готовый поглотить любого, кто осмелится войти.

Тимоха подошёл ближе. Он был частью сцены, её героем, и у него не оставалось выбора – только идти до конца.

Не замедляя шаг, он вошёл в темноту.

И когда дверной проём сомкнулся за его спиной, всё вокруг погасло. Будто кто-то одним движением выключил свет софитов на съёмочной площадке. Осталась лишь бесконечная чёрная верёвка, стягивающая его в колодец воспоминаний.

Обрывки сцен, пролетающих мимо, тысячи лиц – перемещение уже становилось обыденностью и переставало казаться Тимохе чем-то невероятным.

«Куда в этот раз я попаду?» – думал он.

Опыт уже был: две минуты, прожитые в собственном прошлом, показали ему, что каждая дверь – не случайность. Это всегда что-то определяющее.

Но ведь, по сути, каждый день его жизни в торче был определяющим.

Каждый день проходил на грани – жизнь или смерть, свобода или тюрьма. Он знал это слишком хорошо.

Любая минута за долгие пятнадцать лет земного ада его наркомании могла стать той самой – минутой, в которую он вольётся сейчас.

Минутой, где решалась его судьба.

Минутой, которая могла бы стать концом.

Пространство лопнуло, словно воздушный шарик, и Тимоха провалился в реальность прошлого.

Уже прожитую.

И оттого – ещё более пугающую.

Он узнал её сразу – родительская квартира. Та самая, где прошла большая часть его сознательной жизни.

Коридор был погружён в полумрак. Лишь блики света от телевизора в комнате ложились на старые обои и большой шкаф для верхней одежды, медленно переливаясь, будто ожившие тени.

Странное чувство накрыло его. Тимоха всегда любил именно такое освещение – полусвет, когда в квартире нет ярких ламп и люстры, а только экран телевизора мерцает и заливают стены своим тёплым сиянием. Почему-то именно в эти моменты он чувствовал безопасность.

Как будто день завершился – и всё позади.

Рабочая суета, звонки, бегодня – уже не имеют значения.

Все дома.

Проблем будто бы нет.

Сложности отодвинуты.

Завтрашний день ещё далеко.

Можно выдохнуть.

Это ощущение могло быть обманчивым, но вкусным и сладким. Будто окружающий мир на пару часов давал ему амнистию.

«Спи спокойно, малыш, завтра ещё не настало».

59 секунд.

В зале, перед экраном телевизора, сидел отчим – дядя Юра.

Человек, который воспитывал Тимоху с первого класса.

Он никогда не называл его «папа». Для ребёнка это было слишком сложно – слишком сложно разделять любовь и привычку, когда где-то там, хоть и нечасто, всё ещё появлялся настоящий отец. Маленькому Тимоше казалось невозможным называть «папой» сразу двоих.

И всё же дядя Юра был папой куда больше, чем тот, кто подарил ему фамилию. Далеко не каждый родной отец способен так щедро отдавать себя чужим детям. У него была своя дочка – кровная, биологическая. Но её жизнь проходила где-то в стороне, почти без его участия.

Зато Тимоха и его сестра получили от него всё: заботу, строгость, наставления и поддержку, похвалу и опыт.

Тимоха прекрасно помнил день, когда дядя Юра впервые переступил порог их квартиры.

Он тогда болел, лежал с высокой температурой, укутанный в одеяло, в полудрёме. В коридоре слышались шаги, и в комнату вошёл мужчина в синем вельветовом костюме. Строгий, собранный. И в то же время – чем-то фантастический: в его облике маленькому Тимоше почудилось сходство с Весельчаком У, космическим пиратом из тогда популярного и любимого фильма «Гостья из будущего».

Поначалу принять его было тяжело. Слишком свежи были воспоминания о родном отце. К тому же каждый день Тимоша общался с бабушкой – мамой отца, – и в этих разговорах имя отца звучало слишком часто, чтобы он мог отпустить прошлое.

И всё-таки с того дня в их квартире появилось новое дыхание. Новая фигура. Новый порядок.

С взрослением всё изменилось.

Дядю Юру стало воспринимать ещё тяжелее.

В подростковом возрасте каждый его шаг, каждое слово звучали как вызов. Всегда можно было бросить в лицо: «А ты кто такой, чтобы мне указывать?» – и уйти, хлопнув дверью.

Всегда можно было проигнорировать, сделать наоборот, лишь бы доказать своё.

А когда Тимоха стал взрослым, бунт перестал быть только словами. Несколько раз они даже дрались.

Дядя Юра вставал стеной, защищая мать, когда Тимоха творил очередную дичь по отношению к ней. А мама, наоборот, кидалась защищать Тимоху от мужа – будто мир переворачивался с ног на голову и каждый раз делал всех заложниками этого замкнутого круга.

Скандалы. Крики. Выяснения отношений.

Раз за разом.

Бесконечный круговорот, который, как яд, травил их семью изнутри.

Но как бы ни было, дядя Юра всё равно старался.

Старался быть отцом. Может, у него не всегда это получалось, но он пытался. Упрямо, порой даже неуклюже, но искренне.

Может, дело было в том, что у них с мамой Тимохи не было общих детей. Может, ещё в чём-то, о чём Тимоха так и не узнал. Но одно было несомненно – он вложил в чужих детей всю силу своего отцовства.

И если как отец он не всегда выдерживал испытание, то как дед – оказался непревзойдённым.

Для сына Тимохиной сестры.

Для Димы, Тимохиного сына.

Юра стал таким дедом, какого невозможно найти специально.

Он любил внуков до безумия. Не просто баловал – обожал, вкладывался в них, отзывался на любую просьбу, всегда был рядом. Улыбка появлялась у него на лице при одном только их голосе.

И внуки отвечали тем же.

Любили деда Юру так, как иногда не любят родителей.

У них с ним была своя особая связь – светлая, настоящая, нерушимая.

Он стал для них опорой – тем самым взрослым, к которому всегда хочется приехать и обнять. И, может быть, именно в этой любви дядя Юра нашёл то, чего ему всегда не хватало в отношениях с Тимохой.

55 секунд.

Тимоха переместился в сторону своей комнаты. Дверь была закрыта, но это не имело значения – он прошёл сквозь неё, словно её и не было.

Старая, знакомая до боли комната.

Такая же, какой она осталась в его памяти навсегда.

Без ремонта, с зелёным, в пятнах, ковровым покрытием и потемневшими от времени обоями.

У стены – два шкафа, когда-то стоявшие в родительской спальне. Чужие, но давно приросшие к этому пространству.

Напротив – компьютерный стол. На нём – покрытый слоем пыли монитор с выпуклым экраном, динозавр прошлого. Под столом – пустой системный блок: материнка и винчестер давно проданы. Проданы ради очередной дозы метадона.

С того времени комната навсегда ассоциировалась у Тимохи с этим словом.

В этой комнате прошло бесчисленное количество ночей на кумарах.

Когда не удавалось достать дозу днём и наступала та самая ночь – ад, растянутый на часы.

Сначала начинало крутить ноги. Казалось, в суставах появились крошечные, не смазанные моторчики, медленно работающие изнутри. Потом волна поднималась выше – живот сводило, внутренности сжимались в узел, будто кто-то давил на них гигантским прессом.

Появлялся озноб – резкий, тошнотворный, липкий, как холодный пот по спине.

А потом приходила бессонница.

Самое страшное.

Ты лежишь в темноте, и каждая клетка твоего тела орёт: «Дай!»

Но дать нечего.

Именно в такие моменты в голове рождались самые невероятные авантюры и поступки, на которые ты готов пойти с первыми лучами солнца.

Украсть.

Обмануть.

Но впереди ночь — длинная, бесконечная, с вытянутыми когтистыми пальцами, которые дрожат в пустоте и крепко сдавливают твоё горло.

Тело выгибает дугой на невидимой дыбе. Сухожилия натягиваются, как канаты.

Зубы стучат.

Ты стонешь, но звука нет.

Тебя начинает рвать, но в тебе уже нечему выходить — только желчь.

Горькая, едкая, жгущая горло. Она вытекает прямо на пол, на это старое зелёное ковровое покрытие, которое давно впитало в себя весь твой личный ад.

С каждым рвотным позывом на пол оседает новая крупица твоей жизни — и комната, кажется, дышит этим.

Пахнет смертью, потом и отчаянием.

От этих воспоминаний у Тимохи похолодело внутри.

Комната.

На на книжных полках — подборки журналов Maxim. Глянцевые обложки в мягком полумраке казались почти живыми. Каким бы ни штормило Тимохину жизнь, какими бы граммами не измерялись дни, он с завидным упрямством каждый месяц покупал свежий выпуск. Будто это был последний кусочек нормальности — связь с внешним миром, где люди ещё читали про кино, машины и девушек, а не ехали в очередной раз к своему барыге.

Между двумя шкафами стояла старая серая тахта с тремя подушками вместо спинки.

На ней лежал молодой Тимоха. Лицо синевато-чёрного цвета, дыхание рваное, хриплое, на грани. Он умирал.

Сразу пришло понимание, что это за день.

Что это за вечер.

Что это за минута.

Все события были в памяти — как на плёнке старой видеокассеты, которую невозможно перемотать руками.

Утром этого дня он встретился со своим новым барыгой — тем, кто занял место цыганки Юли. Такие вакансии никогда не пустовали: на место ушедших всегда приходили новые.

Востребованная трудовая единица технологического процесса уничтожения жизней.

Тимоха взял у него заветную фитилю, но тот предложил съездить вместе – помочь по одному незначительному делу. Они прокатились, и по итогу барыга щедро подогнал ещё один дозьяк.

Тимоха не стал ждать. Тут же отправил в себя львиную долю порошка, оставив немного Кеду – другу, который работал администратором в компьютерном клубе.

Но уже по дороге туда стало плохо.

У метадона была одна особенность: передоз не случался сразу. Он мог прийти и через час, и через два.

Первый раз в тот день Тимоха отъехал прямо в туалете компьютерного клуба.

Кед перепугался.

Сначала, правда, вмазался сам – как же по-другому.

А потом, осознав серьёзность происходящего, вызвал скорую.

Врачи откачали Тимоху быстро. Дежурная бригада сработала чётко: укол, нашатырь, несколько минут – и он пришёл в себя. Они уже хотели погрузить его в машину и везти в больницу, но Тимоха упрямо замотал головой.

Больница сулила слишком много неприятностей.

Больница – это копы.

Больница – это наркология.

Это учёт, клеймо, головняк на всю жизнь.

Да, он едва держался на ногах, перед глазами всё плыло, сердце будто сдавлено плоскогубцами, но в больницу он не хотел.

Ни за что

Врачи не стали спорить – у них таких случаев были сотни. Подписали отказ, переглянулись и уехали.

От Кеда он двинулся домой пешком.

Через весь город.

Шёл шатаясь, но упрямо, надеясь, что дорога приведёт в чувство, что свежий воздух разбавит наркотик в крови, и станет хоть чуть легче. Каждое дыхание было тяжёлым, но всё же живым.

Это был не первый Тимохин передоз.

Он знал, что это такое.

Первый же случился почти сразу после знакомства с героином.

После того самого первого свидания.

Он, одnogруппник Серёга – тот самый, что был тогда под подъездом в Зелёном Луге, – и Кед зацепили «старшего» у старого уголовника с погонялом Фантомас. Тот перепутал свёртки и отдал им вместо чека целый грамм.

Парни, не думая, разделили содержимое фольги на троих и вмазались у Серёги дома.

Тимоха дознулся сразу.

Ещё до того момента, когда поршень баяна полностью загнал раствор ему в кровь.

Сначала захрипел, потом обмяк и рухнул со стула на пол.

Пацаны, увидев, как он синееет, окаменели от ужаса. Паника захлестнула, и, не зная, что делать, они вызвали скорую.

Но томиться в ожидании помощи не стали.

Они начали его качать, били по лицу – так, что потом под глазами у Тимохи были два огромных фингала. Его голова гулко билась о кафель возле умывальника, где они пытались усадить его, чтобы не заглохил свой язык.

А потом, вспомнив старый способ кустарной реанимации при передозах, парни закиптали в ложке воду с сахаром и ввели раствор прямо в вену.

Леденец «Петушок» оказался лучшим налоксоном для дознувшегося.

И за секунду до того, как раздался звонок в дверь – скорая уже приехала, – Тимоха распахнул глаза.

Очнувшись, он дрожащим голосом произнёс:

– Это пиздец. Я больше не притронусь к героину.

Но уже на следующий день он снова сидел в старом автобусе ЛАЗ – с этим незабываемым запахом салона, рядом с Серёгой. Дорога вела их туда же – к Фантомасу.

Ох уж эти воспоминания.

Тимоха брёл домой от компьютерного клуба шатающейся походкой. Его качало из стороны в сторону, тело ныло, всё было в густом тумане. Язык прилипал к нёбу так, что он не мог даже спросить у прохожих, который час. Из груди вырывался сиплый хрип, и люди шарахались от него, будто от бродячего пса.

Два часа – целая вечность – он тащился по улицам, пока наконец не добрался до дома. Поднялся на лифте, дрожащей рукой вставил ключ в замок и шагнул в квартиру.

В коридоре его встретил отчим. Дядя Юра, увидев, в каком он состоянии, нахмурился и спросил:

– Что с тобой случилось?

Тимоха, не раздумывая, выдал первое, что пришло в голову:

– В метро дверью по башке ударило... Голова кружится. Полежу немного.

Сказал это тихо, с трудом, но, как всегда, уверенно – стараясь, чтобы выглядело правдоподобно.

Врал Тимоха искусно. Генерировал любую ложь, как швейцарские часы – без сбоев и поломок.

Отчим тяжело посмотрел на него, но спорить не стал. Пожал плечами и пошёл обратно в зал к телевизору. Экран мигал холодным светом, и в его отблеске фигура дяди Юры растворилась в кресле.

Тимоха повалился на тахту и больше ничего не слышал. Через полчаса в квартире хлопнула дверь – мама вернулась с работы. Но Тимоха уже не реагировал. Он хрипел, задыхаясь, лёжа на тахте: метадон действовал коварно, добивал прямо дома.

50 секунд.

Тимоха смотрел на себя – на того, кто умирает, – и думал холодно и отчуждённо, как будто наблюдая со стороны. Помогать себе было бессмысленно: он знал – через мгновение в комнату войдёт мама и увидит его в этом состоянии. Она вызовет скорую, та приедет через десять минут. Врачи будут искать причину в травме – ведь родители скажут, что «в метро дверью по голове ударило», – и повезут его в нейрохирургию, где никто не заподозрит передозировку. До того момента, пока в реанимации не возьмут анализы.

В реанимации Тимоха проведёт три дня.

Три длинных, бесконечных дня, привязанный к постели, с аппаратом, который дышит за него.

Он периодически будет открывать глаза. Над ним – ослепительно белые лампы, беспощадные, как прожектора. Он будет моргать, пытаясь задержать взгляд, но через мгновение снова проваливаться в тьму – вязкую и тяжёлую.

За эти дни к нему в больницу приезжала сестра. И пока Тимоха бродил между жизнью и смертью, она разговаривала с заведующим реанимацией.

Сто долларов – так сто. Главное, чтобы результаты анализов не попали в медицинскую карту и выписку.

Чтобы не было учёта, наркологии, клейма на всю жизнь.

Потом – перевод в общее отделение. Там всё было иначе: новые лампы гудели тише, люди ходили, разговаривали, кашляли, пахло лекарствами и хлоркой. Тимоха несколько дней провалился там, уже приходя в себя, хотя тело оставалось тяжёлым, будто чужим.

Всё закончилось почти без последствий. По меркам его безумной жизни – малой кровью.

Не плохо – насколько это вообще могло быть «неплохо».

45 секунд.

Тимоха всё ещё смотрел на себя – на тело, которое теперь дышало редкими, тяжёлыми толчками.

Лицо стало синюшно-чёрным.

Если бы мама тогда не зашла в комнату – он бы умер. Не гипотетически, не позже, не «возможно», а прямо здесь, сейчас, пока за стеной шумел телевизор и никто не услышал бы его последний вдох.

Она могла провести этот вечер по-другому: сесть рядом с дядей Юрой, поужинать, лечь спать – и уже утром Тимохину комнату встретила бы тишина и заокостенелая рука, сжимающая край одеяла.

Но мама зашла.

40 секунд.

Тимоха приготовился к зрелищу, которое было хуже любого остросюжетного фильма – к драме, разыгрывающейся прямо в его комнате.

Мама врывается первой – её крик рвёт воздух, пронзает сердце, ломает тишину квартиры, заглушая звук телевизора в зале.

За ней спешит дядя Юра – растерянный, с лицом человека, который не понимает, что происходит, но уже чувствует беду.

Они мечутся по комнате: взгляд цепляется за телефонную трубку, руки дрожат, цифры на кнопках путаются. Домашний телефон кажется слишком тяжёлым, слишком медленным; каждый гудок – как вечность.

Мама, рыдая, хватается за его плечи, трясёт изо всех сил, зовёт его по имени. Она не верит в происходящее, не готова принять, что сын может уходить у неё на глазах.

Слёзы катятся по щекам, голос срывается до хриплого крика.

39 секунд.

И вдруг – касание.

Настоящее.

Живое.

Тёплое.

Тимоха дёрнулся.

Этого не могло быть.

Он же бесплотный. Его нельзя коснуться. Он – воздух, тень, наблюдатель, который проскальзывает сквозь стены и людей, оставаясь невидимым.

Но пальцы – тёплые, осязаемые – действительно коснулись его невидимой руки.

Он медленно повернул голову.

И замер.

Перед ним стояла мама. Но не та – молодая, в испуге спешащая к его тахте, только что включившая свет и готовая упасть в бездну ужаса от увиденного сына.

А другая.

Другая мама.

Старше. С глубокими морщинами, прорезавшими лицо, с седыми прядями в волосах. Глаза – глубже, мудрее, усталые.

И в этих глазах было абсолютно всё: боль, прожитые годы – и что-то ещё, чего он не смог сразу понять.

Ступор.

Холод.

Непонимание.

«Что происходит?» – мелькнуло в голове.

Он чувствовал себя так, будто несколько реальностей столкнулись в одной точке.

Узел.

Сразу две матери: та, которая спасала его в ту самую минуту, и та, которую он никогда не видел.

– Тимоша... – произнесла мама, и её голос дрогнул. – Любимый мой...

Он смотрел на неё, и внутри всё ломалось.

Разрывалось на части.

Он мог бы что-то сказать, но слова, словно сгустки нечеловеческой боли, застряли в гортани и не могли найти выход.

Они так и остались внутри – комом, тяжёлым и неподъёмным, как самый большой секрет.

35 секунд.

– Я пришла спасти тебя, сынок. Именно в этот вечер. В эту минуту.

Голос её был тихим, почти прозрачным – как воздух, что наполняет душу, измученную вечным странствием.

Её лицо – уставшее, измождённое временем – всё равно сияло.

Но это было не сияние счастья.

Это был свет любви, перемешанный со страданием.

С той глубокой материнской болью, которую не спрячешь ни за одной маской.

И тут Тимоха начал понимать.

Эта минута – не только его.

Это её минута тоже.

Минута его мамы.

Где-то, в своём времени, в своей реальности, она умирает.

И, как и ему, ей дали эти минуты – последнюю паузу перед вечной тишиной памяти.

Не чудо.

Не путешествие.

А милость – возможность заглянуть назад, ещё раз коснуться тех, кого любила.

И она выбрала его.

Его жизнь. Его боль. Его путь.

Скорее всего, сейчас она тоже сидит в комнате, где пылает камин.

И напротив неё – её Бог. Или то, что она считает Богом.

Может быть, тот же Сет.

А может – совсем другой.

Тот, кто с лёгкой улыбкой объясняет ей правила, показывает две-три – в детство, в юность, в недосказанные слова и не сделанные шаги.

Но дверь привела её сюда.

Спаси сына.

Поменять хоть что-то. Пусть не всё, пусть не финал – но хотя бы эпизод.

Сделать так, чтобы она не осталась сидеть с дядей Юрой, в полумраке, под безразличное бормотание телевизора.

А встала.

Пошла.

Зашла в комнату.

Почувствовала неладное.

Успела.

Вызвала скорую.

Спасла.

Она вырвала эту возможность у времени, у сценария, у самой смерти.

И у неё получилось.

Спасти – да. Но не переписать сценарий.

Он остался таким, каким был. Никчёмностью.

25 секунд.

– Мама! – воскликнул Тимоха. – Прости!

Эти слова сами вырвались из него.

Он стал понимать: мама не пыталась поменять свою жизнь.

Она пришла, чтобы спасти его. Только это. Без каких-либо условий, без выгоды, без права на второй шанс для себя самой.

Вот в чём была разница.

Он, оказавшись в своих минутах, всё время пытался переиграть судьбу, исправить ошибки, спасти себя.

А она – просто делала всё, чтобы спасти сына.

Просто потому что любила.

И вот оно – чувство, которое он раньше называл по-разному: инстинкт, шестое чувство, чудо, совпадение...

А на самом деле – это была любовь.

Простая, тихая, материнская любовь – упрямая и вечная, как проросший корень в твёрдой породе скалы.

Тимоха сжал кулаки.

Слёзы подступили к глазам, но он не отвёл взгляда.

Он хотел сказать многое, но смог только прошептать ещё раз, словно ребёнок:

– Мама... прости...

И в этих двух словах – всё, что он никогда не успевал сказать при жизни.

Всё, что копилось за годы: за ссоры, за молчание, за обиды.

И любовь.

И вина.

И благодарность.

17 секунд.

На фоне хаоса в комнате, где его молодая мама трясла уже бездыханного Тимоху из прошлого, он – нынешний – смотрел на неё.

На свою маму, стоящую перед ним здесь и сейчас.

– У меня получилось? – спросила она.

В её голосе дрожала надежда – хрупкая и настоящая.

Она смотрела на него так, что даже если бы тогда её не успели вписать в сценарий, даже если бы всё пошло по-прежнему – он всё равно бы сказал, что всё хорошо.

– Да, мам. Всё получилось. Я выжил.

И только сказав это, он по-настоящему понял: в её реальности всё было иначе.

Там она не вошла в комнату.

Не вызвала скорую.

Не успела.

И через день стояла над гробом.

Хоронила сына.

Пытаясь поверить, что он умер от кровоизлияния в мозг – от несчастного случая, от удара дверью в переходе метро.

Пытаясь жить дальше, носить это как камень в груди.

Но здесь, в этих минутах за пределами времени, ей удалось пройти через дверь.

Увидеть. Почувствовать. Понять.

Войти в тело своего мужа и сказать самой себе, что надо зайти в комнату. Проверить сына.

Направить себя по новому пути.

И изменить хотя бы один кадр этого сериала под названием «жизнь».

И этого оказалось достаточно.

10 секунд.

Мама подошла к Тимохе, обняла его, положив голову на плечо, и сказала:

– Я скучаю. Бесконечно люблю.

И исчезла.

Её минута закончилась.

Тимоха провёл руками по пустоте, которая осталась на её месте.

– Прощай, мама, – прошептал он.

Слёзы хлынули из глаз.

Бесплотный дух в образе Тимохи громко рыдал в своей же комнате.

Навзрыд.

Но его никто не слышал.

Его никто не видел.

Его никто не чувствовал.

В этот момент дядя Юра нашёл трубку домашнего телефона и, пытаясь справиться с шоком, нажимал на ноль и три.

5 секунд.

Тимоха смотрел на маму, на отчима, понимая, что, скорее всего, видит их в последний раз.

Слёзы застилали глаза, минута заканчивалась, и произошедшее душило всеобъемлющей грустью и осознанием того, что любовь мамы нашла его даже здесь.

1 секунда.

Темнота.

ГЛАВА 9

“ОТВЕТЫ”

В Комнате появился новый запах. Он был тёплым, пыльным, ни с чем не сравнимым – запах бабушкиного серванта.

Тот самый аромат – старых книг, лака, фигурок фарфоровых овчарок – который жил в бабушкиной хрущёвке, среди чёрно-белых фотографий, томов Ленина и мемуаров Жукова.

Воспоминание, которое не нуждается в образах, потому что запечатлено в запахе. Именно так пахло детство. Тёплое и настоящее.

Тимоха медленно обвёл взглядом Комнату. Ничего не изменилось. Источник запаха был непонятен. Ни одного нового предмета – всё было на своих местах. Разве что Янус переместился ближе к камину и теперь дремал, уткнувшись носом в лапы, словно и не было его двойной природы.

Сет сидел в кресле. На этот раз – с газетой в руках. Он был сосредоточен: взгляд его бегал по строчкам, будто выискивая что-то важное, почти забытое. Тимоха прищурился, пытаясь рассмотреть. Газета была знакомой. Слишком знакомой.

– «Комсомольская правда»... – шепнул он.

На первой полосе – его лицо. Его имя. И крупный заголовок: «Юноша спас людей во время давки в метро».

Сет поймал его взгляд и чуть заметно кивнул. Он нашёл то, что искал.

– У тебя появились вопросы, – вдруг сказал Сет, не отрывая взгляда от последней строки. – Я это знаю. А сейчас ещё и чувствую.

Он аккуратно сложил газету и отложил её на столик возле кресла. Пламя в камине чуть дрогнуло, будто услышав важные слова. Янус издал короткий, едва слышный вздох.

– Много вопросов, – продолжил Сет, сжегивая слова, как хорошее вино. – Это хорошо. Вопросы – признак жизни. А ты, несмотря ни на что, всё ещё жив... по-своему.

Он откинулся на спинку кресла и переплёл пальцы в замок. Лёгкая улыбка скользнула по его губам – улыбка человека, знающего ответы, но не спешащего с ними делиться.

– У нас есть безграничное время, чтобы обсудить всё. Абсо-

лютно всё. Смыслы, тайны, Бога, выбор, мать, твою боль, даже смерть – если захочешь.

Он замолчал, давая Тимохе сделать первый шаг. И в этот момент тишина снова наполнилась смыслом.

– Но, – добавил Сет, наклоняясь вперёд, – с одним маленьким условием.

Он заглянул Тимохе прямо в душу. Взгляд этот был пронзительным, но не пугающим – скорее, обнажающим.

– Ты ответишь на один мой вопрос.

Тимоха удивился. Как ловко Сет всего одной фразой смог собрать всё то, что распирало его изнутри: сценарий, Бог, выбор. Всё, что Тимоха тщетно пытался осознать, проходя сквозь двери прошлого и будущего, вдруг оказалось аккуратно уложенным в несколько слов.

Как будто Сет не просто знал – видел его насквозь.

Тимоха ощутил внутри странную готовность. Готовность отдать всё, только бы узнать. Понять. Смысл.

– Конечно, я отвечу, – сказал он, выпрямившись. – Любой вопрос. Я весь твой.

Сет усмехнулся. Тепло, чуть насмешливо, по-актерски.

– Нет, – произнёс он, покачав головой. – Свой вопрос я задам, когда придёт время. Не сейчас.

Он откинулся в кресле, и Комната снова наполнилась мягким светом огня.

– А пока... – Сет чуть наклонил голову набок, глядя на Тимоху с почти детским интересом, – я готов слушать тебя. Ты ведь уже никуда не спешишь, верно?

Улыбка растянулась шире. Сейчас Сет снова был тем самым героем из фильма «От заката до рассвета» – с вкрадчивой харизмой, с игрой в глазах, с появившимися в руках сигарой и бокалом.

Не Бог.

Не Дьявол.

Актёр, временно получивший роль проводника по внутреннему аду Тимохи.

– Расскажи... что это было? – голос Тимохи дрогнул. – Встреча с мамой... Это действительно было? Как такое возможно?

Он почти выдохнул вопрос – слишком быстро, будто боялся, что чувства, до сих пор бьющие в грудную клетку, успеют ускользнуть.

Слёзы в глазах ещё не высохли, и воспоминание о материнской ладони, скользнувшей по руке, было таким живым, что казалось – стоит только протянуть руку, и он снова сможет её коснуться.

Сет улыбнулся. Загадочно. Почти по-заговорщически. Пламя камина отбросило на его лицо тени, будто подчёркивая многоликость ответа.

– О, это отличный вопрос, – протянул он. – И он требует внимательного слушателя.

Он посмотрел на Тимоху пристально, но мягко, как будто пытаясь считать с него не просто внимание, а готовность. Готовность услышать не то, что хочется, а то, что существует на самом деле.

– Я надеюсь, что это именно ты.

Тимоха кивнул. Он был готов к чему угодно – к объяснениям, к чуду, к боли, к правде. Хоть к перечню регалий, хоть к экзамену по электротехнике, которую он долго не мог сдать в универе, – только бы услышать ответ.

Сет посмотрел на пламя в камине, будто увидел в нём чей-то силуэт. Он заговорил тихо, почти шёпотом, как если бы раскрывал тайну, которую не стоит произносить вслух.

– Каждый человек... в момент смерти... может потратить свои минуты. Последние.

Он на мгновение замолчал, будто прислушиваясь к чему-то внутри Комнаты. Тимоха не перебивал.

– Кому-то даётся пять минут. Кому-то, как тебе, – десять. А кому-то – одна.

Он посмотрел прямо в глаза Тимохе. Спокойно. Внимательно.

– Человек не представляет, куда откроется его дверь. Если, конечно, это вообще будет дверь. У кого-то – окно в стене. У кого-то – озеро. У кого-то – трещина в скале. У каждого – своё. Потому что у каждого своё видение ада и рая, Бога и Дьявола, про которых я уже тебе говорил. Свои страхи. Свои незаконченности. Своя жажда ответов.

Он снова улыбнулся – не грустно и не обнадеживающе, а как учитель, у которого нет права обмануть первоклашку.

– Но минуты есть у всех. Они даются не для того, чтобы изменить судьбу, а чтобы встретиться с ней лицом к лицу.

Сет сделал паузу. Огонь потрескивал, Янус во сне вздрагивал ушами.

– И человек не знает, в какой минуте он окажется, – спокойно произнёс он, глядя в пламя. – В этом вся суть.

Он помолчал, потом медленно повернул голову к Тимохе. Говорил мягко – как будто напоминал, а не раскрывал.

– Помнишь, я говорил тебе о развилках? О том, что каждый выбор – это трещина в реальности миров. Так вот... в мире твоей мамы она не зашла в комнату, где ты умирал. Где задышался. Где твоё лицо уже почернело.

– Я это понял... – прошептал Тимоха.

– В её мире она опоздала. В своей реальности она похоронила тебя. Через два дня. После той самой минуты, в которой ты только что был.

Тимоха резко подался вперёд.

– Но она же меня спасла! – выкрикнул он. – Я остался жить! Мама была рядом! Она знала, что я выжил!

Сет не моргнул. Не дрогнул. Только смотрел – пристально, почти с жалостью.

– Так в этом и дело, Тимофей, – тихо сказал он. – Ты выжил тогда, когда должен был умереть. Но она пришла. В момент её истины, когда она умирала, у неё были минуты. Попытки – как и у тебя. И её дверь привела её в тот день. Чтобы попробовать. Чтобы изменить. Чтобы быть с тобой.

Тимоха вскочил. Сердце стучало в висках, как набат.

– Но сценарий нельзя переписать! – закричал он. – Это твои слова! Ты сам мне это сказал!

Сет встал. Он поднимался с кресла всего один раз – когда Тимоха впервые зашёл в Комнату. Но сейчас – встал снова.

Медленно подошёл к камину, провёл ладонью над пламенем, будто гладил тёплую память. Он заговорил негромко, стараясь подобрать слова так, чтобы Тимоха смог их понять.

– Сценарий не изменился, Тимофей.

Он повернулся к нему резко. Газета, лежавшая на столе, соскользнула и упала на ковёр. Янус подскочил, не поняв, что происходит.

– Просто местами поменялись сцены. Как если бы в пьесе кто-то сдвинул одну на страницу вперёд, а другую – отложил до последнего акта.

Сет сделал пару шагов в его сторону.

– Твоя мама... она не изменила судьбу. Она отдала тебе свои последние минуты. Отсыпала тебе монет времени – будто ребёнка, который потерялся в огромном городе.

Он улыбнулся, но в этой улыбке была печаль.

– Ей были не нужны те минуты, что у неё оставались. Она решила, как их потратить. И кому их отдать.

Тимоха молчал. Он не знал, как дышать.

– Она сделала так, что там, в прошлом, она зашла в комнату, в которой ты умирал. Чтобы вызвать скорую. Чтобы держать тебя за руку до её приезда. И там она отдала тебе своё время.

Сет сел обратно, как будто этот рассказ отнял у него силы.

– Ты уже начинаешь понимать, что такое минуты, – тихо добавил он. – Их ценность. И да... в человеческом мире они стоят дороже, чем ты думаешь. Иногда дороже, чем месяцы. Иногда – чем годы.

Тимоха почувствовал, как всё внутри него сжалось.

– Это был поступок, Тимофей. Поступок, на который ты никогда не решился бы сам. Но она – смогла. Потому что она мама.

– Как получилось, что мы... встретились там? – спросил Тимоха. Голос звучал тише, почти неуверенно. – Это была случайность? Или Янус сделал это специально?

Он замолчал на миг, будто сам испугался своей догадки.

– Ведь... отправить меня в минуту, где, по сути, мне нечего было менять, – разве это не бессмысленно?

Сет молча посмотрел на него. Взгляд стал чуть строже – не в укор, а как у взрослого, который решает, готов ли ребёнок услышать настоящую правду про Деда Мороза.

– Это не была минута, в которой нужно что-то менять, – спокойно ответил он. – Это была минута, в которой ты должен был увидеть.

Он сделал паузу, позволяя словам лечь внутрь – не на слух, а в сердце.

– Это серьёзная развилка, Тимофей. Одна из важнейших в твоей жизни. И ты тогда в ней... не повернул. За тебя повернула мама. Ты лежал, чернея от удушья, а она вошла. Она сделала выбор за тебя.

Он провёл рукой по креслу, как будто вытирал с него пыль.

– Ты должен был вернуться туда. Не чтобы что-то изменить, а чтобы понять, что произошло. Осознать. Увидеть это не как травму, а как точку. Как узел, в котором связались жизнь, смерть и любовь.

Сет посмотрел на Януса. Пёс уже снова улёгся на ковёр, но казалось, что слышал каждое слово.

– И да, – продолжил он, – это сделал Янус.

Он снова посмотрел на Тимоху, но теперь его взгляд был не просто внимательным – серьёзным.

– Он дал тебе возможность увидеть маму настоящую. Не из прошлого. Не из будущего.

Ту, которая пришла ради тебя, зная, что у неё будет только минута.

Ту, которая отдала тебе себя – не словами, не воспоминаниями, не мечтами.

А действием.

– Это не подарок. Это был долг.

Ты должен был посмотреть ей в глаза. Снова. В последний раз – но уже не как ребёнок.

Сет наклонился вперёд.

– Потому что только теперь ты способен это понять. И, может быть... простить себя.

«Я не смогу простить себя», – подумал Тимоха.

Это невозможно.

Эти слова обожгли изнутри, как йод на открытой ране. Но он не произнёс их вслух. Не сейчас. У него были другие, куда важнее.

– А что с мамой?... – его голос был глухим. – Если она отдала мне свои минуты... что стало с ней?

Сет посмотрел в сторону, будто услышал музыку, доносившуюся из другой комнаты. Пламя в камине качнулось, и в нём будто отразилось женское лицо – тепло, очень мимолётно. Словно сама Комната вспомнила.

– С ней всё хорошо, – спокойно сказал он. – Она начала новую жизнь.

Он сделал короткую паузу, позволяя словам улечься в воздухе, а потом добавил:

– Без воспоминаний. Без боли. Без страха. С любовью. И с верой.

Сет снова повернулся к Тимохе. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах читалась редкая – почти невесомая – нежность.

– В этом... и была её плата. Она отдала тебе своё время, а взамен получила покой. Новую страницу. Без вины. Без тени. Без того, что грызло её сердце и душу.

Он чуть улынулся, но грусти в этой улыбке уже не было. Только свет.

– Так бывает. Я говорил уже тебе: Комната позволяет начать заново. Когда человек действительно отдал всё, что мог. Не словами – собой.

Почему-то после этих слов Тимохе стало легче. Не так, как будто боль ушла – нет. Но как будто она перестала наносить удары невидимым ножом прямо в сердце. Стала просто... тёплой тяжестью внутри. Такой, с которой можно жить.

Но голова гудела. Не от чувств, а от количества информации, сдавливавшей сознание.

Параллельные реальности, в которых он уже умер. В которых выжил. В которых мог даже не родиться. В которых его вообще не существовало.

Сколько их? Никто не знал. Даже Сет.

Развилки было слишком много. Слишком.

Судьба – это не прямая. Это бесконечный лабиринт, где выборы делают все: он, мама, Янус, случай, Комната.

И каждый ответ Сета, каким бы исчерпывающим он ни казался, рождал внутри Тимохи ещё десяток новых вопросов.

Он понимал: это путешествие – не за ответами.

Это путешествие вглубь.

В самую суть.

Где не ты находишь истину, а она находит тебя – когда ты готов.

Второй вопрос был менее личным, но интересовал Тимоху не меньше первого. Возможно, даже больше. Потому что с него всё начиналось.

Вопрос появился, когда Тимоха впервые попал в Комнату – после первого разговора с Сетом – и его значимость многократно выросла, когда он увидел первую развилку, первую боль, первую правду.

Но сформулировать его однозначно было трудно.

Слишком много смыслов, слишком много слоёв. Поэтому он вывалил их все разом, не задумываясь – как ребёнок, который устал делать вид, что всё понимает:

– Кто пишет сценарии? – спросил он, почти с вызовом. – Кто расписывает сцены? Кто знает финал каждой жизненной пьесы? Кто руководитель этого безумного театра?.. Ты?

В Комнате стало на мгновение тише. Даже огонь в камине будто притих к полу. Янус не шевелился.

Сет не ответил сразу. Он встал и подошёл к одной из дверей, провёл по гладкой чёрной поверхности рукой, потом вернулся.

– Это один вопрос... или пять? – мягко уточнил он, возвращаясь к креслу. В голосе не было насмешки – только уточнение.

Тимоха открыл рот, хотел ответить – и замолчал. Он сам не знал. Просто... хотел знать.

Сет кивнул.

– Хорошо. Тогда я отвечу сразу – но не так, как ты, возможно, хочешь услышать.

Он сел в кресло, сцепил пальцы и заговорил спокойно, без театральщины, но с тем внутренним резонансом, от которого начал вибрировать воздух в Комнате:

– Сценарии не пишутся. Они рождаются. Каждый выбор – строчка. Каждый страх – реплика. Каждое «не сейчас» – пауза. Каждый поступок – удар в колокол.

Сценарий рождается вместе с человеком. Никто не придумывает сценарий – он даётся человеку при рождении, как невидимая рукопись вместе с мешком монет времени.

И вопрос в том, как человек будет следовать этому сценарию и как сможет распорядиться временем.

Он посмотрел на Тимоху.

– Жизнь – это не пьеса. Это репетиция, в которой человек всё время пытается уйти от того, что написано в сценарии. И далеко не каждый может доиграть до конца, дойти до кульминации.

Он сделал паузу. Вздохнул.

– Что до театра... да, он безумен. Но только потому, что люди начинают импровизировать. Им легче думать, что они знают свою роль лучше, чем та, что им была дана.

Сет придвинулся вперёд. В его глазах не было ни огня, ни тьмы. В них было знание.

– Я – не режиссёр, Тимофей. Не сценарист. Не Бог и не Дьявол. Я... зритель закулисы. Я подаю свет, когда нужно. Закрываю занавес, когда пора. Иногда держу актёра за руку, чтобы он не забыл, кто он.

Но пьесу ты играешь сам. Всегда сам.

Снова философия... – подумал Тимоха.

Ему как никогда хотелось конкретики в ответах. Таких, как на экзамене по высшей математике: чёткий вопрос – конкретный ответ.

Да или нет. Белое или чёрное.

Но он понимал: на такие вопросы не может быть чётких ответов.

Всё это больше походило на интерпретацию каких-то религиозных постулатов, поданную в манере Джорджа Клуни из «От заката до рассвета».

С паузами. С сигарой и вином. С камином. И с этой чёртовой полуулыбкой, в которой не было ни капли жалости.

Абсурд.

Кошмарный сон, который никогда не закончится.

И всё же... этот кошмар был слишком логичен, чтобы быть сном.

Слишком точен. Слишком живой.

Комната дышала.

Огонь жил своей жизнью.

И даже Янус, казалось, понимал больше, чем Тимоха.

Сет улыбнулся. Он снова услышал мысли своего гостя.

– Тебе необходимы конкретные примеры?

Огонь в камине вдруг вспыхнул – резко, как будто кто-то плеснул в него бензина. Вспышка была короткой, но яркой, ослепляющей.

Тени на стенах на мгновение ожили, став похожими на силуэты, танцующие без музыки.

Тимоха вздрогнул. Он всё ещё не мог привыкнуть к тому, что Сет знал каждую его мысль.

Словно они были написаны у него на лбу.

Словно время здесь не существовало – и каждый вопрос появлялся в воздухе ещё до того, как Тимоха успевал его сформулировать.

Словно Сет не просто опережал его – он ждал.

– Тебе необходимы конкретные примеры? – Сет повторил свой вопрос и, не дожидаясь ответа, резко встал с кресла.

Он поправил пиджак, из-под рукава которого на секунду мелькнула знакомая татуировка.

Сделав пригласительный жест, Сет направился в сторону, противоположную камину – туда, откуда когда-то вошёл в Комнату сам Тимоха.

Янус поднялся с ковра и, потянувшись, плавно пристроился рядом с хозяином, будто предчувствуя прогулку.

Тимоха медлил лишь мгновение. Его сердце снова заколотилось – не от страха, а от любопытства, от предчувствия.

Он встал с дивана и двинулся следом за Сетом и Янусом – вглубь пустоты, откуда он появился.

Комната с камином осталась позади.

Тепло огня, мягкий свет, запах сигаретного дыма и вина – всё это растворялось, будто воспоминание, которое не удержать.

Шаг за шагом они уходили в темноту, и казалось, что сама реальность отступает, стирается, уступая место чему-то иному.

Сет шёл молча. Скрип старых половиц под его шагами и тяжёлое дыхание Януса были единственными звуками в этой давящей тишине.

С каждым шагом становилось темнее. Пространство сжималось, как воронка, затягивая их внутрь.

И в какой-то момент силуэты Сета и пса полностью исчезли – будто растворились в самой ткани пустоты.

Тимоха остановился. Оглянулся. Но жёлтого света от камина больше не было – ни отблеска, ни тени, ни намёка на то, что Комната вообще существовала.

Только густая, вязкая темнота. Такая же, как тогда... когда смесь наркотика и таблеток достигла мозга, и он впервые шагнул в пустоту.

И вот она снова. Та самая.

Сет внезапно остановился.

– Достаточно, – сказал он, не оборачиваясь.

Он поднял руки и громко хлопнул в ладони.

В ту же секунду тьма вздрогнула. Пространство, до этого плотное, как угольная смола, начало рассыпаться точками света.

Сначала – одна. Потом другая. Затем сотни. Тысячи. Миллионы.

Они зажигались повсюду – над головой, под ногами, в отдалении и рядом.

Мерцающие огоньки, как звёзды в безлунную ночь, пронзали мрак, складываясь в узоры, в созвездия, в пульсирующие карты неизвестных миров.

Пространство больше не было пустым – оно стало безграничным.

Тимоха задрал голову. Дыхание перехватило. Он стоял, окру-

жённый звёздами, словно внутри вселенной, где не существует ни верха, ни низа – только бесконечность.

Самая звёздная августовская ночь была детским лепетом по сравнению с тем, что сейчас разворачивалось в темноте пространства.

Силуэты Сета и Януса снова проступили из света. Но теперь они казались другими.

Сет уже не был похож на актёра из старого фильма на видеокассете.

Звёздное свечение придало его фигуре зловещий, почти потусторонний облик. Его лицо стало бледным, почти мраморным, а глаза светились серебром.

Он напоминал кого-то из древних легенд – вампира, ангела смерти, хранителя небесных врат.

Янус стоял неподвижно, пугающе спокойно. Его глаза – один тёплый, другой холодный – светились в темноте, как две противоположности: один звал домой, другой – в бездну.

Сет повернулся к Тимохе, освещённый чужим светом космоса, который вдруг стал возможным в этой тесноте, и сказал:

– Все привыкли думать, что звёзды – это души. Но это заблуждение. Звёзды – это судьбы.

И у каждого человека их не одна, а тысячи. Миллионы. Варианты. Развилки. Возможности.

Те самые искры, что рождаются с каждым выбором и гаснут с каждым отказом.

Он поднял руку, и одна из звёзд мигнула ярче, словно отозвалась на его жест.

– Видишь? Вот эта – жизнь, в которой ты поступил не в свой университет, а так, как хотела твоя мама: в военную академию, и стал военным.

А вон та – где женился на своей первой большой любви по имени Ольга.

А вот – крошечная, едва заметная... Там ты написал книгу. Настоящую.

И она изменила кого-то. Пусть всего одного человека – но ты стал для него тем самым голосом, который спас.

Он сделал шаг вперёд. Пространство вокруг зашевелилось – звёзды начали медленно вращаться, создавая узоры, как в детской игрушке – калейдоскопе.

– Судьбы не выстраиваются в одну линию. Они рассыпаются во все стороны, как капли пролитой ртути.

И каждая из них жива, пока ты дышишь. Пока ты способен выбирать.

Сет повернулся к Тимохе. Его взгляд стал серьезнее.

– Но есть одно «но»...

Он указал на угасающую звезду – тусклую, дрожащую.

– Звёзды умирают навсегда. Душа живёт вечно, а вот судьба всегда приходит к своему концу, каким бы он ни был – печальным, как у тебя, или счастливым, как у другого Тимофея, которого ты встретил за дверями, что приводили тебя в будущее.

Выбор сделан.

Дверь закрыта.

Пути больше нет.

И всё, что остаётся, – это память... или сожаление.

И ты должен понять разницу между ними.

Тимоха слушал Сета, почти не дыша, и зачарованно вглядывался в космос, раскинувшийся вокруг него.

Огни со всех сторон – словно живые – мерцали, двигались, гасли и вспыхивали вновь.

Иногда – тихо, едва заметно, будто кто-то выдохнул.

А иногда – резко, словно чья-то жизнь оборвалась на полуслове.

Это – судьбы. Те самые, о которых говорил Сет.

И у каждого человека их множество. Одни угасают, когда человек отказывается от пути.

Другие загораются, когда он делает выбор. Один шанс сменяется другим.

Одна жизнь уступает место возможной.

И где-то там, в глубине этого вечного звёздного океана, сияли судьбы самого Тимохи.

Его альтернативы.

Его варианты.

Его выборы.

Его поражения.

Его надежды.

Они вспыхивали и исчезали, словно кто-то щёлкал выключателем.

От этого зрелища закружилась голова. Глобальность происходящего навалилась на него с новой силой – и была почти невыносимой.

Он сделал шаг назад и глухо выдохнул.
У него осталось всего шесть минут из десяти.
Шесть минут до конца.
Шесть минут, пока горит его последняя звезда.
И вдруг Янус зарычал – громко, надрывно, с протяжным, животным звуком, от которого, казалось, дрогнули даже звёзды.
Огоньки чуть замерцали, будто испугались.
Тимоха обернулся.
Дог стоял неподвижно, уставившись куда-то в пустоту. Его глаза светились тем же тревожным светом, что и бесчисленные судьбы вокруг.
Сет подошёл ближе и тихо, почти нежно, сказал:
– Пойдём домой.

ГЛАВА 10

“ПЯТАЯ МИНУТА”

Свет был таким ярким, что Тимоха машинально прикрыл глаза рукой.

Дверь несколько мгновения назад открылась внутрь – плавно, беззвучно, как и в прошлый раз.

Будущее.

Снова – растворение. Серебристая субстанция окутала тело.

Взрыв. Вспышка. Внутренний хлопок. Свет в лицо – обжигающий, не солнечный, а ослепляюще холодный, как от хирургической лампы, направленной прямо в глаза.

Почти физическая боль от яркости.

Но теперь к свету добавился звук.

Он пришёл не просто как шум – а как волна.

Густая, тёплая, оглушающая. Ор. Толпа. Кричащие сотни, а может, тысячи голосов.

Пение, выкрики, гудение, крики.

Это был не просто шум – это была живая, бушующая энергия, сотканная из дыхания людей и электричества воздуха.

И музыка.

Но звучала она не так, как если бы играла тебе в лицо – она была внутри.

Будто Тимоха сам стал её источником.

Бас ударял изнутри груди, гитара скребла по нервам, барабаны били прямо в виски.

Всё звучало не в ушах, а под кожей.

Этот звук не окружал – он прожигал.

Он вжимался в грудную клетку, поднимался от копчика к затылку, растворялся в голове и разлетался обратно по телу.

Тимоха не слышал – он ощущал.

И самое главное – чувства.

Чувства, которые испытывал Тимоха из будущего – тот, кто жил в этом теле, хозяин.

И теперь эти чувства стали и его.

Смесь страха, разбавленного ударной дозой адреналина.

Тимохе был знаком этот вкус.

Его невозможно спутать ни с чем.
Как запах крови на губах после драки.
Как замирание сердца перед прыжком в ледяную воду.
Как настоящая жизнь, которой было так мало.
Это чувство было настолько мощным, что тело, в которое он попал, трясло, как в лихорадке.
59 секунд.
Тимоха открыл глаза.
Яркий свет бил в лицо – режущий, невыносимый.
Глаза не могли сфокусироваться. Всё расплывалось.
Он прищурился, глубоко вздохнул.
Понять, где он, – было невозможно.
Он повернул голову вправо.
Сцена.
Провода.
Кабели.
Чёрный пол с отпечатками следов – то ли ботинок, то ли кроссовок.
Рядом – гитарный комбик.
Световая установка перед краем сцены вращалась бешено, забрасывая лучи во все стороны, будто кто-то пытался прожечь воздух.
Пульс совпал с мерцанием. Внутри что-то нарастало.
Он был на сцене.
Рядом с гитарным комбиком стоял парень, которого Тимоха видел впервые.
Он был в солнцезащитных очках, с длинными распущенными рыжими волосами и яркой банданой, повязанной на лбу – точь-в-точь, как у вокалиста Guns N' Roses.
Он держал гитару – и именно в этот момент резко ударил по струнам.
И вместе с гитарным аккордом раздался голос.
До боли знакомый голос.
– «Тишина заглушила последнюю песню,
Дорога домой теперь бесконечна...»
Тимоха вздрогнул. Повернул голову вправо – и замер.
На сцене, у микрофона, стоял Павлуха.
Тот самый. Его старый друг. Родной.

Человек, с которым они делили юношество, мечты, планы.

Их объединяло многое. Пока наркотики в Тимохиной жизни не развели их по разные стороны.

Пока их пути не растворились в тумане, как два фонаря, погасших на одной улице.

И вот теперь – он.

Здесь.

Сейчас.

Поющий.

Всё тот же голос.

Та же интонация.

В глазах – огонь.

55 секунд.

Рядом с Павлухой, с бас-гитарой наперевес, стоял Богдан.

Тимоха знал его слабо.

Когда-то, в школьные годы, они крутились в одной компании, но ничего по-настоящему близкого между ними не было.

И вот теперь – он.

Здесь.

На сцене.

Вместе с Павлухой.

Рядом с Богданом.

И незнакомым гитаристом.

Вся эта странная сборная команда казалась нелепой, будто их выдернули из разных времён, с разных страниц жизни и поставили под свет прожекторов.

– «И смех в темноте никого не разбудит...

Мы просто устали спать...»

Павлуха пел следующую строку.

Голос его дрожал, как натянутая струна, но в этой дрожи была сила – живая, настоящая.

Тимоха перевёл взгляд вперёд – и только теперь смог разглядеть, где он находится.

Сцена.

Клуб.

Внизу, у самой сцены, стояли люди.

Зрители.

Много людей.

Очень много.

Сколько?

Пятьсот? Тысяча?

Он не мог сосчитать. Казалось, толпа не имела ни начала, ни конца – она пульсировала, дышала, жила своей жизнью.

В поднятых вверх руках – телефоны с зажжёнными фонариками. Сотни огней.

Если расфокусировать взгляд – перед Тимохой снова возникал космос.

Тот самый.

Космос судеб.

Только теперь – живой, тёплый, дышащий.

Он двигался в такт этой странной, удивительной песне, звучащей со сцены.

Это было как откровение.

Как будто он оказался в самом сердце Вселенной.

И всё, что окружало его, – было не зрелищем, а частью чего-то куда большего.

Настоящего.

И самое главное – люди пели.

Они знали эту песню.

Знали каждое слово.

Каждую строчку.

И даже если бы Павлуха сейчас просто опустил микрофон – ничего бы не изменилось.

Толпа внизу продолжила бы петь.

Сотни голосов, сливаясь в один, вытягивали слова, будто это была не просто песня, а исповедь, знакомая каждому из них.

40 секунд.

– «Здесь разные люди, и разные судьбы,

Но мысли у всех едины по сути...»

Адреналин в теле поднимался с каждой новой строчкой.

С каждой секундой.

С каждым ударом по струнам.

С каждым словом, вылетавшим из динамиков, но будто рождённым внутри него самого.

Слова песни были не просто текстом – они были эхом его собственных мыслей.

Только что.
Прямо здесь.
Прямо сейчас.
Это было магически невозможно.
Но именно это и происходило.
Как будто кто-то вложил в музыку его внутренний монолог.
Его чувства.
Его страх.
Его надежду.
Тимоха вздрогнул.
Он чувствовал: это не просто совпадение.
Слова песни не только отражали его мысли – они предвосхищали их.
Как будто кто-то писал эту песню прямо сейчас, параллельно его дыханию.
Каждая строка – ответ на мысль, которую он ещё даже не успел сформулировать.
Он повернул голову в сторону Павлухи.
Тот пел, не отрывая взгляда от толпы, будто пытался её загипнотизировать.
Будто был проводником к бесконечности.
Не артист – ретранслятор чего-то большего.
Будто в нём говорили люди, которые знали мироздание.
Тимоха вспомнил Сета.
Его голос.
Его глаза.
Его странную улыбку.
– «Все звёзды – это судьбы», – звучало в голове.
– «Тысячи развилки. Миллионы искр. Некоторые ты теряешь... некоторые проживаешь».
Сейчас, на этой сцене, его сердце сочиняло музыку.
В голове Тимохи пронеслась одна ясная мысль:
Получилось.
У этого Тимохи – того, в теле которого он сейчас находился, – в будущем всё получилось.
Он стал тем, кем мечтал быть.
Музыкантом.
Настоящим.

Тем, кто не просто поёт, а говорит за тысячи.
Тем, чьи слова толпа ловит, как откровения.
Тем, чья боль становится чьим-то исцелением.
Чья музыка – больше, чем звук.
И у этого Тимохи не было сомнений, обид, вины.
Он не оступился. Он не свернул на развилке.
Он дошёл.

И теперь он стоял здесь – на сцене, даря людям то, что в Тимохиной жизни когда-то было лишь хрупкой мечтой.

А тот, кто смотрел изнутри – тот самый Тимоха, что когда-то дрожал в пустой квартире со старым, еле живым компьютером, на котором пытался сочинять музыку, тот, кто не верил ни себе, ни этому миру, – впервые за долгое время почувствовал не боль, а гордость.

Настоящую. Простую. Глубокую.

У этого Тимохи получилось.

35 секунд.

Тимоха обернулся через плечо и поднял взгляд к задней части сцены, где, на высоком постаменте, возвышалась ударная установка.

Он попытался разглядеть, кто сидит за ней, но яркий свет прожекторов, ударяющий от основания ударки, слепил глаза и скрывал фигуру музыканта в полумраке.

Лучи, идущие снизу вверх, будто специально оберегали тайну, закрывая лицо и силуэт, превращая барабанщика в живую тень.

Ему очень хотелось понять, кто это.

Кто дополняет эту странную, невероятную группу, собравшуюся здесь – как будто из осколков его прошлого, настоящего и чего-то несбывшегося.

Но где-то внутри он почувствовал: это не главное.

Искушение потратить драгоценные секунды на поиски ответа было велико, но ещё сильнее – осознание, что время, отмеренное его присутствию здесь, не бесконечно.

Каждое мгновение стоило слишком дорого, чтобы тратить его на попытки увидеть то, что было скрыто от взгляда.

Отношения Тимохи с музыкой были давними, глубокими, противоречивыми. Он любил музыку – искренне, с самого детства. Но никогда не понимал, как стать её частью. Как не просто слушать – а быть в ней. Жить ею.

Подростком он часами мог лежать на кровати, вглядываясь в потолок, пока из старого магнитофона дяди Юры доносились звуки чужих, недоступных миров. Мелодии казались волшебными, недостижимыми. Но собственного вкуса не было – ни внутреннего голоса, ни опоры. Он не умел разбираться в жанрах, не знал, что действительно любит, а что просто пытается скопировать.

Когда в начале девяностых у остановок появились ларьки, заваленные кассетами – тысячи названий, яркие обложки, слова на иностранных языках, – он чувствовал себя потерянным. Как будто стоял на вокзале, где каждое направление вело в незнакомый город, а выбрать было не из чего. Всё было чужим.

Тимоха подслушивал, о чём говорили одноклассники – те, кто казался ему продвинутыми, крутыми, настоящими. Слушал, что они обсуждают на переменах, подсматривал, какие названия групп выводят на тетрадах, обклеивают ими пеналы, шепчутся о концертах, которые будут в городе. И, словно собирал подсказки, шёл в ларёк. Просил продавца ту самую кассету, название которой вчера услышал краем уха. Ставил в магнитофон, вслушивался, пытался понять, пытался полюбить. Потому что – «так надо». Потому что именно это, казалось, открывает дверь в тот самый мир, где он хотел быть своим.

Но часто – слишком часто – Тимоха не понимал ту музыку, которую приносил домой. Вроде бы «правильная», вроде бы «все слушают», но она не отзывалась. Не трогала. Он раз за разом отматывал кассету на начало, ждал, что что-то внутри дрогнет, загорится, запомнится... но вместо этого – пустота. Она казалась некрасивой, странной, холодной. И он не мог понять: почему его одноклассники сходят с ума от этих звуков? Почему рисуют на рюкзаках эти названия, спорят, кто круче? Почему у них горят глаза – а у него нет?

Но иногда что-то пронзало. Неожиданно. Без чужих советов. Просто – влетало в сердце и оставалось там навсегда. Первым таким открытием стал «Кар-мэн». Лемох. Титомир. Эти танцы, эти образы, эти бешеные движения на сцене. Тимоха обожал их. Он ставил кассету, надевал солнцезащитные очки своей мамы и старался двигаться так же – резко, ритмично, вызывающе. Прыгал перед зеркалом, копировал кумиров.

Внутри было тепло. Настоящая, простая радость. Чувство, будто музыка наконец стала его – не чужой, не навязанной, а именно

его. Она проникала внутрь, растворяла всё лишнее, оставляя только пульс, ритм и чистое ощущение момента.

Именно тогда, в детстве, Тимоха впервые оказался на сцене. Это был конкурс в Доме пионеров, и он вышел туда в образе Тимомира – с песней «Делай как я». Он плохо помнил, как выглядел зал, какие были декорации, кто сидел в жюри. Но одно запомнил навсегда – страх. Оглушающий, парализующий страх, как будто сцена была не сценой, а бездонной пропастью, в которую он падал. И в то же время – взрыв. Такой, какого не давал ни один праздник, ни один подарок, ни одна пятёрка в дневнике. Взрыв адреналина, перемешанный с восторгом, от которого хотелось кричать и смеяться.

Чуть позже, когда детская мода сменилась подростковой, стало модным быть неформалом. Тимоха с восхищением и завистью наблюдал за теми, кто стал панком или металлистом. Чёрные байки, берцы, длинные волосы, серьги в ушах – они казались другими. Свободными. Дерзкими. Настоящими. В этих ребятах было что-то особенное. Они не боялись отличаться, смеялись в лицо всему «нормальному». И Тимоха до боли хотел стать таким же. Необычным. Не «как все». Выделиться. Быть кем-то.

Он внимательно присматривался, пытался понять, как они говорят, что слушают, как двигаются, что носят. Словно собирал по крупицам их образ – и старался повторить. Менял походку, почерк, придумывал себе несуществующую жизнь. Словно примерял на себя чужую кожу – в надежде, что она вдруг станет своей. Он очень хотел попасть в эту компанию. Быть принятым.

Именно в той самой компании, за которой Тимоха так отчаянно пытался угнаться, и был Богдан – тот самый, теперь уже постаревший бас-гитарист, стоящий с ним плечом к плечу на сцене клуба. У них была своя группа – шумная, известная в городе. Они выступали в «Космополитене» – культовом клубе для тех, кто жил вне правил. Это место казалось настоящим храмом непохожести, мифом, где царила свобода быть собой.

Для Тимохи «Космополитен» был почти легендой. Он ни разу туда не попал, даже толком не знал, где он находится, но всем уверенно рассказывал, будто бывал там не один раз. Придумывал концерты, описывал сцены, которых никогда не видел. Он не врал ради лжи – он врал ради причастности. Ради ощущения, что он –

внутри. Так сильно хотелось быть частью этой жизни, что ложь стала его паспортом в чужой мир.

Постепенно он и правда оказался в этой тусовке. Узнавал новые группы, менял вкус, слушал ту музыку, которую раньше даже не замечал. Менялся не только слух – менялся стиль, язык, поведение. Он отрастил волосы, купил чёрную байку, проколол ухо, начал пить. Это было как обряд инициации – входной билет в жизнь «не как у всех». В эту дверь нельзя было войти трезвым – надо было бухать, иначе ты был чужой. Чтобы стать своим, приходилось принимать условия игры.

Когда родители уезжали на дачу, Тимоха звал к себе всю компанию. И два дня подряд квартира превращалась в настоящий притон: двадцать, тридцать человек – кто спал на полу, кто курил в родительской постели, кто блевал на ковёр. А потом родители возвращались – и Тимоха отгребал. Но внутри он был по-своему счастлив. Потому что был частью этого мира. Не выдуманного – настоящего. Мира, где боль, свобода и перемены шли рука об руку. Где музыка гремела до звона в ушах, а внутренний голос впервые замолкал.

Но попасть в самую группу Тимоха так и не смог. Причина была проста и, увы, объективна: он не умел играть ни на одном инструменте, не обладал ни голосом, ни слухом, ни чувством ритма. Про него можно было сказать – «медведь наступил на ухо», – и это было бы даже мягко. Он не мог принести группе никакой пользы: ни за барабаны его не посадишь, ни с маракасами не выпустишь.

Но кое-что у него всё же получалось. Тимоха писал стихи – и, надо сказать, порой довольно неплохие. Эти тексты могли бы лечь в основу песен. На том и договорились: формально его записали в состав группы как Тимыч Текст. Так его и называли – с полупризрачным уважением, будто за кулисами: не музыкант, но и не чужой. Правда, ни одной песни на его стихи так и не было написано, ни одной строчки не прозвучало со сцены. Но Тимоху это не сильно огорчало. Даже эта условная роль второго плана грела его. Он был причастен. Чувствовал себя частью чего-то большего. И этого тогда было достаточно.

Но внутри всё равно горело. Хотелось творить, реализовывать себя, кричать в мир хоть чем-то, что звучало бы как: «я есть». Тогда они с Витей – лучшим школьным другом, который неплохо играл

на гитаре, – начали сочинять песни. По простому, без студий, под одну гитару. Вместо ударной установки – пластиковый таз и пара старых подушек. Больше и не нужно было. Они писали музыку на ходу, не думая, как это выглядит со стороны. Всё было импровизацией – бешеной, безумной, искренней. Весёлые, мрачные, философские, идиотские – песни рождались одна за другой.

Они записывали всё на кассетный магнитофон, живую, в один дубль. Без шансов на повтор. Результат? Пятьдесят четыре альбома. Более четырёхсот песен. Каждый альбом – с обложкой, названием, списком треков и текстами. Всё фиксировалось вручную в большую амбарную тетрадь. Она стала летописью их юности, их порыва выразить себя – пусть даже в таком виде. Никто этого не слышал, кроме них. Но это и не было важно. Они творили.

Чуть позже, когда в жизнь Тимохи вошёл героин, музыка всё равно не ушла. Она осталась где-то внутри – не как хобби, не как путь, а как слабое, но упрямое напоминание о том, кем он мог бы быть. С Витей они повзрослели, жизнь изменилась. Наступили нулевые, и вместе с ними в их мир вошёл рэп – новый звук, новая культура, новый шанс.

Тимоха, который никогда не умел петь, начал учиться читать. Его тексты наконец обрели форму – в речитативе, в битах, в злых и честных строчках, выдыхавшихся прямо из нутра. И снова они писали – уже не на магнитофон, а на старый компьютер со звуковой картой и игровым микрофоном. Сэмплы, живая гитара, эффекты – почти настоящая студия. Почти настоящая музыка.

Они записали два альбома. Реальных. Треки расходились по друзьям, копировались на болванки, заучивались наизусть. Некоторые песни звучали на каждой встрече общих знакомых – и это было признание. Пусть небольшое, но тёплое, настоящее.

Но дальше этого дело не пошло. Наркотики окончательно забрали Тимоху. Увели от Вити, от музыки, от жизни. И всё, что осталось, – это строчки на бумаге, выдохнутые в микрофон слова и то далёкое чувство, что когда-то он почти дотянулся до чего-то важного. Почти.

Иногда, в хлам убитый, с мутным взглядом и подрагивающей рукой, Тимоха тянулся к ручке и листку бумаги. Он не мог говорить – язык прилипал к небу. Не мог думать – мысли текли, как грязь по сточной трубе. Но рука сама выводила на листе: обложка

альбома, названия несуществующих песен, логотип вымышленной группы. Он мечтал. По-настоящему. Мечтал, что когда-нибудь соберётся, очнётся, встанет – и всё это запишет. Вытащит из себя всё, что накопилось, и обернёт это в музыку. В жизнь.

Но потом лист слипался в дрожащих пальцах, мокрел от слюны, капавшей с его рта, – и летел в мусорное ведро. Туда же, куда улетали его мечты.

Героин забирал всё.

Даже самое важное.

Даже самое любимое.

А у этого Тимохи получилось.

– «И путь на вершину окажется труден,

Ведь солнце свободы уходит в закат...»

30 секунд.

Тимоха вглядывался в толпу, стоящую у сцены.

Люди повторяли каждое слово за Павлухой.

Не просто повторяли – пели, как мантру, как молитву, как нечто своё личное.

Они верили в каждую строчку.

Жили этой песней.

И Тимоха знал: эту песню написал он.

Он сам.

В один из тех вечеров, когда небо казалось пустым, а сердце – переполненным.

И вдруг – инсайт. Прозрение.

Пульс сбился, будто сердце запнулось на ходу.

Он узнал место.

Он узнал клуб.

Этого просто не могло быть.

Но это был он.

Тот самый.

Легендарный «Реактор».

Клуб, имя которого звучало как заклинание в конце девяностых и нулевых.

Клуб, где гремели самые громкие рейвы.

Где выступали лучшие группы.

Где происходили настоящие чудеса для тех, кто жил музыкой.

Тимоху с этим клубом связывало многое.

Слишком многое.

Безумные ночные танцы под амфетамином.

Потные футболки, грохочущая музыка, вспышки света, широкие зрачки.

Драки в прокуренных туалетах, запах крови и дешёвого парфюма.

Смех, слёзы, забытые в гардеробе куртки и поцелуи с незнакомыми девчонками под утреннее дыхание музыки.

Но был один момент, один вечер, который он пронёс сквозь годы.

Именно здесь, именно в «Реакторе», когда на сцене выступала его любимая группа – «Многоточие», – он загадал желание.

Он стоял в зале, замирая от каждого слова, звучащего из колонок.

Свет софитов, струящийся сквозь сигаретный дым, словно двигал пространство между ним и сценой.

Он смотрел, раскрыв глаза, ловя каждое движение, каждую ноту, будто боялся упустить хоть каплю.

И тогда сказал себе:

«Я окажусь на этой сцене. Не знаю как, не знаю когда... но окажусь. Обязательно окажусь».

– «Мы прежними больше не станем...

Нам больно там, куда нас рванят...»

В голосе Павлухи изменилось всё.

Припев.

Напор.

Надрыв.

Словно вместе с голосом из его груди вырывались годы боли и правды.

Свет в зале погас.

Огоньки телефонов вспыхнули в темноте, как созвездия судеб.

Они стали ярче, чем прежде.

Ярче, чем можно было представить.

Время... замедлилось.

Секунды растянулись.

Мир начал двигаться в замедленной съёмке.

Каждая деталь – как под лупой.

Каждое движение – как в танце с вечностью.

Тимоха стоял на сцене.

На той самой сцене, о которой когда-то только мечтал.

И вселенная, затаив дыхание, позволяла ему прожить этот момент до конца.

20 секунд.

Есть чувства, которым трудно подобрать слова.

Они не описываются напрямую – живут глубже, где-то между дыханием и пульсом, там, где уже не мысли, а чистая суть.

Это то, что рождается внутри, когда ты стоишь на самой финишной прямой своих сокровенных желаний и понимаешь: ты дошёл.

Как альпинист, который много раз пытался покорить Эверест.

Он готовился, шёл, страдал – и каждый раз что-то ломалось.

Сначала подводило тело – подкрадывалась горная болезнь.

Потом природа вставала на пути – налетал внезапный циклон.

А в другой раз просто заканчивался кислород – и приходилось отступать.

Но на шестой попытке он всё же смог.

Встал на вершине.

Один.

Где под ногами облака, над головой только небо, а внутри – рёв, не имеющий ничего общего с гордостью или радостью.

Это чувство было иным: оно разрывало грудную клетку изнутри, потому что происходящее казалось невозможным – и именно поэтому настоящим.

Вот так сейчас чувствовал себя Тимоха.

Он стоял на сцене.

Перед ним пульсировала толпа.

В лицо били прожекторы.

В ушах звучала песня – его песня.

И весь этот момент будто заполнял собой каждую клетку.

Это не была иллюзия.

Это был он.

Он, который выжил.

Он, который дошёл.

Он, которому судьба, несмотря ни на что, позволила оказаться здесь.

У него не было в руках ледоруба, но была музыка, которую он нёс в себе всю жизнь.

Он не преодолевал лавины и ледники, но прошёл через куда более тёмные завалы – годы боли, сомнений и саморазрушения.

И сейчас, стоя на сцене клуба, который когда-то был его мечтой, он знал: это и есть вершина.

Его Эверест.

Его момент.

И он на нём стоит.

15 секунд.

– «И мыслями, чужими словами

Назад уже нас не вернуть...»

Нет, это был не «Олимпийский».

Не многотысячный фестиваль под открытым небом.

Не гигантская арена «Лужников» с морем голов и эхом в арках стадиона.

Но то, что окружало его сейчас, стоило дороже всех этих площадок вместе взятых.

Здесь, в этом клубе, в этом пространстве, где звуки вибрировали под кожей, а свет бил прямо в сердце, всё имело особую цену.

Для Тимохи, которому оставалось жить всего пять минут, это было не просто концерт или выступление – это было откровение.

Подарок.

Минута, проведённая в мечте.

Теперь он знал: где-то, в другой ветке реальности, он жив.

Он свободен.

И смог дойти сюда.

На сцену.

В мечту.

И сейчас, стоя на этой сцене, ощущая жар ламп и пульс толпы, он чувствовал всё сразу: гордость, благодарность, зависть к самому себе – и боль того, что у него самого это не вышло.

Как же хотелось, чтобы время не просто замедлилось, а остановилось.

Чтобы застыть внутри этого момента.

Впитать его до последней капли.

Чтобы успеть – не просто увидеть, а прожить.

10 секунд.

– «Мы прежними больше не станем...

Нам больно там, куда нас рванят...»

Припев врывается в зал, как стон сотен душ.

Павлуха пел с надрывом, выжимая из каждой строчки весь смысл.

Тимоха сделал шаг в сторону и положил руку ему на плечо.

Не потому, что так мечтал.

Не потому, что когда-то хотел стоять рядом именно с ним.

А потому, что в этой точке сошлось всё – боль, пройденный путь и ответ.

Он поднял руку с микрофоном.

И продолжил вместе с другом:

– «И мыслями, чужими словами

Назад уже нас не вернуть...»

5 секунд.

Он знал, что не умеет петь.

Знал, что не попадал в ноты.

Но это не имело значения.

Музыка не требовала совершенства.

Она принимала искренность.

И Тимоха был искренен.

До кончиков пальцев.

До боли в горле.

До слёз, которые он уже не сдерживал.

Эта сцена. Эти люди внизу. Эти слова, рождённые когда-то в его сердце, а теперь жившие в сотнях чужих голосов, – всё это было правдой.

Всё это было его.

3 секунды.

Он раскинул руки в стороны, запрокинул голову и закричал в зал:

– Спасибо!

Вспышка.

Яркий свет.

И – темнота.

Концерт окончен.

Пора домой.

ГЛАВА 11

“МЕЧТА”

– Знаешь, – сказал Тимоха, – я испытал нечто странное. Там, на сцене, в теле того Тимохи... Это было новое, знакомое мне чувство. Чувство свободы.

Он стоял возле камина и смотрел на пламя, как будто пытался найти в нём отражение своих мыслей. Сет присел рядом, на корточки, и молча гладил Януса за ухом. Пёс прикрыл глаза, словно тоже понимал, что сейчас звучат важные слова гостя Комнаты.

– Я никогда не знал, что такое свобода. То есть мне казалось, что знал. Но это было заблуждение, – продолжил Тимоха, не отрывая взгляда от огня. – Настоящая свобода... Она пришла внезапно. Там, на сцене. В рёве колонок, во вспышках света, в этом диком, распирающем грудь адреналине и чувстве страха. Но в этом же – во всём этом – было что-то другое. Яркое. Чистое. Невероятное.

Он замолчал на секунду, как будто ещё раз проживал то мгновение.

– Это был вкус свободы. Настоящей. Такой, которой у меня никогда не было. Даже в мечтах.

Тимоха за время, проведённое в Комнате с Сетом, стал немного раскованнее. Исчезла скованность, которая преследовала его в самом начале. Сет не стал ближе – он по-прежнему оставался загадочной, почти божественной фигурой, но трепет перед ним улетучился. Теперь это было похоже на диалог с кем-то, кто знает слишком много и слишком глубоко, но больше не пугает.

Огонь в камине вспыхнул чуть ярче, словно кто-то незаметно подул в поленья. Тени заиграли на стенах, и в их пульсации было что-то живое, похожее на дыхание.

– Очень тяжело смотреть на себя... другого, – проговорил Тимоха, не отрывая взгляда от пламени. – На того, в ком есть жизнь. Настоящая, наполненная.

Он замолчал на мгновение, будто примеряя на себя чужую судьбу.

– Я всё думаю, что же нужно было сделать мне, чтобы получилось так же? – продолжил он, уже не ожидая ответа. – Где я свернул не туда? В какой момент стоило сказать «нет»? Или всё было уже предпрешено?

В его голосе не было ни злости, ни отчаяния. Только странная, обволакивающая грусть – та, что появляется, когда стоишь у дверей, ведущих в жизнь, которую никогда не проживёшь.

– У тебя осталось ровно половина времени твоей жизни. Пять минут из десяти, – произнёс Сет негромко, будто вслух пересчитал оставшиеся двери.

Он говорил спокойно, но в его голосе проскальзывало что-то большее, чем просто констатация – словно за словами скрывалось важное напоминание.

– Но как много ты уже увидел... Как много попытался изменить. Скольких ты встретил... – Сет повернулся к Тимохе и слегка улыбнулся. – А впереди ещё больше. Намного больше.

Он наклонился к Янусу, обхватил его мощную морду ладонями и нежно поцеловал пса в нос:

– Да, Янус?

Пёс не шелохнулся. Только глаза – один тёплый, другой холодный – блеснули в свете пламени.

Тимоха задумался. Действительно – половина времени уже прошла. Пять минут. Какими они были насыщенными, какими глубокими. Он прожил их, как целую жизнь – с откровениями, болью, радостью, любовью и надеждой. И теперь оставалась вторая половина... Но что в ней?

Тяжёлое прошлое и вдохновляющее будущее? И то и другое было для Тимохи тяжёлым испытанием. Невозможность что-то изменить и наблюдать то, чего не смог достичь. На минуту – жить чужую жизнь.

А когда закончатся все минуты – вечное пребывание здесь, в этой Комнате. В компании загадочного Сета, рядом с Янусом, под треск камина и бесконечные разговоры о мирах и судьбах?

Или новая жизнь – неведомая, полная новых решений и новых ошибок? Та, где он ничего не вспомнит. Ни музыки, ни любви, ни боли, ни тех людей, которых встретил в своей жизни. Ни даже Сета.

Новая судьба, которая уже где-то ждала его. Кто он там будет? Ребёнок, ещё не родившийся? Художник, безумец, святой? Или снова наркоман, идущий по краю своей жизни?

Тимоха вздохнул. Мысль об этом щекотала изнутри. Пугала и манила.

Он опустил взгляд в пламя.

Сет молчал. Он ждал вопрос. Но вопроса не было.

В комнате повисла тишина. Не гнетущая – мягкая, обволакивающая, как старое бабушкино одеяло. Только редкое сопение Януса, которого Сет продолжал гладить за ухом, едва нарушало её покой.

Тимоха продолжал смотреть в огонь. Его глаза отражали пламя, но мысли были глубже жара. И вдруг он понял – эта тишина не требует слов. Она требует честности. Просто честности. Перед собой. Перед этим загадочным существом, сидящим рядом. Перед тем самым мальчишкой внутри, который когда-то просто мечтал.

– Я с самого детства мечтал, – начал Тимоха, не отрывая взгляда от огня. Его голос прозвучал неожиданно спокойно. – Почти каждая минута моей жизни проходила в мечтах и фантазиях. Когда я читал книгу – я хотел быть её героем. Когда смотрел фильм – представлял себя в его декорациях. Я не просто примерял на себя роли – я жил в них. Потому что... я никогда не хотел быть собой.

Он на мгновение замолчал. Ни Сет, ни Янус не двигались. Только пламя потрескивало, поддерживая исповедь.

– Мечты были моим укрытием. Побегом от серости дней, от боли, от одиночества. От того, что я видел в зеркале. В мечтах я был красивым. Сильным. Счастливым.

Он сделал вдох, как будто набирался смелости сказать главное.

– Когда мне было шесть, – тихо начал Тимоха, – я мечтал, что домой вернётся папа.

Он не посмотрел на Сета, просто продолжал глядеть в огонь. Янус чуть шевельнулся у ног, но снова улёгся, положив морду на лапы.

– Я не понимал, почему он ушёл. Что случилось между ним и мамой? Почему вдруг стало как-то... пусто. Если честно, я почти не помню его из того времени, когда он ещё жил с нами. Кроме одного момента...

Он замолчал, будто прокручивал этот эпизод в голове, и заговорил снова, чуть тише:

– Мы ехали в троллейбусе. Я тогда забыл на сиденье своего самого любимого солдатика – зелёного, пластикового, с обгрызенным штыком. А он... он поймал такси и поехал догонять этот троллейбус. Я не знаю, догнал ли. Не помню, вернул ли он солдатика. Но помню, что тогда он казался мне героем.

Тимоха криво улыбнулся, но в этой улыбке была не радость, а усталость.

– Вот и всё. Больше ничего. Жизнь стёрла память. Или, может, и не было остального.

Он немного ссутулился, будто почувствовал на плечах вес чего-то старого, давно несказанного.

– Но я помню, как ждал. Ждал, что однажды он просто войдёт в дверь – с сумкой, с улыбкой, как будто ничего не случилось. Что он вернётся в семью, и всё станет как у других... Папа дома. Мама улыбается. Мы с сестрой не одни.

Он выдохнул.

– Странно, да? – тихо сказал Тимоха. – Ждать того, кого почти не помнишь.

Он вздохнул. Не телом – душой. Так, как вздыхают не воздухом, а всем, что внутри.

Сет молчал. Всё так же спокойно сидел у камина, продолжая гладить Януса за ухом. Он не перебивал. Он слышал – по-настоящему. Не ушами, а вниманием. Не разумом – а сердцем.

– Он приезжал сначала раз в неделю, по выходным. Потом – раз в месяц. Потом – раз в полгода. Пока была жива бабушка, он ещё появлялся в моей жизни, будто она держала этот мост между нами. А когда её не стало – мост исчез. Остались только два звонка в год: на день рождения и на Новый год.

Он говорил спокойно, без обиды, но каждое слово звучало так, словно он вытаскивал его из глубины груди.

Сет слушал, не поднимая глаз. Янус тихо засопел у него на коленях. В комнате по-прежнему царил тишина, которую не хотелось нарушать – ни словами, ни дыханием.

– А потом мои мечты стали материальными, – продолжил Тимоха, чуть улыбаясь уголком губ. – Я мечтал о синих варёных джинсах «Мальвина». Помнишь такие? У всех были – у кого родители ездили в Польшу на закупы. А у меня – нет. Так они у меня и не появились.

Он замолчал на пару секунд, вспоминая.

– Я мечтал о зелёном пуховике. О приставке «Денди». Восьмибитной. Мечтал – как будто это были двери в другой мир, где всё лучше, теплее, счастливее. Где я – свой. Где я – не хуже.

Он опустил глаза.

– Я мечтал... но чуда не происходило. Всё оставалось так же. Всё это – одежда, игрушки, модные штуки – оставалось только в моей голове.

Тимоха слегка пожал плечами – почти извиняясь. Как будто перед собой.

– Хотя знаешь... приставка у меня всё-таки появилась, – вдруг усмехнулся Тимоха. – Я сам себе её подарил.

Он замолчал, глядя в огонь. Пламя чуть треснуло, будто отозвалось.

– Украл из маминой сумки деньги. Не пару купюр, не случайную мелочь – нет. Полноценную сумму. Помню, сердце вылетало из груди, а в ушах гудело, будто я выношу Мону Лизу из Лувра. Моё первое воровство. Утром, вместо школы, я сел в троллейбус и поехал на рынок. Туда, где продавались «Денди». И купил её. Сам. Маленькая коробка с пластмассовыми джойстиками показалась мне чем-то невероятным. Как будто в руках был билет в другой мир – в спасение.

Он чуть наклонился вперёд, ближе к огню.

– Я думал, что она спасёт меня от одиночества.

Сет продолжал молча гладить Януса. Ни осуждения, ни удивления. Просто присутствие.

Тимоха грустно улынулся:

– Но, как это часто бывает... приставка появилась, а чудо – не произошло.

Тимоха отошёл от камина, сел на свой диванчик. Сет остался на месте, всё так же тихо сидя рядом с Янусом, лениво перебирая шерсть пса пальцами.

Огонь потрескивал, будто соглашался с мыслями, которым суждено было прозвучать.

– Только теперь... только сейчас начинают становиться понятными многие вещи, – тихо произнёс Тимоха, глядя в пол.

Он не смотрел на Сета. Говорил будто в пустоту – но искренне, впервые не стараясь казаться кем-то.

– Когда всё уже не имеет значения. Когда впереди – только пять последних минут.

В его голосе звучало сожаление. Тонкое, не обидное, не драматичное – а зрелое, почти светлое.

– Видимо, для этого и даны эти минуты. Чтобы осознать то, что не замечал в суете жизни. Пока жил, бежал, падал и снова вставал. Чтобы наконец услышать себя. И увидеть – не глазами, а сердцем.

Он замолчал.

Сет не ответил. Но в Комнате стало чуть теплее. Как будто огонь откликнулся, подбросив языки пламени чуть выше, ближе.

– А потом... я мечтал о большой жизни, – сказал Тимоха, не поднимая глаз. – Мечтал не просто жить, а быть кем-то. Стать чем-то значимым.

Он говорил просто, без эмоционального надрыва. В его голосе было что-то далёкое – как будто тень бывшего энтузиазма едва касалась языка.

– Я представлял, каким стану, когда закончу школу. Как буду учиться в университете. Как стану рок-звездой. Настоящей.

Буду ездить по всему миру. Видеть города, которые существовали для меня только на глянцевах страниц журналов и в фильмах, что крутили по телевизору.

Он слегка улыбнулся – грустно и искренне.

– Это были самые глобальные мечты в моей жизни. Самые яркие. Самые живые.

Так много, так сильно... я, наверное, уже больше никогда не мечтал.

Тимоха замолчал.

– А потом в мою жизнь пришёл героин, – произнёс он, не глядя ни на Сета, ни на Януса. – Он не просто появился. Он ворвался. Как будто всё это время шёл за мной по пятам, прятался за тёмными углами моих снов, терпеливо ждал. И в тот момент, когда он был нужнее всего, – вошёл.

Он глубоко вдохнул, словно снова ощутил тот запах – горький, липкий, почти как обещание.

– Он оказался тем самым лекарством, которое я искал всю жизнь. Все мои обиды, все попытки найти себя, весь страх, всю боль – он растворил в себе, как сахар в горячем чае. Всё ушло. Исчезло. Я вдруг стал тем, кем мечтал: без боли, без эмоций, смелым и уверенным. Будто то, что мешало мне жить, куда-то пропало, растворилось, перестало существовать.

Тимоха криво усмехнулся – улыбкой, в которой не было радости.

– Но это была иллюзия. Обман. Я думал, что стал сильным, а на самом деле – исчез. Не было ни свободы, ни уверенности. Была только пустота, сидевшая на игле. Пустота с чеком вместо сердца.

Он сделал паузу – тяжёлую, как воздух в закрытой комнате.

– Это было моё самое большое заблуждение. Моя самая большая ошибка в жизни. Я искал лекарство, а нашёл яд.

Огонь в камине снова треснул, но звук этот прозвучал как-то глухо, будто поглощённый теми словами, что Тимоха выговорил.

– Истинную свободу я почувствовал там, за той дверью, – тихо сказал Тимоха, глядя в пустоту Комнаты. – Когда оказался на сцене.

У того Тимохи было то, чего не было у меня никогда. Ни в детстве, ни в юности, ни потом, когда всё неслось под откос. Он знал свободу. Настоящую. Без оглядки на прошлое, без страха, без этой вечной липкой вины.

Не сцена, не группа, не свет софитов и даже не фанаты – всё это оказалось не главным. Я понял это только потом, уже вернувшись сюда, в Комнату. Только теперь дошло: свобода – вот что меня потрясло до глубины. Как будто я на мгновение стал собой... таким, каким всегда хотел быть, но никогда не был.

– СВОБОДА ЧЕРЕЗ ПРИНЯТИЕ.

Голос Сета разрезал тишину, как лезвие: мягко, но точно. Он наконец прервал долгий монолог Тимохи – не потому, что спешил ответить, а потому что именно сейчас было время сказать.

– Люди обретают свободу через принятие себя, – сказал он, продолжая гладить Януса, словно говорил не только Тимохе, но и псу, и огню, и самой Комнате. – Не через борьбу, не через бегство, не через героизм или одобрение других. А через принятие.

Он повернулся к Тимохе и чуть прищурился.

– Только что ты стал чуть свободнее. И ты сам это знаешь.

Тимоха кивнул. Он не спорил, не благодарил – просто кивнул. Впервые не потому что так надо, а потому что понял.

– Удивительно, – произнёс Тимоха, не отводя взгляда от пламени, – как наркотик забирает способность мечтать.

Он говорил тихо, но в этих словах не было слабости – только усталость прожитого.

– Он девальвирует фантазии... до чего-то примитивного. До дозняка. До схемы: как достать, где достать, у кого украсть. Даже мечты становятся такими... дешёвыми. Как будто они продаются в той же аптеке, что и инсулиновые шприцы.

Он замолчал на секунду и добавил:

– Забирая свободу – он забирает и мечты.

Сет не ответил сразу. Только Янус вскинул уши, словно уловил что-то важное.

– И мечтать становится страшно, – продолжил Тимоха, уже не глядя на огонь. – Потому что мечты – это ведь тоже ответственность. А когда ты в санях... ответственность – не твой конёк.

Он горько усмехнулся.

– Какой смысл мечтать о море, если на поездку нужны деньги? А деньги... – он пожал плечами, – деньги уходят не в копилку, а в руки барыги.

Зачем мечтать о машине, если свой старый автомобиль ты только что поменял на мешок мака?

Зачем мечтать вообще, если каждое утро начинается не с планов, а с мыслей – где замутить?

Он сделал паузу.

Тишина снова наполнила Комнату – уже не спокойная и уютная, а звенящая, будто оголённый нерв, будто тонкая струна, которую задела неловкая рука.

– Мечты... – тихо сказал Тимоха, – это для тех, кто ещё верит.

Сет не ответил. Он слушал. Не как судья, не как божество, а как тот, кто умеет молчать вместе с другим.

И вдруг Янус, всё это время лежавший у ног Сета, поднялся. Спокойно, не торопясь, он подошёл к Тимохе, мягко положил голову ему на колени и тяжело выдохнул, словно передал ему часть тишины.

Тимоха осторожно провёл ладонью по его тёплой шерсти.

И впервые за долгое время не чувствовал себя одиноким.

– А я потерял веру, – продолжил Тимоха. – У меня её, если честно, и не было особо. Но всё то малое, что оставалось, я растерял. Вера растворилась в ложке, как камень героина в кипящей воде. И вместе с ней ушла возможность мечтать.

У меня остались только иллюзии. Не мечты – иллюзии. Пони-маешь, Сет? Хочешь смешное? Я представлял, как поднимаюсь по пожарной лестнице своего подъезда, а на четвёртом этаже нахожу спортивную сумку. Внутри – пятьсот сорок тысяч долларов наличными и брикет героина с афганской вязью и цифрами «999». Вот это были мои «мечты».

Я знал, где эта сумка должна стоять. Я видел её глазами – цвет, форму, молнию. И периодически спускался на четвёртый этаж проверить: может, она действительно там? Может, сегодня? Я чув-

ствовал пальцами эти купюры, видел эти цифры. Ждал. Верил – но не в себя, не в жизнь, не в будущее. Верил в сумку с героином.

Тимоха вздохнул.

Он чувствовал себя в Комнате уже настолько спокойно, будто провёл здесь целую жизнь. И вдруг, сам удивившись своей расслабленности, сказал:

– Сет, а можно сигару? Я могу закурить?

Сет улыбнулся. Без слов подошёл к столику, заваленному старыми газетами и пожелтевшими листами с напечатанным текстом. Среди этого хаоса стояла добротная коробка из красного дерева. Сет открыл её, достал одну сигару и протянул Тимохе:

– Конечно. Держи.

Из внутреннего кармана своего тёмного пиджака он достал старую бензиновую «Зиппо», щёлкнул крышкой – пламя появилось с первого раза.

Тимоха закурил. С первой затяжкой закашлялся – резко, как в детстве. Потом выдохнул дым и, глядя в камин, продолжил:

– А когда-то у меня была мечта. Я хотел однажды стоять перед прибоем океана... закурить сигару... и смотреть на бескрайнюю водную гладь. Без мыслей, без переживаний. Просто стоять.

Он прикрыл глаза. В памяти всплыл серпантин где-то на побережье, кабриолет с опущенным верхом, ветер, развивающий волосы, и невероятной красоты блондинка, имя которой он так и не узнал. Лёгкий аромат её духов до сих пор жил где-то на границе воспоминания и вымысла.

– Но наркотики забрали у меня всё, – тихо сказал Тимоха, не отрывая взгляда от пламени.

– Жену. Сына. Родителей. Жизнь. Мою собственную жизнь.

Он говорил без эмоций – спокойно, как будто перечитывал список давно утраченных вещей. Но в голосе слышалась тяжесть, поднимающаяся из самых глубин.

– Я, тот самый Тимоха, который всегда хотел быть не таким, как все... необычным, ярким... В какой-то момент просто начал мечтать об обычной жизни. О простой, человеческой жизни.

С работой. С семьёй. С ужинами на кухне, с мокрым полом в ванной и разбросанными по полу детскими игрушками. С бытовыми заботами и настоящей любовью. С любовью, где можно быть слабым и нужным.

По щеке Тимохи скользнула слеза. Она блеснула в свете огня и исчезла где-то на скуле.

Сет подошёл ближе, положил ему руку на плечо. Не как Бог. Не как судья. Как человек.

– Это судьба, – сказал он тихо. – И, вполне возможно... очень хорошо, что она подходит к своему финалу.

– Последняя мечта... если её вообще можно так назвать... – Тимоха замолчал, глядя на огонь, будто пытался выловить из него образы. – Это была мысль о том, что я хочу увидеть по телевизору чемпионат мира по футболу. Тот, что должен был пройти через четыре года.

Он горько усмехнулся.

– Всего-то, да? Не слава, не сцена, не миллионы, не океаны – просто дожить до следующего большого футбола. Четыре лишних года. Но и эта мечта не сбылась.

Плечи его опустились.

– Я потратил всё время, которое мне дали. Да и украсть его уже было не у кого. Я обчистил все карманы – мамы, жены, отчима, друзей. Всех.

Голос Тимохи дрогнул, но он не заплакал. Слезы кончились раньше слов.

– Всё, что у меня осталось, – это пять минут, этот огонь и мои слова.

Сет смотрел на Тимоху с лёгкой полуулыбкой, стоя рядом. Он словно стал выше – не физически, а по ощущениям. Как будто что-то в нём отразилось светом, отражённым от огня и от слов, которые только что прозвучали.

Улыбка была не радостной, не утешительной – скорее, мудрой. Такой, какую допускают себе учителя, когда ученик вдруг понимает то, что всё это время было у него перед глазами.

– А о чём ты мечтаешь сейчас, Тимофей? – спросил Сет спокойно, будто задавал вопрос не человеку, а самой его душе.

Вопрос повис в воздухе, как перо птицы в замедленном падении.

И от него стало тихо. По-настоящему тихо.

– Сначала я хотел как можно быстрее пройти двери, стереть память и начать жить заново, – сказал Тимоха, глядя в огонь. Его голос звучал тише, чем раньше, будто он говорил не Сету, а самому

себе. – Но после того, что я увидел... после того, как встретил на мгновение свою маму... я больше не хочу спешить. Я хочу растянуть эти последние минуты. Хочу видеть, что будет дальше. И самое главное – пытаться что-то поменять. Может быть, именно это мгновение и станет тем самым, когда наконец получится.

Сет усмехнулся. Он положил руку на спинку кресла, но не сдвинулся.

– Значит, ты начал понимать, – сказал он негромко, будто опасаясь потревожить Януса, всё ещё лежащего у ног Тимохи. – Не всё надо проживать ради начала. Иногда самое важное – это конец. То, что ты делаешь сейчас. Последние мгновения – они всегда более чистые. В них нет надежды. Нет страха. Только правда.

Он замолчал, дал Тимохе время. И уже тише, почти шёпотом, добавил:

– Ты готов идти дальше?

Тимоха ничего не ответил. Только взял сигару, ещё раз затянулся и выдохнул в потолок плотный дым. Он уловил странное спокойствие – не апатию, а именно покой. Словно принял, что конец – это не всегда поражение. Что не всегда надо бежать в новую жизнь, стирая память. Иногда важнее – помнить всё. Даже если это больно. Даже если это невозможно унести с собой.

– А что, если я не хочу забывать? – наконец сказал он. – Что, если мне важно не уйти, а завершить?

Сет посмотрел на него с лёгкой грустью и... уважением.

– Тогда, Тимофей, ты впервые мечтаешь осознанно.

ГЛАВА 12

“ШЕСТАЯ МИНУТА”

Прошное.

Тимоха знал – именно туда он попадёт.

Он не мог объяснить, откуда пришло это чувство, но оно было ясным, как утренний летний рассвет.

Когда дверь начала открываться перед ним, он не удивился ни на мгновение. Всё было так, как должно. Янус, будто уловив внутренний настрой, выбрал именно эту дверь – дверь в прошлое. Вопрос оставался один: куда именно в прошлом? Но это уже не имело прежней важности.

Тимоха точно был уверен: это будет определяющая минута. Потому что если вспомнить его последние пятнадцать лет – каждая минута была именно такой.

Решающей.

Последней.

Или могущей ею стать.

Небольшая исповедь перед Сетом сделала Тимоху немного свободнее. Словно кровь стала чище, а мысли – глубже, яснее, объёмнее. Он чувствовал, как невидимые оковы внутри него начали ослабевать.

Беседа продолжалась ещё несколько часов. Сет больше не был только молчаливым свидетелем. Он слушал – по-прежнему внимательно, но теперь и говорил. Иногда – строго, иногда – мягко, но всегда по-отечески. В его словах не было осуждения – лишь сострадание и желание помочь. Он не лечил Тимоху. Он помогал ему понять всё самому.

Сет всё больше и больше располагал к себе Тимоху. Тимохе казалось, что он разговаривает не с вселенской сущностью, а с героем Джорджа Клуни – таким, каким тот был в «От заката до рассвета»: обаятельным, харизматичным, с налётом спокойного цинизма и юмора.

Эта ассоциация была такой яркой, что воображение тут же дорисовало сцену: из тёмных углов Комнаты вот-вот полезут вампирские отродья, и он с Сетом, не раздумывая, вырвут из журнального столика деревянные ножки и начнут протыкать ими мягкие тела

тварей, отбиваясь в лучах пламени камина. Картина была абсурдной, почти комичной – но почему-то душевной и тёплой.

И в этой странной теплоте пряталась истина: рядом с Сетом Тимохе становилось по-настоящему спокойно. У него появлялось чувство, которого не хватало всю жизнь, – ощущение, что тебя понимают.

В какой-то момент Тимоха поймал себя на мысли: а что, если... остаться? Не переродиться, не стирать память – а просто остаться здесь, рядом с Сетом.

Его не тянуло к покою, как к финалу. Ему хотелось говорить. Бесконечно. Обсудить всё, что когда-либо волновало обычного земного человека: устройство мироздания, суть добра и зла, природу времени, путешествие душ, карму и вероятности судеб. Всё, что пряталось между строк великих книг, что чувствовалось в момент боли и не объяснялось логикой. Всё, что хотелось узнать – наконец-то, по-настоящему.

Сет мог стать для него не просто собеседником. Он был живой большой советской энциклопедией. Не просто толстой книгой в десятках томов, а настоящим источником ответов на сокровенные, интимные, вечные вопросы. Он знал то, о чём люди молчали. То, что пытались прочувствовать сквозь религии, откровения и войны.

И если время Тимохи на земле подходило к концу – куда спешить? Разве не в этом был смысл? В том, чтобы, когда все «потом» исчезают, остаться и, наконец, задать всё то, что так долго носил в себе. Без страха. Без суеты. Без необходимости притворяться живым.

Но впереди оставалось ещё пять минут.

Ровно половина пути.

Пять минут, в которые можно было вложить смысл.

Пять минут, за которые, возможно, ещё можно было что-то изменить.

Или хотя бы – увидеть.

Увидеть ту жизнь, которая могла бы стать его, если бы когда-то он выбрал иначе. Сделал шаг в другую сторону. Сказал «нет», когда говорил «да», или удержался, когда тянуло вниз.

Тимоха шагнул вперёд – навстречу неизвестности, которая всего через несколько мгновений обернётся чем-то знакомым. Прожитым. Но не забытым. Такую жизнь не забывают.

Колодец.

Лица.

Картинки прошлого листались перед глазами.

Карусель событий, в которой он крутился годами.

Да, такое не забывается.

Тимоха понял мгновенно: эта минута – как ожог сигаретного окурка на коже души. Он знал её. Узнал с первого вдоха, с первой тени на стене, с первого удара сердца. Всё было знакомо: тусклый свет, запах вечерней зимней прохлады, тишина перед бурей.

Он знал, что это за вечер.

Что за месяц.

Что за год.

Он помнил именно запах – едва уловимый, с примесью детского крема, дешёвого освежителя воздуха и чего-то домашнего, уютного, но тревожного.

Эта сцена была выжжена в памяти. Словно закопчённая икона прошлого.

59 секунд.

Тимоха оказался в комнате. Та самая квартира – у тёщи. В ней они тогда и жили: он, его бывшая жена и их двухлетний сын. Жильё было временным, но в какой-то момент стало казаться навсегда. Тесть с тёщей уехали в долгую командировку за границу, и вся квартира принадлежала им – семье, в которой уже тогда росла трещина: может, незаметная снаружи, но гигантская внутри.

Справа от окна, вдоль стены, стоял большой голубой диван. Он был разложен, и на нём аккуратно расстелено постельное бельё – словно кто-то готовился к ночи, к отдыху, к обычной жизни, в которой есть место снам, а не только воспоминаниям.

У противоположной стены стояла детская кроватка. В ней спал Дима – ещё совсем маленький, двухлетний мальчик. Его лицо было спокойным, дыхание ровным, как у всех детей, которым пока неведома тяжесть взрослого мира.

Тимоха смотрел на сына – свою любовь, своё сердце, свою боль.

Боль, сжавшуюся комом в груди и разрывающую изнутри.

Боль утраты.

Утраты простого – общения, права быть рядом, слышать «папа», видеть, как он растёт, как меняется.

Эта боль не нуждалась в порезах на поверхности сердца – она сама была лезвием.

И вот он стоял здесь, в той самой комнате, где ещё всё было возможно, и они были вместе, где дыхание сына заполняло воздух надеждой. Но надежда тогда промолчала – и теперь звучала боль.

Тихо.

Колко.

Неотвратимо.

Но картину комнаты полностью меняло не это.

Не диван, не кровать, не игрушки, не запахи прошлой жизни – а то, что происходило у окна.

Створки были распахнуты настежь.

Ветер качал шторы, взъерошивал их, как рваную ткань флага, и с порывами врывается в комнату ледяным дыханием улицы. С каждым движением он будто хотел выдуть отсюда воздух, тепло, жизнь.

На подоконнике стоял Тимоха.

Он держался руками за стену над головой, словно за последнюю опору. Его пальцы впивались в штукатурку откоса, плечи дрожали, волосы трепал ветер. Перед ним зияла улица – тесная, глубокая, бесконечная.

Он собирался прыгнуть.

Всё внутри было сжато, стиснуто – до боли в зубах, до свиста в ушах. Комната за спиной дышала прошлым, а улица впереди – пустотой. Только холодный ветер разделял их, врываясь внутрь, пахнувший асфальтом, зимой, чужой жизнью.

И Тимоха стоял на границе этих двух миров – своей жизни и своей бездны.

56 секунд.

Тимоха, который был незримым наблюдателем, помнил всё, но не мог вмешаться.

Он знал эту сцену до боли, до последнего движения, до последней реплики.

Он помнил этот вечер по секундам. Помнил его холод и ту пустоту, что шла за ним следом.

Это был финал. Финал семейной жизни. Момент, который поставил жирную точку в его прошлом.

За полчаса до этой минуты события развивались с безумной

скоростью — как в кошмарном сне, где ты падаешь, но не можешь ни проснуться, ни ухватиться за реальность.

Тимоха уже находился в полной неуправляемости.

Наркотики и следы употребления давно захватили его дом. Баяны лежали повсюду, как детские «секретики»: под ванной, в туалете, за дверцей, что скрывала счётчики; в шкафах, в коробках старой обуви, в вещах. Он даже сам не помнил всех этих тайников.

Не помнил, что где спрятано.

Он шёл к своему концу, как сбитый самолёт, который ещё летит по инерции, но крыло уже оторвано, топливо вытекает, а пилот катапультировался.

Ничто не могло повлиять на его падение.

Ни жена.

Ни сын.

Ни работа.

Ни редкие вспышки совести.

Всё рушилось, как картонный дом, который он пытался выстроить на трясущемся столе.

За полчаса до этой минуты Тимоха заперся в тесном туалете. Воздух там был тяжёлым, пахнул сыростью и моющим средством. Он стоял, согнувшись, сжав в руке пакетик «зип-лок», в котором слиплось в небольшой комок бело-жёлтое содержимое. Руки тряслись так, что пальцы едва слушались. Судорожными движениями он пытался пересыпать порошок в ложку, но крупинки сыпались мимо, липли к пальцам.

Жажда кайфа душила его, как петля висельника. Дрожь проходила по телу волнами, в глазах плыло, стены шли кругами. Голова гудела, словно в ней заблудился рой ос. Всё внутри было сведено в одну точку — в эту ложку, в этот порошок, в этот короткий мостик к облегчению.

Он даже не думал о том, что за дверью — его жена, которая укладывает ребёнка спать. Для него это был не тормоз, а наоборот — облегчение.

Значит, она занята.

Значит, она не помешает.

Значит, можно.

Значит, никто не оторвёт его от этого укола, не вырвет кайф из его рук.

Тимоха действовал, как хищник, загнанный в угол собственной зависимостью. Всё свелось к этому мгновению, к этим дрожащим пальцам, к этому пакетику. Всё остальное – жена, сын, будущее – было как будто выключено. Осталась только эта жажда. Жажда кайфа.

Наконец всё оказалось в ложке. Содержимое пакетика, трясущимися руками пересыпанное с третьей попытки, лежало на дне слипшейся массой в форме головы Микки-Мауса.

Теперь начиналась самая сложная часть.

Тимоха, как эквилибрист, удерживая ложку с содержимым в одной руке, второй поднял крышку бачка унитаза, выбрал баяном воду – не глядя, на автомате, как ежедневный ритуал. Потом вылил воду в ложку.

Пальцы искали зажигалку. Щёлк. Щёлк. Наконец огонь вспыхнул – бледно-синий, дрожащий, как его собственные руки. Тимоха поднёс пламя к ложке. Содержимое начало медленно растворяться, превращаясь в суспензию мутного цвета. В этот миг он был сосредоточен до абсурда: только ложка, только огонь, только его дыхание.

Он не знал, что за дверью тоже происходило движение.

В соседней комнате его жена, уложив ребёнка спать, услышала тихий, едва различимый звук – характерный щелчок колесика зажигалки. Сначала один, потом другой. Её сердце сжалось. Она знала этот звук, знала, что он значит.

Тихо, как тень, босыми ногами ступая по линолеуму, она подошла к двери туалета. Замерла в сантиметрах от неё, задержав дыхание, чтобы не выдать себя ни шорохом, ни всхлипом.

Тимоха этого не знал.

Полпути пройдено.

Продолжая держать ложку одной рукой, он действовал отточенно, почти автоматически – как будто не он, а чужие руки профессионала делали всё это. Баян он зажал зубами, привычным движением достал из кармана домашних шорт крошечный кусочек ваты и бросил его в мутный, уже остывающий раствор. Вата на секунду задержалась на поверхности, потом ушла вниз. Тимоха выбрал из ложки содержимое, положил пустую ложку за унитаз – туда, где уже лежали другие, такие же забытые, как и он сам.

За дверью, в полутемноте коридора, жена приложила ухо к две-

ри. Её ладони дрожали, но дыхание стало тише – почти неслышным. Она вслушивалась в каждый звук изнутри: в слабое шипение огня, в скрежет металла о кафель, в еле уловимые движения. Её сердце билось так громко, что казалось – сейчас услышит он.

Тимоха этого не знал.

Усевшись на холодный ободок унитаза, он вытащил из шорт старую, перекрученную верёвку и ловко обмотал ею левую руку. Теперь нужна была снайперская точность.

Десять лет употребления – от любимого героина до грязного мака, сваренного в растворителе, – превратили его вены в пустые, забитые, едва живые высохшие реки. Их почти не осталось. Кожа на руках была изранена следами сотен уколов, бледными пятнами сросшихся шрамов, синяками, которые никогда не успевали исчезнуть. Тимоха пытался прятать их наклеенными пластырями, а иногда просто бинтовал руку.

Каждая новая попытка найти точку входа превращалась в лотерею, где ставка – весь оставшийся день.

Он смотрел на свою руку, на пережатую верёвкой кожу, на поиски той самой тонкой жилки, которая ещё пульсировала под поверхностью тела.

Пальцы подрагивали – не от страха, а от предвкушения.

В ушах гудело, в глазах плыло.

И всё же он продолжал – привычным движением, как боец, достающий последний патрон.

Попытка.

Ещё попытка.

Игла скользила по коже, оставляя следы проникновения. По руке тонкими ручейками потекла кровь – свежая, горячая. Она смешивалась с пятнами старых уколов, с потемневшими синяками, с остатками совести и стыда.

Тимоха даже не пытался её остановить или вытереть.

Сейчас это было неважно.

Главное – доставить содержимое баяна в тело.

Его пальцы дрожали, взгляд прыгал.

Пот катился по вискам и падал с подбородка на холодный кафель, где уже лежали мелкие капли крови, превращая пол в карту его личного Ватерлоо.

И вот – удача.

Игла наконец попала.

В шприц прыгнула бурая струйка контроля – знак победы. «Есть», – пронеслось в голове. Всё тело напряглось, потом обмякло. Пот катился всё сильнее, руки теряли чувствительность, но он не останавливался. «Есть. Победа».

И именно в этот момент дверь распахнулась.

С глухим ударом о стену, как выстрел в тишине.

На пороге стояла жена.

Её глаза были расширены от ужаса, словно она увидела не мужа, а чудовище из своих самых глубоких кошмаров.

Она смотрела на происходящее с диким смешением чувств – гнева, отвращения, жалости, бессилия.

Её губы дрогнули, но слова не вышли.

Тимоха остался сидеть на ободке унитаза – со шприцем в руке, с каплями крови и пота на теле.

Всё было сказано без слов.

Это был конец.

Жена стояла на пороге, не двигаясь. Её взгляд вцепился в глаза Тимохи, а его – в неё. Время застыло, как стоп-кадр фильма ужасов, в котором сценарием была их жизнь.

Сидящий на унитазе, с кровью на руках, со шприцем в вене, – муж.

И жена, которая пытается дёрнуть стоп-кран этого несущегося в бездну поезда.

В её глазах был только один вопрос.

Не сказанный вслух, но кричащий сильнее любого крика: мы – или это?

Семья – или содержимое шприца? Сын – или мутный раствор, смешанный с кровью?

Тимоха смотрел на жену, и в нём было всё сразу: вина, стыд, жалость, обречённость. Он понимал, что не может остановить эту сцену и отмотать её назад. Понимал, что этот момент – финальная точка, из которой уже не будет возврата.

Ему было невероятно больно.

Не только телу, ломимому кумарами, – болела душа.

Ответ был очевиден. Гораздо раньше, чем он успел бы его произнести.

Тимоха нажал на поршень баяна.

То, в чём он нуждался больше всего, медленно начало расплываться по его телу.

Сначала – тёплая волна.

Потом – спокойствие.

И следом – пустота.

Как будто в замедленной съёмке он видел её – жену.

Она стояла в дверях, и рот её был открыт в крике. Лицо перекошено, руки сжаты в кулаки, глаза полны ужаса. Она что-то кричала, рвала воздух, била ладонями по косяку, но Тимоха не слышал ни звука. Голос её превращался в глухой гул, уходил в пустоту.

Внутри уже бушевала другая тишина – вязкая, липкая, со вкусом жжёного сахара.

Ему было плевать.

По-настоящему.

Он сделал свой выбор.

Не сейчас – давно.

Здесь лишь финал.

Тимоха встал с унитаза. Движения были странно плавными, отрешёнными, словно он шёл по воде. Молча прошёл мимо жены, не глядя ей в глаза. Её крик, её слёзы, её боль – всё отлетало от него, как от каменной стены. Он шёл по инерции, как человек, который перестал бороться.

На кухне он опустился на стул, упёр локти в колени, уставился в столешницу, не видя её.

В туалете за его спиной осталась сцена проигранной битвы: брошенный на пол шнурок, пятна крови, упавшая зажигалка.

Всё это выглядело как поле после штурма – следы войны, в которой никто не победил.

Всё было кончено.

54 секунды.

Тимоха стоял на подоконнике. За распахнутым окном дышала ночная улица – пустая, морозная, тёмная. Ветер врвался в комнату резкими порывами, холодил кожу, бил по щекам. Снизу зияла пропасть этажей.

Сначала это был спектакль. Манипуляция. Старая, отработанная схема: вызвать жалость, выбить прощение. Абсолютно рабочая схема, которая прокатывалась всегда. Сделать так, чтобы тебя жалели, чтобы плакали, простили, обняли.

А потом – всё по новой. Новый круг, новые клятвы, новые падения.

Но в этот раз что-то пошло иначе. В процессе привычного театра в голову Тимохи внезапно пришла мысль – просто сделать этот шаг.

Шаг – не для манипуляции, а по-настоящему. Вниз. В пропасть этажей. В холодную пустоту.

И эта мысль показалась ему вдруг не страшной, а... решением. Выходом.

Выходом.

Не из дьявольского лабиринта, в который он сам себя загнал за эти годы. Нет. А лишь из сегодняшней ситуации – из этого кольца упрёков, истерик и бессилия.

Тимоха был уверен: он не разобьётся.

Кайф, растёкшийся по телу, как жидкий яд, шептал прямо в мозг – тихо, убедительно, как дьявольский адвокат:

«Ничего не произойдёт. Ты просто всем им докажешь, кто ты есть. Докажешь, что ты сильнее. Что ты выше их жалости».

Он не контролировал эти мысли.

Они контролировали его.

В этот момент ему казалось, что это действительно решение.

Один шаг, который всё перечеркнёт.

Всё объяснит.

Всё поставит на свои места.

Тимоха всегда искал выход в какой-то жести. Его импровизированные решения редко были умными – чаще безумными, травматичными, на грани жизни и смерти. Он будто знал только один способ выбить дверь: проломить её головой.

Когда его выгоняли из университета, он придумал очередной спектакль. Хотел взять академический отпуск, восстановиться через год, а для этого – нужен был настоящий шок. История, которая оправдает его неуспеваемость.

«Напали в подъезде. Грабители. Драка. Отвёртка в бок». Всё выглядело правдоподобно, только Тимоха решил не останавливаться на словах.

Он купил пять ампул новокаина, обколол себе живот, а потом сделал себе харакири. Длинный кухонный нож вошёл в правую часть живота. По плану – неглубоко, лишь поверхностная рана. В реальности – девять сантиметров вглубь. Проткнул всё.

Естественно, вмазанный.

Кровь хлестала, как из раненого кабана. Пульсирующая струя заливала стену подъезда, растекаясь, как бесконечная красная река. Тимоха вызвал скорую, но пока та ехала, он, держась за рану, спустился вниз. По ступеням стекала кровь, оставляя за ним дорожку, как от зверя, подстреленного в лесу.

Повезло. Внизу он встретил соседа. Тот, не взирая на море крови, посадил Тимоху в машину и помчал в ближайшую больницу.

Из машины его уже выносили без сознания.

Операционная. Свет ламп, бесконечные перевязки и медсестра, которая почему-то несла его на руках. Месяц больницы. Нож задел почку. Каждый день к нему приходили опера, слушали его историю – как он, якобы, в одиночку справился с грабителями, а последний, убегая, вонзил ему отвёртку в живот.

Тимоха повторял эту сказку, что даже сам в неё поверил, и нарисовал фоторобот грабителя, который покалечил его. Очень похожего на Квентина Тарантино.

Академический отпуск, кстати, ему тогда действительно дали.

И вот сейчас, стоя на подоконнике, Тимоха собирался разыграть похожий спектакль. Та же схема: напугать, вызвать жалость, заработать прощение.

Сколько раз она срабатывала?

Сколько раз спасала его от последствий?

Жена видела, как он открыл створки окна, как стал на подоконник, ухватившись руками за стену над головой. Но не побежала, не бросилась, не закричала.

Просто ушла на кухню.

Без слов, решительно.

В надежде, что он всё-таки сделает это.

Что шагнёт.

Что освободит её.

Она устала. Устала жить в постоянном аду, в тревоге, в страхе, который не стихал ни днём, ни ночью. Это действительно сложно – жить с наркоманом. Она изначально знала, что у Тимохи есть проблемы с вещами. Но тогда это казалось временным увлечением, дурной привычкой, от которой можно избавиться простым усилием воли.

Она верила, что он справится. Что любовь, семья, ребёнок станут спасательным кругом.

И какое-то время у него даже получалось. Контролировать дозняка, откладывать, сдерживать. Иногда – притормозить, попытаться быть «примерным семьянином».

Утром – работа, вечером – ужин, в выходные – ребёнок, прогулки, разговоры.

И немного наркотиков.

Нормальная жизнь.

Почти.

Но героин умеет ждать.

Эта заезженная фраза оказалась реальностью. Он не торопился. Он подкрадывался. Сначала – эпизодически, когда это можно было сделать без последствий и оставалось незамеченным. Потом – чаще. Потом – каждый день.

И в конце концов наркотики забрали своё.

Ни свадьба, ни рождение ребёнка не остановили Тимоху. Напротив – всё это подтолкнуло его к стремительному падению.

Уколы, варки, сомнительные знакомые, поиски дозняка и спасения от жизни, которая становилась всё теснее.

Быт сжирал его каждый день, и наркотик казался единственным окном, через которое можно выскочить наружу.

Он не хотел быть обычным. Никогда.

45 секунд.

Тимоха, стоящий в комнате и наблюдающий за происходящим, уже знал, чем закончится эта минута.

Он знал, что сейчас будет шаг вперёд. Что тот, другой Тимоха, стоящий на подоконнике, провалится в зияющую темноту за окном.

Но он также знал и другое – ему повезёт.

Как ни странно, в этой адской рулетке борьбы со смертью ему часто выпадал счастливый билет: под окнами росло старое, раскидистое дерево с огромными ветками. Они примут на себя удар, затормозят падение, а ниже окажется огромная свежая куча снега – только что скинутая дворником с тротуара и собранная у стены дома.

Будь тот Тимоха трезвым, он наверняка что-то бы сломал. Или разбил. Седьмой этаж – это не прыжок на батуте. Но в том безумном, невменяемом состоянии всё прошло иначе: невероятный полёт, случайность, спасение.

Неудачникам везёт.

Тимоха помнил каждый кадр этого кошмарного кино. Шаг, темнота, тело в воздухе, ветви, хруст снега, тишина... и жизнь, которая всё ещё продолжается, хотя могла оборваться.

В этот момент в комнату ворвётся жена. Она закричит так громко, что её крик пробьёт стены квартиры. Проснётся сын, который, не понимая, что происходит, громко заплачет. Это будут не просто слёзы – а боль и непонимание, выпущенные наружу.

40 секунд.

Последствия окажутся другими, чем можно было представить. Не будет покаяния. Не будет резкого прозрения.

И главное – не будет прощения.

Спектакль не сработает.

На следующий день у Тимохи заберут ключи от квартиры и отправят жить к родителям.

Родители, сначала сдержанные, потом – уставшие, не выдержат его присутствия дома. Устанут от лжи, от необходимости прятать деньги, от бесконечной тревоги за сына, который умирает у них на глазах.

И однажды они примут решение – тихое, но твёрдое: отправить его в пустую квартиру рядом с аэропортом, где он тогда ещё работал. Маленькая клетушка. Заброшенный уголок в небольшом посёлке за городом.

Там, предоставленный самому себе, Тимоха начнёт писать завершающий акт пьесы под названием «Жизнь».

В этой квартире уже не будет тепла. Газ отключат за долги, и он будет варить мак на электрической плитке, как будто на костре собственной судьбы.

По ночам, на кумах, – громко плакать в подушку, чтобы никто не слышал.

Плакать от боли, которая не лечит и не очищает, а только разрушает.

В этой пустоте не будет никого, кто спросит: «Как ты?»

Не будет ни жены, ни сына, ни родителей.

Только он сам, стены, плитка, запах растворителя и уксуса, бесконечные ночи и боль, которая станет его единственной спутницей.

35 секунд.

И сейчас – возможность. Возможность что-то изменить.

Осталась ровно половина минуты. Таймер нахождения в этом

моменте перешагнул экватор и теперь неумолимо уменьшался, как песок в перевёрнутых часах.

До прыжка Тимохи оставалось совсем немного.

Тимоха-наблюдатель стоял в середине комнаты, будто загипнотизированный, и думал, что делать.

Необходимо остановить его – того, кто стоял на подоконнике, держа в руках свою жизнь, как ненужный предмет.

Первая мысль пришла как озарение: оказаться в теле жены, ворваться в комнату и умолять не делать этого шага. Схватить за руки, упасть на колени, закричать, молить.

Но он слишком хорошо понимал – это будут лишь аплодисменты для спектакля.

На бис.

От той самой публики, ради которой играет эта сцена.

И тогда он прыгнет – без сомнений, без колебаний, без страха.

Этот вариант не подходит.

25 секунд.

Дима.

Имя вспыхнуло в голове Тимохи, как спичка в темноте.

Это был единственный шанс. Единственная возможность сделать хоть что-то, что могло бы изменить этот вечер.

И, быть может, события после него.

Но... Дима не умел говорить.

Он был слишком маленьким.

Тимоха перебирал варианты, как карты в колоде.

Одна за другой – пустые, провальные, бессильные.

Каждая из них уже была сыграна когда-то. И все вели к проигрышу.

Ни одного козыря.

Время таяло.

20 секунд.

Тимоха переместился к кровати.

Дима спал – сладко, глубоко, с безмятежностью, доступной только детям.

Он обнимал плюшевого медведя, которого Тимоха когда-то выиграл в автоматах.

На лице – лёгкая улыбка.

Он не знал. Не мог знать.

Тут и сейчас, в этой комнате, в двух метрах от него, разворачивалась драма, которая могла изменить всю его жизнь.

Которая уже изменила.

Тимоха смотрел на сына и чувствовал, как в груди поднимается волна – тёплая, нестерпимо острая.

Он не знал, как это сделать. Не знал, получится ли.

Но знал, зачем.

10 секунд.

Мгновение – и Тимоха оказался внутри маленького, спящего ребёнка.

Волна беззаботности, тепла и любви накрыла его, как тёплое одеяло.

Эти чувства маленького мальчика, перед которым ещё открыта вся жизнь, поразили Тимоху. Он ощутил их так ярко, будто вернулся в своё собственное детство – когда засыпал на кровати в бабушкиной квартире, ощущая защищённость, запах свежего белья, предвкушение каждого утра и безусловную любовь.

В теле ребёнка не было ни злости, ни страха – только это чистое, первозданное чувство жизни.

С усилием Тимоха открыл Димкины глаза и маленькой рукой потянулся к спинке кровати.

6 секунд.

Он поднялся, держась за прутья, пошатываясь, как ещё не умеющий стоять на ногах малыш.

4 секунды.

Повернул голову в сторону окна. Там, на подоконнике, стоял он сам – потерянный, измученный, уже заносающий ногу над пустотой.

2 секунды.

И тогда, совершив невозможное, Тимоха – теперь уже через сына – выдохнул первые слова ребёнка:

– Папааааа!

Слово пронзило воздух комнаты, как громкий выстрел.

Тимоха на окне резко обернулся. Его лицо застыло, полное непонимания и удивления.

Взгляд двух Тимох – одного, маленького, стоящего в кровати, и другого, взрослого, почти готового сделать шаг в пропасть, – встретился.

И что-то в этом взгляде дрогнуло.

Словно взрослый Тимоха, стоящий на подоконнике, впервые увидел самого себя.

1 секунда.

В его глазах мелькнула боль.

А потом – темнота.

ГЛАВА 13

“СЕДЬМАЯ МИНУТА”

– У меня получилось? – это был первый вопрос, который задал Тимоха, едва вернувшись в Комнату.

Его голос прозвучал тихо, но в этом шёпоте чувствовалась тяжесть только что прожитых шестидесяти секунд – таких долгих и вязких, что они могли быть невыносимой вечностью.

Сет, который, удобно устроившись в своём кресле, задремал в ожидании, вздрогнул, будто отдалённый звук грома коснулся его плеча. Он медленно открыл глаза.

Потянулся – неторопливо, как человек, просыпающийся после долгого сна, – поднялся и подошёл к Янусу. Пёс тоже дремал у камина и даже не пошевелился от голоса Тимохи.

Комната выглядела всё так же: мягкий свет огня, тени, запах тёплого дерева и дыма сигары.

Но в ощущениях было что-то иное, почти неуловимое.

Тимоха почувствовал – словно он отсутствовал здесь не мину-ту, а целую жизнь.

Течение времени в Комнате всегда было другим: то растягивалось, как тягучий вересковый мёд, то схлопывалось в миг.

И то, что происходило «там», за пределами этого бесконечного пространства, всегда оказывалось каким-то другим – плотным, тяжёлым, почти невыносимым.

А здесь... здесь время дышало иначе.

Тимоха подошёл ближе к Сету, чувствуя, как тяжесть пережитого за дверью всё ещё лежит на его плечах. Он дотронулся до его руки – осторожно, как ребёнок, который хочет убедиться, что взрослый его услышал, – и повторил свой вопрос:

– У меня вышло?

В этих словах звучало столько надежды, что казалось – даже пламя в камине откликнулось.

Оно заиграло новыми оттенками, и среди золотисто-оранжевых языков на мгновение проступил мягкий зелёный цвет – цвет надежды, как будто сама Комната отозвалась на его слова.

Сет молчал.

Он потрепал спящего Януса по холке – медленно, задумчиво,

так, как гладят кого-то очень близкого, — а потом взял со стены кочергу, лёгкую, узкую, с изогнутым концом. Будто не заметив Тимохиного вопроса, он начал ворошить горящие поленья.

Дерево зашипело, рассыпав искры, и камин вспыхнул с новой силой.

Затянувшаяся пауза висела пугающей тишиной. Она казалась осязаемой — тянулась, как прозрачная нить между двумя мирами.

Тонкая, плотная, вязкая.

Тимоха боялся услышать, что нет.

Что всё напрасно.

Что очередное путешествие в прошлое не изменило ровным счётом ничего.

Что он снова упустил шанс.

Он боялся, что даже этот момент — этот крик изнутри, этот отчаянный шаг через тело собственного сына, через боль, через стыд — был всего лишь иллюзией. Театром одного актёра, где зрителей никогда не было.

Сет молчал.

Металл кочерги скрёб по углям, как будто выискивал в них ответ. Языки пламени поднимались выше, отбрасывая на стены золотисто-зелёные отблески.

— У меня получилось? — повторил Тимоха, тише.

Как будто если сказать громче, реальность ответа тут же раздавит хрупкую надежду.

Он не смотрел на Сета — боялся поймать его взгляд.

Боялся увидеть в нём сочувствие.

Или — что ещё страшнее — пустоту.

— Знаешь... — сказал Сет почти шёпотом, не отрывая взгляда от пламени.

Огонь в камине слегка потрескивал, словно прислушивался к его словам. — Не каждый на самом деле хочет что-то изменить в своём прошлом. Порой человек, оказавшись за дверью, ведущей в самое важное воспоминание, делает выбор вовсе не для того, чтобы переписать сценарий жизни. Он возвращается туда, где ему когда-то было по-настоящему тепло и спокойно.

Туда, где он чувствовал себя в безопасности.

Где звучал голос матери.

Где в воздухе висел запах любимой женщины.

Где кто-то прикасался к его волосам с бесконечной любовью.

Он говорил спокойно, без пафосных нот, но каждое слово будто растворялось в воздухе и оставляло послевкусие.

— Люди часто оказываются не в тех моментах, когда что-то сломалось, — продолжил он, — а в тех, где всё ещё было целым.

И даже если они знают, что перед ними — перекрёсток, способный изменить всё, что было потом, — они не делают шаг.

Они просто остаются.

Просто смотрят.

Слушают.

Молчат.

Сет чуть улыбнулся. Не грустно, не с осуждением — с пониманием.

— Это не слабость. Это не безволие. Это — принятие.

Принятие того, что есть.

Принятие того, что было.

Принятие себя самого.

Он снова замолчал, и в этой тишине была сила.

Камин вспыхнул ярче, как будто согласился.

Янус чуть пошевелился у его ног, но не проснулся.

А Тимоха стоял, не шевелясь, чувствуя, как эти слова проникают в него тяжёлыми каплями истины.

И, может быть, впервые за долгое время — не сопротивлялся.

— А ты... ты пытаешься изменить, — он произнёс это без укора, с лёгкой грустью и уважением. — Я не осуждаю тебя. Я понимаю.

Вся твоя жизнь была цепью перекрёстков, критических моментов, как будто мир всё время проверял тебя на прочность.

И Янус... он не случайно открывает тебе двери именно туда — в самые острые точки твоего прошлого.

Сет повернул голову, и огонь отразился в его глазах мягким золотым светом.

— Но, может быть, стоит посмотреть на всё это иначе? — он сделал паузу, словно давая Тимохе время вдохнуть. — Я знаю, это тяжело. Но подумай... может, последнюю минуту стоит не ломать, а просто прожить?

Просто — увидеть.

Посмотреть на своего маленького сына, который сейчас сладко спит в кроватке, ведь ты уже никогда больше не увидишь его таким.

Может, заглянуть в комнату, где отчим сидит у телевизора, ведь ты больше никогда не пожмёшь ему руку.

Сет говорил мягко, без нажима, но его слова звучали как удары сердца.

– Может, стоит посмотреть и на себя самого. Того, кто сидит на стуле во время допроса. Ведь скоро ты перестанешь помнить себя – своего настоящего себя. Ты больше никогда не увидишь этого человека в собственном теле.

Он замолчал, и только треск камина на мгновение заполнил тишину. Янус пошевелил ушами, будто тоже слышал, но не шевельнулся.

Сет чуть опустил голову, глядя на Тимоху уже без загадочности, почти по-отечески:

– Иногда самый большой поступок – не менять. А позволить себе увидеть.

Тимоха задумался. Мысли неслись в хаотичном водовороте, но где-то в центре этого шторма зарождалось нечто ясное. Всю свою жизнь он принимал решения, делал выбор – или, как ему казалось. Но теперь он понимал: решения за него принимал не он. Это делал его личный демон. Именно наркотик направлял его, говорил, куда идти, кого любить, когда лгать, когда падать. Он думал, что живёт, но на самом деле был лишь оболочкой – формой для чужой воли. И никогда прежде он не пытался посмотреть на это со стороны, стать свидетелем, заглянуть в зеркало души без искажений.

Сет всё это время стоял у камина, будто ожидая, когда Тимоха дойдёт до этой мысли. Он не спешил, не подталкивал, не давил. Но теперь, когда молчание напиталось смыслом, он отложил кочергу, вздохнул и произнёс спокойно, даже немного устало:

– И да, у тебя получилось.

Тимоха вздрогнул, словно услышал приговор. Он не ждал этих слов. Надежда была, но хрупкая, как тонкий лёд на весенней луже. Он боялся услышать обратное. Боялся, что всё было зря, что очередное путешествие в прошлое ничем не отличалось от предыдущих: драматичная сцена, океан эмоций – и ноль результата.

Но Сет продолжал, и в его голосе звучало не осуждение, а знание:

– Ты тогда не прыгнул. Твой сын... ты сам... ты остановил себя. Через несколько мгновений после того, как ты вернулся сюда, в Комнату, на голос ребёнка вбежала жена. Ты спустился с подоконника и обнял её. И зарыдал. Говорил, что не справляешься, что наркотики сводят с ума, но ты попытаешься всё изменить.

Он замолчал, как будто собирался вдохнуть тепло огня, чтобы продолжить.

– Очередное обещание, – сказал он наконец, – очередная ложь. Спектакль, который сработал. Сцена на бис. И на следующий день всё пошло по старому сценарию. Ты снова прятался со шприцом – в туалете, на лестничной клетке, в ванной. Везде, где можно было спрятаться от мира, но не от себя. Придумывал предлоги, чтобы уйти на минуту и уколиться. И через неделю тебя выгнали. Без скандала. Без истерик. Просто указали на дверь.

Сет говорил не громко, но каждое слово резало глубже любого крика.

– Судьба опять продолжилась по написанному сценарию. Ты поменял страницу, но она не повлияла на следующую сцену. Так бывает.

– Снова ничего не вышло, – вздохнул Тимоха. Вздох был не просто звуком, а тяжёлым, вязким воздухом, который, казалось, наполнил всю Комнату, впитался в стены, опустился на ковёр у камина. Обречённость разливалась вокруг, как густой туман, делая пространство ещё более замкнутым.

Может, действительно не стоит ничего менять? – мелькнула мысль. Может, просто последовать совету Сета, перестать бороться и смотреть на происходящее иначе. Перестать ломиться в закрытые двери, перестать рвать эту ткань прошлого своими руками. Просто – прощаться. С миром. С этой жизнью. С самим собой. Наслаждаться каждой секундой. Проживать последние мгновения как подарок, а не как бой.

Но как? Двери отправляли его не в светлые воспоминания, не в безопасные объятия, не в минуты, когда пахло детством и морем в июльском ветре. Нет. Он каждый раз открывал двери туда, где боль. Туда, где провалы. В самые жестокие, самые тяжёлые моменты, в самую сердцевину своей слабости. Насладиться этим было невозможно. Это были те места, где нельзя было дышать, где всё внутри требовало перемен, но ничего нельзя было изменить.

Замкнутый круг, – подумал Тимоха. Словно бегают по кругу зверёк в клетке: чем быстрее он бежит, тем сильнее крутится колесо. И выхода нет.

Сет не торопился заговорить. Пауза была долгой, почти медитативной. Но когда он наконец произнёс слова, в его голосе звуча-

ла тёплая, спокойная уверенность – такая, что могла согреть выжужную ночь.

– Тимофей, это – искупление, – сказал он, не открывая глаз. – Возможность увидеть. Возможность принять. Возможность обрести свободу. Ту самую, которую ты уже ощущал – пусть и мимо-лётно. Там, на сцене клуба, когда сотни людей пели твою песню. Свободу не от мира, а от себя. Истинную свободу.

Он слегка потянулся, зевнул. Затем добавил чуть мягче:

– Но путь не окончен. Осталось ещё четыре минуты. И если ты не против... – он открыл глаза и с полуулыбкой посмотрел на Тимофея, – я бы ещё немного вздремнул.

С этими словами Сет подошёл к своему тяжёлому кожаному креслу. На сиденье, как будто по воле самой Комнаты, появился чёрный плед. Он взял его с удивительным достоинством, устроился поудобнее, накинул ткань на ноги и закрыл глаза. Пламя в камине мягко потрескивало, Янус по-прежнему дремал у ног, и всё вокруг вновь погрузилось в молчание.

Но это была уже не обречённая тишина. Это была тишина выбора.

Тимоха всё понял.

Это было приглашение. Негромкое, но предельно ясное. Первый раз за всё время, что он находился в Комнате, Сет мягко подтолкнул его к действию. Подсказал направление. Сделал почти незаметный жест в сторону пути, который предстояло пройти. Это было как знак от режиссёра за кулисами – лёгкий кивок, означающий: сцена твоя, пора.

Тимоха не сопротивлялся. Он уже знал – выбора нет, есть только шаг. И он сделал его. Спокойно, без суеты, он направился к массивной чёрной двери, скрывавшей за собой неизвестное. Полотно будто дышало темнотой, и в этой тьме пряталась очередная минута.

Минуты за дверями становились всё тяжелее, всё ближе к финалу, но и всё глубже.

Янус, словно уловив движение Тимохи, мгновенно вскочил с места. Его разные глаза сверкнули в полумраке, тело напряглось в предвкушении действия. Наступал его черёд. Его задача была проста и величественна одновременно – открыть дверь, отпустить Тимоху за порог и, возможно, стать единственным свидетелем той правды, что скрывалась по ту сторону.

Правды, которую нельзя было изменить, но можно было – наконец – увидеть.

Тимоха подошёл к двери и медленно закрыл глаза. Этот ритуал он уже знал – после шести путешествий он стал почти привычным, понятным и простым, как вдох перед прыжком в воду.

Сначала – тишина, затем – ожидание, потом – шаг.

За его спиной раздался тихий, протяжный вой – Янус, верный проводник, открывал дверь. Тимоха почувствовал, как воздух в Комнате сгустился, стал плотнее, будто готовился к чему-то.

Дверное полотно дрогнуло. Тяжёлое, массивное, оно начало медленно двигаться, как глыба, сдвинутая невидимой силой. Тимоха, не выдержав, приоткрыл один глаз – словно ребёнок, подглядывающий за подарком, который ему должны сейчас подарить.

Дверь действительно двигалась. От него.

Значит – будущее.

Новая боль. Новые испытания. Те моменты, которые он никогда не проживал – и уже не проживёт. Всё это ждало его впереди, по ту сторону.

И Тимоха ощутил холодное, острое предчувствие: там, за дверью, его ждёт не просто видение – его ждёт жизнь, которой у него никогда не было.

Шаг.

Пulsация.

Ртуть.

Густая, живая. Всё вибрирует. Всё ждёт.

Взрыв.

Внутри. Без звука. Как вспышка.

Тишина.

Только дыхание.

Будущее.

Оно уже здесь.

59 секунд.

Тимоха открыл глаза.

Он сидел в коридоре – по характерному запаху сразу понял, что это больница. Свет был холодным, стены выкрашены в выцветший жёлтый, и всё вокруг словно дышало стерильной тишиной.

Ни одной души.

Только он.

И то, что он держал в руках.

Свёрток.

Сразу же накрыли чувства. Они не были его, но ощущались так, будто рождались в его собственном теле. Волна накрыла с головой: волнение, страх и... восхищение. Всё это вибрировало под кожей, в висках, в кончиках пальцев. Это были чувства кого-то другого – Тимохи из будущего, в теле которого он оказался, – но ощущения были слишком настоящими.

Он медленно опустил взгляд. И замер.

На руках было одеяло – аккуратно свернутое, тёплое, плотное. Внутри – крошечный ребёнок.

Совсем крохотный.

Новый.

Чистый.

Живой.

Тимоха не мог оторвать взгляда. Его дыхание сбилось, в горле что-то сжалось, и в груди вспыхнуло чувство, которого он не знал уже очень давно.

52 секунды.

К одеялу, в которое был завернут младенец, был аккуратно приколот белый бейдж. На нём стояли простые, но удивительно важные цифры: 3350 и 55 – видимо, вес и рост. Ниже – время: 9:40.

Тимоха осторожно повернул запястье, стараясь не потревожить ребёнка. Его собственные часы показывали 9:44.

Четыре минуты.

Ребёнку, которого он держал в руках, было всего четыре минуты от роду.

Не четыре года, не четыре месяца, не неделя – даже не день.

Четыре минуты. Всего лишь.

Это осознание перевернуло всё внутри него. Мир словно застыл. Время остановилось.

Он смотрел на крошечное личико. Маленькое, тёплое, живое существо, которое только что появилось в этот мир. Он был первым, кто держал его.

Он не понимал, как это стало возможным. Как ребёнок, появившийся на свет всего четыре минуты назад, оказался у него на руках? Это не укладывалось в голове. Мир вокруг будто перестал подчиняться логике.

Было страшно даже дышать.

Он сидел, будто замороженный. Каждый вдох давался с усилием, грудная клетка была скована чем-то невидимым, тяжёлым. Руки казались ватными, чужими, но они всё равно держали свёрток крепко.

Страшно уронить.

45 секунд.

Таймер тикал. Где-то там, за пределами этой больницы, Комната отсчитывала секунды. Но сейчас Тимоха не мог думать ни о времени, ни о смысле, ни о правилах. Перед ним было только одно – этот маленький человек.

Его человек.

Тимоха смотрел в глаза ребёнку. Глубокие, ярко-голубые – словно бескрайний океан, в котором он тщетно искал ответы. Как будто в этих глазах могла быть разгадка. Ключ ко всему.

Но ответа не было.

Вместо него – озарение.

Резкое, неожиданное, как вспышка солнца.

Не голос.

Не знание.

Просто ясность.

Чистая, бессловесная истина.

Это была девочка.

Дочь.

И в этот момент что-то изменилось. Как будто сдвинулся пласт внутри него. Мир перестал быть враждебным, даже страх – на мгновение – отступил.

В руках он больше не держал просто новорождённого ребёнка.

Он держал свою дочь.

Тимоха всегда хотел дочь. Это было чем-то иррациональным, не до конца объяснённым – почти магическим. В его воображении отцовство дочери казалось особенным: будто между ними могла возникнуть связь, которая исцелит его, поможет. Светлая, тихая привязанность, которой никогда не было в его собственной жизни.

Он помнил тот день, когда жена вышла с УЗИ и позвонила ему – голос волновался, был наполнен ожиданием.

– Мальчик, – сказала она.

И Тимоха тогда улыбнулся. Сказал, что это здорово, что это прекрасно, что главное – чтобы на УЗИ всё было хорошо. Всё как

положено. Но где-то глубоко внутри что-то сжалось. Он действительно был немного разочарован. Не потому что не хотел сына – он просто... мечтал о дочери.

Мечта осталась мечтой.

Он так и не стал отцом той девочки, которую ждал.

Да и отцом для сына – настоящим отцом – он не стал.

Был, но не присутствовал.

Любил, но не смог быть рядом.

Был, но не умел быть.

И теперь, держа на руках эту новорождённую крошку, он вдруг почувствовал, что где-то за гранью реальности ему даётся ещё один шанс.

Мгновение встречи с тем, кого никогда не было... но кто всегда жил в его сердце.

Всего минута.

Минута держать мечту в руках.

Никакой концерт с сотнями голосов в унисон. Ни один океан, ни один закат, ни одна сцена, где он кричал в микрофон и чувствовал себя живым – ничто из этого не было такой настоящей мечтой.

Она – вот она.

Завёрнутая в мягкое одеяло, пахнущая жизнью, теплом и чем-то неизвестным.

Совсем крошечная.

Тёплая.

Доверчивая.

Не знающая, кто он и что он натворил.

Её глаза только открылись, но в этом и было самое важное – она просто была.

В его руках.

Здесь.

Сейчас.

Минута.

И именно она меняла всё.

Как будто вся его жизнь – с падениями, подъёмами, страхами, ошибками и выбором – вела сюда.

В этот коридор.

К этой девочке.

К этой тишине, где слышно только биение двух сердец.

И в этом биении – прощение.

38 секунд.

Время снова замедлилось. Как тогда, на концерте – в миг, когда затихала музыка, и голоса проваливались в тишину перед взрывом припева. Только сейчас это замедление растворилось не в звуках и толпе, а в безмолвии и взгляде. Во взгляде крошечного человека, которому было всего четыре минуты.

К уже бушующим внутри чувствам – страху, восхищению, волнению – добавилось ещё одно.

Забывтая, затерянная где-то между бесконечными замутами, потерями, ложью и болью – безусловная любовь.

Она вернулась.

Яркая.

Обжигающая.

Истинная.

Чужое чувство.

Маленькая девочка смотрела на Тимоху удивлённо спокойно. Не испуганно, не растерянно. В её глазах, в этих ещё только начинающих видеть зрачках, было что-то большее. Как будто она знала. Как будто уже читала его мысли, чувствовала каждый удар сердца. И понимала, что в теле отца, держащего её сейчас, находится кто-то ещё. Кто-то, кто любит её даже больше. Кто пришёл сюда, чтобы пережить этот миг. Ради неё.

32 секунды.

Тимохе не хотелось продлить эту минуту. Он не мечтал о том, чтобы замедлить время или задержаться в этом мгновении подольше. Ему хотелось – прожить жизнь вместе.

Целиком.

Быть рядом.

С начала и до своего конца.

Увидеть не только этот свёрток в руках, не только маленькие красные пятнышки на щеках и почувствовать тёплое дыхание, слегка щекочущее кожу...

Ему хотелось увидеть всю её жизнь.

Как она делает свои первые, неуверенные шаги по полу их квартиры, падает на попу и смеётся.

Как он, гордый и счастливый, катает её в коляске вдоль аллеи в парке, где жёлтые листья цепляются за колёса.

Как она идёт в школу с косичками и рюкзаком, несоизмеримо большим по сравнению с ней.

Как однажды она впервые влюбится – и расскажет об этом не маме, а именно ему.

Как будет приходить к нему за советом, капризничать, спорить, смеяться.

Жить – по-настоящему, громко, свободно.

А потом...

Потом он, уже седеющий, поведёт её под руку между рядами гостей. Все будут вставать, аплодировать, а в её глазах будет тот самый взгляд, который он увидел в первые минуты её жизни.

И вот он – момент.

Фотограф делает снимок.

Она улыбается.

А под фотографией, внизу, будет подпись, от которой разрываться сердце:

«Самый любимый и надёжный мужчина в моей жизни – мой отец».

Тимоха зажмурился. Он не плакал. Он жил этой минутой.

Потому что знал: так никогда не случится.

И всё же – эта минута была реальнее любой из прожитых им жизней.

25 секунд.

Хотя бы одним глазком... хотя бы на миг – увидеть, как она будет расти. Как эта маленькая девочка, только что появившаяся на свет, превратится в человека со своей жизнью, голосом, характером, с любовью к отцу... к тому, кто держит её сейчас на руках.

Впервые за всё время путешествий через двери будущего, куда его своим воем отправлял Янус, Тимоха позавидовал.

Позавидовал самому себе.

Тому Тимохе, в теле которого он сейчас оказался – живому, настоящему, тому, кто получит шанс быть отцом. Кто сможет остаться. Кто будет рядом.

Он позавидовал ему из-за любви.

Потому что теперь знал цену этой минуты. Он знал, как мало у него осталось. Он знал, что через три минуты его не станет.

А вот тот Тимоха – останется.

Он будет рядом, он сможет смотреть, как растут кудри, как появляются первые слова, как ребёнок впервые говорит: «папа».

И больше всего Тимохе сейчас хотелось, чтобы тот понял, что у него в руках – целая вселенная. Не просто ребёнок, не просто жизнь.

А шанс.

Шанс стать другим.

Настоящим.

Шанс быть рядом.

Ему хотелось верить, что тот – настоящий Тимоха – поймёт. Что он почувствует ту же дрожь, которую чувствует сейчас он.

Что осознает: такая минута не повторится никогда.

18 секунд.

Тимоха не знал, как так вышло, что он оказался здесь – в стерильном, пустом больничном коридоре, с крошечной девочкой на руках. Девочка, которой всего четыре минуты от роду. Он не знал, как она оказалась у него, не знал, где её мать, где врачи, почему именно он держит её, почему именно ему доверили эту хрупкую, едва начавшуюся жизнь.

Но сейчас это было неважно.

Были вопросы, на которые не требовалось ответа. Был момент, важнее всех объяснений. Несколько минут назад она родилась – а теперь лежала у него на руках, завернутая в жёлтое одеяло с приколотой биркой: «3350», «55», «9:40».

Время её появления.

Время чуда.

Тимоха посмотрел на часы. Уже было 9:45.

Всего пять минут жизни – и он стал её свидетелем.

Он – человек, который терял всё, разрушал себя, предавал близких, – теперь держал в руках начало новой жизни.

Сердце билось быстро, слишком быстро, и вместе с каждым ударом в нём рождалась мысль: надо запомнить. Запомнить этот взгляд. Эти черты лица. Эту тишину вокруг, в которой не было ничего, кроме них двоих.

Ведь он знал: сейчас это закончится.

Скоро он вернётся в Комнату.

Но этот миг, эту любовь, этот свет внутри... Тимоха поклялся себе – он унесёт с собой.

Спрячет глубоко.

В самое сердце.

В самый корень новой жизни.

И когда Сет сотрёт ему память, Тимоха попытается хотя бы сохранить этот взгляд – для того, чтобы в новой жизни встретить его и узнать.

Потому что именно в этом был смысл.

11 секунд.

Тимохе была дорога эта минута не только потому, что он держал на руках свою новорождённую дочь, не потому что это была его единственная возможность запомнить её лицо, – но ещё и потому, что такой минуты у него никогда не было с сыном.

Не было ни минуты.

Ни часа.

Ни дня.

Рождение сына прошло мимо него, как будто по касательной – за пределами сознания, за завесой эгоизма, в тумане тусовок, кайфа и беспамятства.

Он не помнил запаха младенца.

Не помнил, как тот впервые схватил его за палец.

Эти моменты исчезли, утекли сквозь пальцы вместе с вечной гонкой за иллюзиями.

Инфантильность молодого отца, поглощённого самим собой и наркотиками, сделала своё дело – он не осознал тогда величия происходящего.

Не понял, какое чудо пришло в его жизнь.

А теперь – спустя столько лет, умирая, получая в подарок эту последнюю минуту с дочерью, он будто проживал то, чего был лишён тогда. Проживал впервые.

И это начинало рвать его изнутри.

Тимоха не помнил, как его сын сделал первый шаг. Не знал, где это было, кто это увидел первым. Он не мог назвать имя воспитательницы, с которой сын проводил дни в детском саду, – просто потому, что ни разу туда не пришёл. Не держал его за руку по дороге утром, не забирал его до сна.

Эти моменты пролетели мимо, как сцены чужой жизни, в которой он лишь эпизодический герой – приходящий и исчезающий.

Вся его любовь сводилась к немногочисленным подаркам, которые он приносил по выходным. Пока его ещё пускали в квартиру. Пока дверь открывали, а не захлопывали.

7 секунд.

Симбиоз невероятных чувств рвал Тимоху на части. Он смотрел в глаза ребёнку, не моргая, будто боялся пропустить хотя бы миг. В этом взгляде, таком чистом и незащищённом, внутри него переворачивалось сознание – будто кто-то сдвинул невидимый рычаг.

Всё, что казалось важным, вдруг стало обыденным.

Всё, что казалось безвозвратным, вдруг обрело смысл.

Хотелось остаться. Надолго. Жить эту судьбу, прожить каждую секунду рядом с этим крошечным существом. Хотелось не отпустить.

Но шансов на это не было. Минута подходила к концу.

5 секунд.

Тимоха поднёс свёрток ближе к себе, стараясь запомнить каждую черту крохотного лица, дыхание, тепло. Он наклонился, осторожно прижал щеку к щеке малышки и прошептал:

– Пусть повезёт тебе.

Слова вырвались сами собой. Они прозвучали не как прощание, а как благословение.

И только сейчас он понял, почему эти же самые слова – «Пусть повезёт тебе» – когда-то оставил ему его отец, аккуратно написав на первом развороте книги о пиратах. Тогда, в детстве, они казались непонятным пожеланием. Теперь же смысл этих слов обрушился на Тимоху всей своей тяжестью и любовью.

Это не просто фраза.

Это минута жизни, вложенная в строчку.

Это всё, что можно было передать, когда времени больше нет.

Его отец написал их не просто так.

Он знал.

Он уже тогда знал весь свой путь.

И, возможно, тоже прожил эту минуту.

Точно так же.

1 секунда.

– Пусть повезёт тебе, – повторил Тимоха шёпотом, унося с собой в темноту Комнаты самое важное.

Наконец обрётённое умение любить.

ГЛАВА 14

“ЛЮБОВЬ”

Огонь в камине почти угас. Комната погружалась в темноту. Сет сидел в тени, и его лицо озарялось лишь в редкие мгновения, когда он делал затяжку сигары. А в темноте горели два глаза Януса – как два маленьких уголька, каждый – своего, особенного оттенка.

– С каждой минутой всё тяжелее, да? – спросил Сет.

Тимоха молчал. Он действительно чувствовал, как с каждым возвращением из-за двери внутри него становилось тесно – от чувств, от открытий, от боли, от принятия.

Концентрация эмоций и событий, прожитых в этих коротких фрагментах времени, зашкаливала. Они выжигали его изнутри, оставляя пустоту и одновременно – нечто новое, едва оформившееся, но уже важное.

Каждая минута в будущем, каждая сцена, где он становился свидетелем собственной жизни, какой она могла бы быть – наполненной достижениями, любовью, смыслом, – пробуждала в нём странное чувство.

Он смотрел на себя, стоящего на сцене под светом софитов или сидящего с новорождённой дочерью на руках, и понимал: тот Тимоха сумел дойти туда, куда он сам даже не мечтал попасть. Всё, что казалось некогда недостижимым, происходило с кем-то, кто выглядел как он, говорил как он... но был другим. Живым. Целым. Настоящим. Свободным.

И в этих наблюдениях рождалась жажда. Ненасытная, обжигающая жажда жизни. Жизни не как существования, а как возможности.

Чувство было новым – как у ребёнка, который впервые осознаёт, что можно ходить, бегать, смеяться. Только Тимоха осознал это слишком поздно. Чувство пришло тогда, когда осталось всего три минуты. Запоздалая любовь к жизни – вот что теперь жило в нём, не находя выхода.

Но это было важно.

Впервые за всю жизнь ему по-настоящему захотелось жить. Не выживать, не тянуть время между замутами, падениями и пустотой, не играть спектакли ради жалости или прощения, а именно

жить. С ощущением смысла, тепла, движения. Не для кого-то, не из страха, не от боли – а ради самой жизни. Ради самого себя.

Это было странно и обнажённо честно. Как будто кто-то только сейчас включил свет в комнате, где Тимоха провёл всю жизнь наощупь, разбивая об углы лоб и обманывая себя, что так и должно быть. Свет оказался ярким, слепящим – но больше всего его пугало то, что он пришёл слишком поздно.

– Хочешь, я расскажу тебе про любовь? – голос Сета разрезал темноту, будто лезвие, скользнувшее по шёлку.

Тимоха вздрогнул. Он сидел, обхватив себя руками, и не был уверен – слышит ли он голос Сета в Комнате или это уже его собственный внутренний диалог.

Любовь?

Слово упало в пустоту Комнаты, в то же место, где таились воспоминания, утраты, сожаления. Слово, от которого кольнуло где-то между печенью и сердцем.

– Ты знаешь, что это такое? – продолжил Сет, не глядя на него. Он держал в пальцах тлеющую сигару, и каждая затяжка освещала на мгновение лицо – спокойное, почти сострадательное.

Тимоха задумался. Вопрос Сета застал его врасплох, но ненадолго. Ответ пришёл быстро, как будто уже давно ждал на краю сознания – нужно было лишь позволить ему прозвучать.

– Раньше думал, что знаю, – наконец произнёс Тимоха, не поднимая взгляда. – Теперь... нет.

Сет не сразу отреагировал. Он продолжал смотреть в угасающее пламя, как будто слушал не слова, а то, что прячется за ними.

– Любовь матери, – начал он наконец, – совсем не то же самое, что любовь отца. Это два разных мира. Два разных источника тепла.

Он говорил спокойно, не поднимая голоса, будто рассказывая вечную истину.

– Отец любит вспышками. В моменте. Он может запомнить первый шаг, научить ездить на велосипеде, починить игрушку. Он может гордиться, может плакать, может молчать. Но всё это – в копии фильма, не в оригинальной плёнке.

А вот у матери всё иначе. Её любовь растянута.

Она может длиться всю жизнь. И это «может» – самое страшное слово.

Сет сделал затяжку, огонёк сигары снова на мгновение высветил его лицо, затем всё утонуло в полумраке.

– С возрастом эта любовь меняет форму. Сначала – это безграничная нежность. Потом – забота. Потом – обеспечение. А потом... она становится тревогой. Переживанием.

– Но изначально, – продолжил он, – это всегда любовь. И отца, и матери.

В самом начале. При рождении ребёнка. В тех первых, странных чувствах родителя – страхе, тревоге, непонимании, волнении – уже живёт она.

Любовь. Настоящая. Безусловная. Чистая.

Он замолчал на миг, позволяя словам осесть, как пепел от сигары, падающий на ковёр.

– Ты её почувствовал, Тимофей. В той минуте, когда держал дочь на руках. Хотя не понял сразу. Думал, что это просто восхищение, удивление, дрожь от осознания новой жизни...

Но это была она. Любовь.

Та самая, которую ты всю жизнь искал в людях, в наркотиках, в чужих объятиях.

Она была в тебе всегда. Просто ты её не узнавал.

Тимоха замер. Ни огонь, ни свет, ни сигара – ничего сейчас не отвлекало его от этих слов. Он снова вспомнил её лицо. Маленькое. Тёплое. Беззащитное. Её синие глаза, которые смотрели на него, как будто знали всё.

Любовь.

Сет снова сделал затяжку. Голос стал тише, почти шёпотом, но в этих словах было что-то древнее, вёское – будто он передавал знание, которое слышали ещё у костров тысячи лет назад.

– Знаешь, Тимофей, родители – это первый и, возможно, единственный источник подлинной безопасности в жизни ребёнка. Не физической, а той, которая живёт в сердце. Безоговорочной. Где можно быть уязвимым, глупым, неидеальным... и всё равно оставаться любимым. Не за успехи, не за послушание, не за заслуги. А просто потому, что ты есть.

Темнота поглощала Комнату.

– И та девочка, которую ты держал на руках... она уже это почувствовала. Даже в свои первые минуты жизни. Она ощутила твою любовь, твою защиту. Твоё принятие. То, чего так не хватало тебе.

Сет замолчал на мгновение, поднялся с кресла. Его движения были неторопливыми, как будто отяжелёнными грузом воспоминаний. Он подошёл к камину — тот едва тлел, излучая слабое, красноватое тепло. Сет взял кочергу и медленно пошевелил угли, будто разбуженная искра памяти требовала дыхания. Пламя вспыхнуло чуть ярче, и он продолжил, не оборачиваясь:

— Было ли у тебя в детстве подобное чувство? Скорее всего, нет. Или, вернее сказать, не в том объёме, в каком оно должно было быть. Отец ушёл. Мать осталась одна — с двумя детьми, с грузом разбитых надежд, с вечной борьбой за выживание. Она пыталась справиться, но была растеряна, поломана, инфантильна — как и мужчина, который когда-то дал тебе жизнь, но не остался рядом.

Он опёрся на край каминной полки, глядя в разгорающийся огонь.

— Вся её энергия уходила на то, чтобы как-то устроить личную жизнь. Удержаться. И, конечно же, в глубине души она любила тебя, но ты этой любви не чувствовал. Потому что она не была теплом. Она была задачей. Обязанностью. Иногда — раздражением. А любовь, Тимофей, которую надо заслужить, — это уже не любовь. Это сделка.

Сет чуть наклонился, бросил в камин ещё одно полено, и пламя ожило. Свет мягко отразился на его лице.

— По-настоящему тёплые моменты ты вспоминаешь не с матерью, а с бабушкой и дедушкой. У них ты ощущал заботу. У них была та самая безусловность — пусть не всегда в словах, но в поступках.

Он выпрямился, но не вернулся к креслу. Остался стоять у огня.

— А мать... ты всё время пытался быть нужным ей. Заметным. Хорошим. Ты чувствовал себя лишним и пытался зарабатывать право быть любимым. Это тяжёлый груз для ребёнка. Особенно для мальчика.

Тимоха не шевелился.

— А ещё роль матери заняла твоя сестра. Тихо. Незаметно. Как будто так и должно было произойти. Просто потому, что в этом доме больше некому было любить. Она стала тем, кто обнимал, кто заботился, кто всегда держал для тебя открытой дверь. И даже когда ты вырос, когда начались сложности, она не отвернулась. Давала деньги, спрашивала, как ты, решала вопросы с врачами во время твоих передозировок, одевала и всегда помогала.

Сет снова сделал шаг назад, сел в кресло, но уже не откидывался — только подался вперёд, соединив пальцы в замок.

— Она не заменяла мать. Она просто любила тебя. Настоящей любовью. Такой, какой ты не знал.

— Поэтому у тебя изначально чувство любви было... убогим, — произнёс Сет. В его голосе не было упрёка. Это было не нравоучение, а тихая, почти медицинская констатация. — Не потому, что ты плохой. А потому, что не знал, каким оно бывает на самом деле. Тебя не научили.

Он говорил спокойно, даже мягко — как человек, который долго наблюдал за кем-то с высоты, зная, что всё происходящее неизбежно.

— Ты путал любовь с вниманием, с угодничеством, с необходимостью быть нужным. Цеплялся за тех, кто давал хоть крошку тепла, и обижался, когда это тепло исчезало. Ты требовал, умолял, играл — лишь бы удержать рядом кого-то, кто заполнил бы эту чёрную дыру внутри.

Он поднял взгляд, встретился глазами с Тимохой, и тот не смог отвести взгляда.

— Но настоящую любовь — ту, которая не требует ничего взамен, — ты так и не узнал. И когда появился шанс её понять... ты уже был не тем.

Пауза. В камине что-то хрустнуло — как будто уголь признал правоту Сета.

— Наркотики бесповоротно уничтожили это чувство. Сначала они просто притупили боль. Потом — украли способность чувствовать вообще. Любовь перестала быть даже иллюзией. Настала вечная ломка. Не только тела — души и жизни. Ты начал любить людей, ситуации и обстоятельства — не за них самих, а за то, что они хоть на время приносили тебе облегчение.

Сет замолчал. На несколько секунд в Комнате повисла тишина, нарушаемая только треском угля в камине. Тимоха смотрел в огонь, но видел не пламя — перед его глазами всплывали лица. Люди, которых он когда-то считал любимыми. Ситуации, в которых он искренне верил, что любит. Но теперь всё это выглядело иначе. И больнее.

— Любовь бывает разной, — продолжил Сет, как будто обращаясь не к Тимохе, а к самому пространству Комнаты. — Иногда она похожа на симпатию, на очарование, на нежность... Но всё это — лишь её тени. Отголоски. Настоящая любовь — одна.

Он сделал паузу, перевёл взгляд на Тимоху. В его глазах не было упрёка – только бесконечное спокойствие и тихое, тёплое понимание.

– И у этой настоящей любви есть одна особенность. Единственная, но самая важная. Она... безусловна. В этом её суть.

Когда нет «если».

Нет «пока».

Нет «потому что».

Когда ты любишь, потому что не можешь не любить. Потому что это – часть тебя. Без сделки. Без требований. Без договора.

Сет подошёл к Тимохе, немного наклонился к его лицу, голос стал тише – почти как у отца, который впервые говорит с сыном откровенно.

– Скажи, Тимофей...

Когда ты любил – у тебя были условия?

Он затих, словно оставив последнюю ноту в воздухе, позволяя ей прозвучать внутри самого Тимохи.

Тот молчал. Но ответ уже был внутри.

Потому что где-то глубоко он знал – да. Всегда. У него всегда были условия. Это было не инсайтом, не откровением, а почти механическим щелчком – как будто в давно сломанной часовой системе включился забытый механизм и заработали шестерёнки, приводя в действие стрелки.

Тимоха понял: его «любовь» всегда была с расчётом. С ожиданием. С обязательным «взаимно». Он не признавал это, но ощущал – интуитивно, болезненно – что он любит, пока его любят.

Он любит, пока ему отвечают.

Он любит, пока его не отвергают.

Это была не любовь. Это была сделка.

Контракт.

Пусть и не произнесённый вслух, но чёткий, жёсткий. Условия «я тебе – ты мне». Обязательное отражение. Как в детстве.

Его чувства всегда сопровождались условиями: быть рядом, прощать, терпеть, отвечать. Он не знал другой любви. Не верил в неё. Не искал.

Сет продолжал говорить, но теперь казалось, что он лишь озвучивает мысли, которые Тимоха сам только начал в себе слышать. Как будто голос Сета был не снаружи, а внутри.

– И знаешь, Тимофей... даже если ты никогда не произносил этих условий вслух, они всегда были с тобой.

Контракт, который ты не подписал словами, ты носил в себе. Он жил в твоих ожиданиях. В обидах. В молчании.

Сет сделал паузу. Где-то потрескивало разгорающееся полено. Тишина в Комнате стала особенно ощутимой – как будто сама ждала следующих слов.

– А если этот внутренний договор нарушался, – его голос стал тише, почти интимным, – ты злился. Обижался. Закрывался. Обещивал. Начинал тихо ненавидеть тех, кого, казалось бы, только что любил.

Не потому, что не любил. А потому, что твоя любовь была сделкой.

Если мне плохо – виноват ты.

Если меня не спасли – значит, не любили.

Ты любил так, как сам ждал, чтобы любили тебя.

В расчёте. В схеме. В «если».

Тимоха опустил глаза. Каждое слово отзывалось внутри болезненно точно.

Будто Сет расчищал пласты застарелой пыли, залежавшейся в самых тёмных уголках его души.

Удивительным образом это странное, абсурдное, почти карикатурное существо – герой любимого фильма, то ли Бог, то ли Дьявол, с сигарой, с ехидной полуулыбкой, в полумраке у камина – стал самым лучшим психологом в жизни Тимохи.

Что особенно иронично, ведь сам Тимоха никогда не понимал психологов. Не верил в них. Не знал, зачем они нужны. Всё казалось игрой в «душевные разговоры», пустой болтовнёй за деньги.

А теперь – вот он. Сидит в Комнате, разговаривает с чем-то или кем-то, что похоже на образ, взятый из его подсознания или сна, и чувствует себя понятым, как не чувствовал никогда.

С Тимохой никто и никогда не говорил так предельно честно. Ни мать, ни отец сначала выходного дня, а потом и выходного года, ни отчим, ни даже сестра, ставшая ему когда-то почти родителем. Не говорила жена. Не говорили друзья. Всегда были недомолвки, сглаживания, попытки обойти острые углы.

А тут – правда. Без украшений, без защиты, но и без жестокости. Только голая, тёплая, спокойная правда.

И Тимоха, сам того не ожидая, почувствовал к Сету безграничное уважение. И доверие, которого прежде не испытывал ни к одному живому человеку.

А где-то внутри, в самом укромном уголке души, вдруг что-то откликнулось. Что-то родное. Словно он знал Сета всегда.

Пламя разгорелось в камине окончательно, и Комната приобрела привычные очертания.

Когда ты влюблялся, – продолжал Сет спокойно, будто раскладывая чьи-то воспоминания по полочкам, – это были гормоны. Чистая химия. Она захлёстывала, становилась сильнее тебя, сводила с ума. Именно она толкала тебя ждать под подъездом девушку до утра, писать глупости, ревновать до иступления, терять сон, разум, достоинство.

Но даже тогда, даже в этих вспышках страсти, не было любви – в её настоящем, глубоком смысле. Это были чувства, искажённые страхом, нуждой, пустотой. Невозможно любить по-настоящему, когда тебя изнутри разъедает мрачная безысходность бытия. Когда ты сам себе – враг. Когда в груди нет опоры, только трещины и голод. Любовь там не вырастет. Особенно тогда, когда она там и не была посажена.

В мыслях Тимохи проносились лица. Вереница женщин, девушек, теней. Сотни образов. И каждая из них, как ему тогда казалось, была той самой.

Он вспомнил школьные годы – влюблённости, сменявшиеся каждую неделю. Одноклассницы, соседки по двору, старшеклассницы. В пятом классе он влюблялся так же легко, как менял кассету в магнитофоне. Влюблялся в улыбку, в походку, во взгляд. И называл это любовью.

Потом были бары, движухи в неформальной среде. И снова – “любовь”. На одну ночь, на две недели, на пару месяцев. Имя стиралось, оставалась эмоция.

Оля... Да, Оля. Его большая юношеская привязанность. Та, что отвергла его. И после этого отказа – вот оно, первое “сильное” чувство – он пошёл искать утешения в героине.

Конечно, проще было обвинить кого-то. Олю. Ситуацию. Судьбу. Сделать из этого развилку. Но, если быть честным, всё было иначе. Это не была любовь. Это было неумение любить. Неумение разбираться в своих чувствах, называть их правильно, признавать

их. Неумение увидеть себя – настоящего, уязвимого, живого.

Он вспомнил, как впервые увидел свою будущую жену. Это было случайное столкновение двух компаний на улице. Поздоровались, прошли мимо. И тогда Тимоха почему-то сам себе сказал: если я оглянусь – и она в этот же момент оглянется, значит, это знак. Всё по Максиму Леонидову. Он обернулся – и увидел, что она смотрит. И решил: вот оно. Судьба.

Но нет. Не любовь.

Химия. Рефлекс. Импульс.

Всё, что когда-то казалось ему любовью, теперь обнажилось, как декорации после финального акта спектакля. Иллюзия. Одна большая, яркая, эмоциональная, но всё же – иллюзия.

Любви в жизни Тимохи не было. И, быть может, не могло быть.

Она умерла... ещё до того, как появилась.

Даже не успела родиться.

Как выкидываш чувства, которому не дали созреть.

– Безусловность? – прошептал он сам себе, едва слышно.

Он попытался вспомнить: кого он любил без условий? Без “если”, без “за что-то”, без просьбы о взаимности, без желания быть нужным.

Долго. Мучительно. Безуспешно.

Никого.

Никогда.

Да, в его жизни были чувства. Были вспышки – яркие, непродолжительные, порой даже нежные. Он мог испытывать симпатию, временами тёплую, почти дружескую. Иногда – искреннее уважение. Ему случалось восхищаться людьми, особенно теми, кто не боялся быть собой, кто держался в жизни прямо, несмотря ни на что. Он знал, как это – молчаливо поддерживать человека, не требуя ничего взамен. Просто быть рядом. Просто не мешать.

Иногда он действительно ничего не хотел. Не просил взаимности. Не рассчитывал на благодарность. Такие моменты были. Редкие, но были.

Иногда, очень редко, вспоминалось одно особое чувство. Неуловимое, но тёплое. Оно приходило не в моменты признаний, не в страстных переписках и даже не в семейных объятиях. Оно проскальзывало где-то между репликами и взглядами – на тех самых встречах с одноклассниками после школы.

Почему-то именно там, среди давно выросших, но по-прежнему узнаваемых лиц, он чувствовал нечто похожее на безопасность. Не полную, не всепоглощающую, но достаточную, чтобы на время перестать сжимать кулаки внутри себя.

На этих вечерах не надо было ничего доказывать. Не надо было нравиться, оправдываться, соответствовать. Он мог быть собой – пусть уже не тем мальчиком из пятого “Б”, но всё ещё – Тимой, как его звали тогда. И в этом имени звучала не просто память, а принятие. Никаких условий, никаких договоров. Принятие как данность.

Он действительно ценил эти встречи. Не за возможность поностальгировать, не за повод выпить или обсудить старые сплетни. А за то, что именно в этих простых, иногда неловких, иногда смешных моментах теплилась та самая, крошечная, но настоящая безусловность. Как будто где-то в прошлом у него всё-таки был к ней доступ. Хоть на миг. Хоть краешком души.

И всё же, если быть до конца честным – настоящей любви в его жизни не было.

Не той, которую воспевают в песнях и описывают в книгах. Не той, что полна истерики и страсти, драм и «вернись ко мне». А той, настоящей – глубокой, безусловной, спокойной, как корни дерева, уходящие в землю. Любви, в которой нет страха быть отвергнутым. Нет требований. Нет контракта. Только чистое принятие и тепло.

Любви, какой бывает у родителя к младенцу. Или у младенца к родителю. Чистой, прозрачной, непрощенной.

Такой любви у него не было.

Даже мысль об этом обжигала. Но не огнём, а ледяным холодом. Он не чувствовал стыда – чувство вины было для него давно пройденным этапом, стёртым и обескровленным. Нет. Сейчас он чувствовал только пустоту. Неназойливую, не агрессивную – но всё поглощающую. Пустоту внутри, которую он годами пытался чем-то заполнить. Женщинами, наркотиками, успехами, словами. Пустоту, что всегда оставалась с ним, даже в моменты эйфории, даже когда казалось, что он – на вершине.

И на фоне этой холодной, затянутой туманом пустоты особенно ярко вспыхнули две минуты. Две – но будто целая жизнь. Их не стереть. Не выжечь. Не забыть.

Машина, серпантин, океан. Она рядом – улыбается, говорит что-то, а он не слушает, просто смотрит. Потому что слишком хо-

рошо. Потому что внутри в этот момент – тишина, не пустая, а наполненная. Как будто всё в мире, наконец, совпало: и волны, и свет, и дыхание. Стоп-кадр. И в этой минуте – ощущение любви. Чистой, спокойной, необъяснимой.

А потом – роддом. Ребёнок. Его ребёнок. Дочь. Настолько хрупкая и настоящая, что даже дыхание казалось слишком громким. Он держал её на руках, не зная, как должен себя вести, не умея быть отцом, не веря, что это происходит... но зная одно: в эти несколько мгновений он любил. Не “за”, не “в обмен”, не “пока”. Просто – любил. Без условий.

Он не знал, его ли это чувства. Или чувства того Тимохи, в чьё тело он попадал. Будущего, настоящего, вымышленного – уже не имело значения. Потому что проживал их он. Сердце билось в его груди. Грудь поднималась его дыханием. И слёзы были его – настоящие, мужские.

Эти две минуты дали ему то, чего не дала целая жизнь. Ощущение, что он всё-таки может. Любить. Без оговорок. Без страхов. Без контракта.

И этого было достаточно, чтобы захотеть жить. Хоть на миг дольше.

ГЛАВА 15

“ВОСЬМАЯ МИНУТА”

Тимоха подошёл к Янусу, наклонился, прислонил свой нос к его носу и заглянул в глаза. Они действительно были разные. Один – янтарный, тёплый, живой. Второй – холодный, стальной, почти мёртвый. И в этом странном контрасте – как будто отражалась вся Комната, вся его жизнь.

Страх не было. Перед этим мощным, почти мифическим псом – ни капли. Янус был огромным, даже для королевского дога. Нереально огромным. Именно таким в детстве Тимоха представлял себе собаку Баскервильей, когда с замиранием сердца читал про Шерлока Холмса, воображая, как в ночи появляется силуэт, как дрожит земля от шагов, как звенит тишина перед прыжком.

Но сейчас – никакого ужаса. Только покой. Спокойствие древнего существа, знающего всё. Пса, который не охраняет, а отворяет. Который не нападает, а ждёт. И смотрит.

Янус был не просто сторожем Комнаты.

Он был единственным, от кого зависело, что откроется за следующей дверью.

– Ну что, друг, – тихо произнёс он, глядя Янусу в глаза. – Куда в этот раз?

Слова прозвучали почти буднично, но внутри Тимохи всё сжалось. Он сам не знал, чего хочет. Торопиться – чтобы скорее прожить оставшиеся минуты, успеть увидеть всё, что скрывают двери? Или, наоборот, задержаться здесь – на этом пороге, в этой почти ставшей родной паузе между мирами? Каждое направление жгло изнутри. И всё же он хотел прочувствовать каждый миг, даже если он будет невыносимо болезненным.

Иногда жизнь даёт тебе только один способ ощутить, что ты жив – через боль. И Тимоха уже не сопротивлялся.

Это была очередная, чёртова развилка. Таких в его жизни было множество. И всякий раз он делал выбор быстро, почти инстинктивно. Не думая, не останавливаясь. Его вела жажда – удовольствия, кайфа, престижа, иллюзии успеха. Он всегда спешил. Хотел срезать путь. Достичь быстрее. Обмануть реальность, перехитрить боль, обогнать самого себя.

Но теперь... всё было иначе.

Сейчас выбор казался ещё более мучительно тяжёлым. Ему не хотелось спешить. Не хотелось быть первым, не хотелось «успеть». Он стоял перед очередной дверью – и не мог сделать шаг. Не потому, что боялся. А потому, что чувствовал: каждое мгновение здесь, в Комнате, в этой почти священной тишине – может оказаться важнее, чем всё, что ждёт за дверью.

Завершить этот карнавал минут? Быстро пройти оставшиеся сцены, открыть все тайны, узнать всю правду – и поставить точку?

Или... задержаться? Остаться с Сетом. Впитать в себя эти странные чувства, эти проблески жизни, которые наконец пробились сквозь многолетнюю тьму?

Раньше он бы не колебался ни секунды. А сейчас не знал, как поступить.

Он внимательно посмотрел в глаза Януса. В этих глазах скрывалась целая вселенная – не метафора, а подлинная, плотная, невообразимо глубокая реальность. Глаза мифической собаки были словно зеркала, отражающие не внешнее, а внутреннее. Или, быть может, – не только его.

В радужке одного глаза мерцали события, развёрнутые на шкале тысячелетий. Там рушились и возводились города, плавились ледники, выходили из берегов океаны, исчезали народы, рождались языки, поднимались и падали цивилизации. Где-то, в крошечной искре этого взгляда, небо раскалывалось, а космос проглатывал целые планеты – будто в каком-то вечном танце рождения и уничтожения.

А второй глаз... он был другим. В нём был покой. Тишина. Безвременье. Там не было действия – только созерцание. Как будто он смотрел из той части вселенной, где ничего уже не происходило. Где всё уже было. Где всё уже понималось – и принималось.

В этих двух глазах Януса, таких разных, как день и ночь, Тимоха мог раствориться. Не исчезнуть, нет – наоборот, обрести себя. Почувствовать, что он – часть чего-то бесконечного. Боли, времени, смысла. И любви. Настоящей.

Прошлое и будущее.

И настоящее – в виде этой чёрной Комнаты с её хозяином Сетом.

Тимоха всё ещё смотрел в глаза Януса. Пёс не шевелился. Толь-

ко моргнул – медленно, тяжело, как будто в этом движении было заключено древнее знание. Как будто он знал не только, что будет дальше, но и зачем.

Знал, что следующая дверь уже выбрана. Что выбор давно состоялся – не сейчас, не в эту минуту, а где-то и когда-то раньше.

Пути назад не было.

Янус знал это. Он знал, что скрывается за чёрным полотном двери, стоявшей в тени у дальней стены. Он знал, почему именно она. И он уже ждал.

Потому что Комната жила своим временем.

Своей логикой. Своим законом.

Тимоха не представлял, сколько времени он провёл здесь, в разговорах с Сетом. Часы, дни, вечность? Всё растворилось. Пространство и время подчинялись другой реальности – той, в которой не тикали стрелки, а чувства растягивались, как тень от костра.

Казалось, он был здесь целую жизнь.

Или, наоборот, всего миг – но настолько насыщенный, что вместил в себя целую биографию.

Вечность, разбавленная семью минутами.

Семью дверьми.

Семью жизнями, каждая из которых была невыносима и необходима одновременно.

Он уже не мог сказать точно, кем был, когда вошёл сюда впервые. Слишком многое изменилось. Или, может, наоборот – впервые стало ясным.

За спиной раздался кашель. Не резкий, не от дыма сигары – нет.

Это был тот особенный кашель, каким люди веками пользовались, чтобы ненавязчиво, но настойчиво напомнить о себе. Кашель, в котором больше вежливости, чем физиологии.

Тимоха медленно обернулся.

У камина стоял Сет. Его лицо освещалось бордовым светом пламени. Свет отбрасывал странные, будто нарочно преувеличенные тени, и привычные черты Сета искажались, словно под гримом. Скулы казались резче, глаза – глубже, а губы – тоньше, почти надменными.

В этом полумраке он напоминал дьявола из старых книг. Не карикатурного, с рогами и хвостом, а того самого – из метафизи-

ческих кошмаров. Того, что сидит у камина в старинном кресле и знает о тебе всё – даже то, чего ты сам о себе не знаешь.

– Ну что ж, – тихо произнёс Сет, не отводя взгляда. – Похоже, время снова делать шаг.

Голос звучал так, будто Сет не просто обращался к Тимохе – будто он торопил его.

Будто слышал все его внутренние сомнения. Будто находился внутри его головы и знал каждую колеблющуюся мысль ещё до того, как она родится.

И это раздражало.

Тимоха вдруг почувствовал, как внутри вспыхивает тихий, почти детский протест. Неприязнь к тому, что кто-то будто бы решает за него. Второй раз за всё время в Комнате Сет – напрямую или завуалированно – отправлял его к дверям. Будто знал, что пришла пора. Будто имел право.

И это, как ни странно, злило.

Пусть не сильно, не истерично. Но злило. Потому что выбор – это единственное, что, как казалось Тимохе, у него ещё оставалось.

Ведь впервые в жизни он сам хотел решать, сам идти, сам выбирать. Даже если ошибётся. Даже если за дверью будет настоящий ад или сама Комната превратится в чистилище.

Но...

Видимо, хозяину Комнаты было виднее.

А может быть, это просто часть игры. Часть той самой вселенской логики, которую Тимоха всё никак не мог постичь. Здесь, в этом пространстве без времени, без правил, без координат, где всё было слишком личным, чтобы быть случайным.

Он бросил взгляд на Сета – тот по-прежнему стоял у камина, не отводя взгляда, и в его лице снова появилось что-то одновременно бесконечно далёкое... и родное.

Янус боднул Тимоху головой. Мягко, но уверенно – словно тоже хотел сказать: пора. Пора двигаться дальше.

Тимоха усмехнулся. И только в этот момент понял: он улыбается.

Настоящая, хоть и слегка неловкая, улыбка – первая с тех пор, как он оказался в этом месте.

В этом странном, безвременном пространстве, где за дверями прятались судьбы, ошибки, слёзы и откровения.

Что-то менялось.

Он не мог объяснить, не мог назвать, но чувствовал – перемены начинались не снаружи, а внутри. Даже сама Комната будто сдвинулась, расширилась. Двери стали выше, стены – дальше. Пространство дышало вместе с ним.

Он поднялся с колена, провёл рукой по массивной голове Януса, почесал его за ухом. Пёс не отреагировал, только закрыл глаза – будто знал, что этот жест не требует ответа. Это был жест благодарности. Или признания.

Тимоха выпрямился. Уверенно.

И сделал пять шагов в сторону дверей.

Шаг.

Вдох.

Шаг.

Удар сердца.

Шаг.

Ощущение пульса в висках.

Шаг.

Лёгкое головокружение.

Шаг.

Покой.

Остановился.

Он стоял у самой границы Комнаты. За его спиной – Сет, Янус, огонь в камине и всё, что уже сказано, пережито, прожито. Впереди – неизвестность. Ещё одна минута. Ещё одно прошлое или ещё одна версия будущего. Ещё один кусок самого себя, до которого он не дотягивался при жизни.

Тимоха закрыл глаза.

И в ту же секунду внутри Комнаты раздался тот самый звук.

Пронзительный, протяжный, обволакивающий – вой Повелителя Дверей.

Он не был страшным. Не был зловещим.

Он был частью ритуала. Частью перехода.

Он был зовом.

И Тимоха был готов.

Полотно двери тронулось и медленно начало движение навстречу Тимохе. Оно шло плавно, беззвучно, словно подчиняясь древнему, неведомому механизму.

Ну что ж. Прошлое.

Он выдохнул. И сделал шаг вперёд.

Перемещение в минуту прошлого прошло привычно: темнота, колодец, лица.

Пространство разорвалось, как старый мешок, переполненный воспоминаниями, – и Тимоха зажмурился в тот самый миг, когда всё вокруг треснуло, рассыпаясь на осколки света и звука.

59 секунд.

Музыка.

Громкая, гулкая, давящая – будто пыталась разорвать динамики, не предназначенные для такой мощи.

«Кар-Мэн».

Тимоха даже не открыв глаз понял: он в машине.

Потому что «Кар-Мэн» он слушал всегда только за рулём.

– «Сан-Франциско – город в стиле диско!» – орали динамики, дребезжа на пределе.

Тимоха открыл глаза и понял, что сидит на пассажирском сиденье собственного автомобиля.

Он повернул голову вправо – и увидел себя.

Странное ощущение.

Не увидеть себя со стороны – к этому Тимоха уже привык за время своих путешествий в прошлое.

А оказаться рядом. В своей бывшей машине. На пассажирском месте, где он никогда раньше не сидел.

И только сейчас, глядя на себя за рулём, он вдруг осознал: за всю жизнь ни разу не был на этом месте.

Ни физически. Ни внутренне.

57 секунд.

Тимоха посмотрел вперёд.

Машина летела по заснеженной ночной трассе, разгоняясь под импульс голоса Лемоха. Скорость нарастала, стрелка спидометра дрожала, будто тоже захлёбывалась от адреналина.

В лобовое стекло летели гигантские хлопья снега – тяжёлые, плотные, как если бы небо решило высыпать на землю всё, что в нём копилось.

Дворники не успевали.

Они судорожно метались по стеклу, оставляя лишь тонкие просветы, сквозь которые виднелся бесконечный поток белого.

В свете фар снег превращался в гипнотизирующий калейдо-

скоп – живое полотно, в котором терялось ощущение дороги, скорости, времени.

Тимоха снова перевёл взгляд на себя – на того, кто сидел за рулём.

На себя прошлого.

Он попытался сообразить, в какой момент своей жизни оказался.

Секунда – и внутри щёлкнуло.

Он понял.

Развилка.

Одна из тех, где всё могло повернуть иначе.

Тимоха из прошлого сидел, вцепившись в руль, с пустым взглядом. Глаза были чуть приоткрыты, но будто не видели. Лицо серого цвета, обвисшее, губы еле шевелились в такт песне. Он не спал – он залипал.

Не от усталости. Не от ночной дороги.

От дозняка. От смеси мака и барбитуры, превращающих тело в оболочку, а сознание – в вязкую дымку.

Машина неслась по трассе, как выпущенная из ружья пуля, продолжая набирать скорость.

И Тимоха понял – это именно тот момент.

Минута, где жизнь балансировала на грани между сном и смертью.

Он ехал от жены – от того разговора, после которого не остаётся ни надежды, ни дороги назад. Всё уже было сказано, все точки расставлены, а между паузами зияла тотальная тишина, в которой не осталось места даже для обиды. Разговор тянулся долго, вязко, как последние метры перед пропастью, когда ноги всё ещё идут вперёд, хотя сердце уже давно падает вниз.

Она говорила спокойно, почти холодно – без истерики, без привычных слёз, будто не женщина, а судья, выносящий приговор, давно записанный в деле. Её голос был ровным, уверенным, и именно это убивало сильнее всего.

– Тебя больше не ждут здесь, – сказала она. И чуть позже добавила, тише, почти шёпотом, как будто самой было больно:

– Ты не можешь вернуться.

Эти слова застряли в голове, словно осколки стекла после аварии. Он повторял их снова и снова – не потому, что хотел, а потому что не мог остановить это внутреннее эхо.

Машина неслась по ночной трассе, и каждый хлопок шин о швы на асфальте звучал как подтверждение её слов.

Теперь у него действительно не было дома. Только дорога. Только снег, хлеставший по лобовому, и музыка из старых колонок, которая, казалось, держала его в живых, не давая окончательно раствориться в темноте ночи.

После того разговора Тимоха заехал к друзьям. Хотя друзьями их трудно было назвать – скорее, это были люди, с которыми его связывала зависимость, обоюдная нужда и молчаливое согласие не задавать лишних вопросов. Они не спрашивали, зачем он пришёл, он не объяснял, что случилось. Всё происходило автоматически, по накатанной – как старый ритуал, отточенный до автоматизма.

Их интересовали деньги, его – результат вклада этих денег.

На кухне стояла тишина, нарушаемая только звуком лопающихся пузырьков отбоя в эмалированной миске и тихим сопением человека, согнувшегося над плитой.

Тимоха вмазался – не торжественно, не с удовольствием, а устало, как человек, принимающий лекарство, которое больше не помогает, но без которого уже невозможно.

Несколько минут он сидел, глядя в пустоту, закурил, потом пробормотал что-то невнятное о том, что ему нужно ехать по делам. Никто не стал уточнять, какие именно это дела.

Он тихо закрыл входную дверь, стараясь не хлопнуть, и вышел в ночь. Воздух был колючим, влажным, пахнущим снегом и почему-то бензином. Дел, конечно, никаких не было. Просто хотелось ехать. Уехать. Исчезнуть.

Выехать на трассу, вдавить педаль газа, включить песню – сначала обязательно грустную, ту, от которой внутри ноет, – и позволить себе всё то, чего он так хотел: пожалеть себя. Пожалеть до дрожи, до слёз, до ненависти ко всему вокруг. Ехать в темноту, пока боль и скорость не сольются в одно чувство. Пока не станет всё равно – куда, зачем и с кем.

Перед тем как сесть за руль, Тимоха закинул в себя горсть таблеток, даже не удосужившись разобраться, что именно глотает. Всё это давно уже не имело значения – названия, количество, последствия. Он знал одно: сейчас ему не нужно ничего, кроме этого чувства – жалости к самому себе.

Раствориться в скорости, в дороге, в бесконечном снегопаде, где каждая снежинка – как сбившийся с курса кусочек времени. Хотелось исчезнуть в этом движении, стать его частью, чтобы больше не чувствовать ни холода, ни одиночества, ни себя.

52 секунды.

Машина продолжала набирать скорость. Двигатель выл, будто стараясь перекричать звуки дороги и ветер, который бросал снег в лобовое стекло.

Тимоха перевёл взгляд на самого себя – на того, кто сидел за рулём. Вгляделся в это лицо, и внутри всё сжалось.

Жалкое.

Страдающее.

Уничтоженное.

Лицо человека, который уже не живёт, а просто катится вниз, подчиняясь инерции.

Глаза – полуприкрытые, тяжёлые, уставшие – дрогнули, а потом окончательно закрылись.

Тимоха знал, что будет дальше.

Эта минута была уже прожита когда-то – и теперь повторялась, как сцена из фильма, где финал известен заранее.

Буквально через несколько мгновений машина уйдёт в занос. Сначала плавно, почти незаметно, потом – резче, с визгом шин по грязному снегу, раскиданному на дороге. Её закрутит, как игрушечную, на скользком асфальте зимней трассы.

Тимоха за рулём не успеет ничего сделать. Только медленно приоткроет глаза – в них мелькнёт ужас, отчаянная попытка вернуть контроль. Его руки дёрнут руль в сторону, но поздно. Сила инерции будет сильнее.

Машина, раскручиваясь, как волчок, проскользит, теряя сцепление, теряя направление, теряя всё – кроме неизбежности.

45 секунд.

«Пежо», сорвавшись с трассы, пробыёт снежный вал и, подсакивая на сугробах, полетит в поле. Колёса беспомощно будут крутиться в воздухе, двигатель реветь, пока всё не оборвётся внезапным, глухим ударом – железо врежется в одинокое дерево, предательски стоявшее на её пути.

Тимоха, не пристёгнутый, вылетит через лобовое стекло. Всё произойдёт в долю секунды – вспышка света, удар, воздух и тиши-

на. Его тело пролетит несколько метров и упадёт в снег, оставив за собой след, как отпечаток короткой жизни.

Из рассечённого лба тонкой струйкой потечёт кровь, окрашивая белый снег в густой, тёмно-красный цвет.

Он будет лежать неподвижно.

Только пар от дыхания медленно будет подниматься вверх, растворяясь в холодном воздухе зимней ночи.

41 секунда.

Тимоха знал – тогда ему снова повезло.

Смерть прошла рядом, едва не коснувшись, но почему-то отступила.

Он пролежит на снегу около получаса – наполовину в сознании, наполовину где-то между мирами. Холод постепенно возвратит его в тело – обжигающий, но спасительный. Потом он медленно приподнимется, шатаясь, вытерет кровь рукавом, оставляя на куртке тёмные пятна, и побредёт к трассе.

Долго будет махать руками, пока наконец не остановится машина.

Его подберут, отвезут, кто-то вызовет скорую.

Он выживет.

А через некоторое время отдаст машину в ремонт.

А ещё через год – обменяет её на мешок мака. И немного денег.

Так, словно ничего и не понял.

Словно жизнь, подарив шанс, что-то тихо прошептала – а он не стал слушать.

Но самое главное было не в аварии.

Не в машине, смятой в гармошку, не в крови на снегу и не в синяках, что потом сойдут через неделю.

Главное было в том, что случилось после.

Тимоха будет использовать эту аварию, как последний козырь.

Он станет рассказывать о ней с надрывом – с болью, самодовольством, с тщательно подобранной интонацией. Будет манипулировать этим событием, придумывая подробности, утрируя последствия, изображая раскаяние.

Будет врать. Искренне, убедительно, почти талантливо.

Он попытается сделать из этого несчастья билет обратно – в дом, в семью, в ту жизнь, где его ещё ждали.

Но бесполезно.

Семьи больше не будет.

Никогда.

31 секунда.

Вот она – развилка.

Настоящая. Не метафора, не образ – а живая, снежная, свистящая ветром развилка судьбы.

Тимоха смотрел на себя, сидящего за рулём, и отчаянно пытался понять, можно ли изменить происходящее. Хоть на миг, хоть на миллиметр – чтобы сдвинуть стрелку этого рельса, ведущего в никуда.

Мысль мелькнула внезапно: а если попробовать попасть в тело того водителя, что едет навстречу? Нажать на клаксон, ослепить фарами, заставить самого себя – того, за рулём – очнуться, вырваться из липкого забытия, убрать ногу с педали газа, сбросить скорость.

Может, тогда всё сложится иначе.

Может, машина не уйдёт в занос.

Может, жизнь не сломается о дерево.

Но внутри он уже знал – эта минута не для исправлений.

Она – для понимания.

25 секунд.

Ничего не надо делать.

Никаких рывков, никаких попыток вмешаться, спасти, менять ход событий.

Надо просто наблюдать.

Быть свидетелем.

Незримым, беспомощным, но – наконец – честным.

Смотреть на самого себя, не пытаясь удержать руль судьбы, не кричать, не сопротивляться.

Время пришло.

Эта минута уже давно записана в ткани мира, и изменить в ней ничего нельзя.

Жизнь Тимохи не свернёт – она просто продлит свою агонию ещё немного, протянет последние метры до той самой точки, где всё оборвётся.

А потом... потом он встретит Сета.

И впервые узнает, что такое Комната.

В которой он найдёт себя.

18 секунд.

Машина подскочила на трещине покрытия – едва заметный толчок, и вот уже задняя ось повела, как на катке.

Начинался занос.

Из динамиков срывались последние строки:

«Здесь город мощных машин и настоящих мужчин. Мы это знаем!»

Грустные песни закончились.

Давно.

«Кар-Мэн» гремел в салоне, хрипел басами, словно издевался над происходящим.

Тимоха скрестил руки на груди и просто смотрел.

На себя самого.

На того, кто не знал, что он не один в машине.

14 секунд.

Машина, как в замедленной съёмке, стала раскручиваться.

Ничего не менять.

Пусть всё остаётся как есть.

Без будущего, без семьи. Так будет лучше.

И для того Тимохи – за рулём, вцепившегося в руль и лениво пытающегося вывести машину из заноса.

И для этого – сидящего рядом, наблюдающего, понимающего происходящее.

Каждому – своё.

Одному – закончить.

Другому – осознать.

10 секунд.

Автомобиль, раскручиваясь вокруг своей оси, скользил по дороге, теряя сцепление с асфальтом, как с реальностью. Всё происходило стремительно, но будто в замедленной съёмке – свет фар разрезал снежный водоворот, превращая его в ослепительную спираль.

Тимоха улыбнулся.

Той самой, чуть усталой, чуть надменной улыбкой, которую он не раз видел на лице Сета.

Он перевёл взгляд на лобовое стекло.

В этом безумном калейдоскопе снега и вращающегося мира было трудно понять, что сейчас произойдёт авария.

Но внутри него стояла странная, почти нежная тишина.

Руки, сложенные на груди, не дрогнули.

Хотя где-то глубоко в теле, в каждом нерве, было желание – схватиться за руль.

Попробовать вернуть контроль.

Но он не стал.

7 секунд.

Машина, подлетев на снежной насыпи, вылетела с дороги.

Воздух завибрировал от визга шин и рёва мотора.

Тимоха снова перевёл взгляд на самого себя.

За рулём – тот же он, но другой.

Тот, кто уже ничего не чувствует.

«Это Сан-Франциско – город в стиле диско!» – выкрикнул Лемох из динамиков, перекрикивая происходящее.

5 секунд.

Тимоха за рулём был обречён. Не сейчас – сейчас ему повезёт.

Но в целом, в его жизни, в его сценарии – исход уже был написан.

Никакие аварии, никакие переломы, никакие спасения не могли его переписать.

Ни один Тимоха из Комнаты, ни в одной из минут, предоставленных ему Сетом, не смог бы вмешаться.

Ему оставался год – всего лишь один год до того, как он сделает тот самый «золотой укол» и покинет этот мир.

А пока – снег, «Кар-мэн» и дерево, вырастающее перед машиной из ниоткуда, словно поставленное специально, чтобы поставить точку.

1 секунда.

Удар.

ГЛАВА 16

“ДЕВЯТАЯ МИНУТА”

Тимоха тяжело вздохнул. Разговор с Сетом затянулся, но не из-за темы – просто слова теряли смысл. Всё важное уже было сказано, все вопросы заданы, и теперь между ними повисло то особое молчание, которое бывает между людьми, пережившими слишком многое вместе.

Сет, казалось, чувствовал это. Он не подгонял, не напоминал о дверях, не делал привычных жестов – словно понимал: спешить уже некуда. Время в Комнате текло по своим законам, и, возможно, именно сейчас оно решило замедлиться – дать им обоим передышку перед следующим шагом.

Тимоха чувствовал это тоже. Ощущал, что всё подходит к концу, что за оставшимися дверями – последние движения, последние открытия, последние удары сердца этой странной истории. Всего два путешествия. Две попытки. Два взгляда – в то, что когда-то было им, и в то, что могло бы быть.

Сет молчал, но его взгляд говорил больше слов. Он будто понимал, что Тимоха уже сам знает: каждый следующий шаг будет стоить дороже предыдущего.

– Знаешь, Сет... – тихо произнёс Тимоха, чуть опуская взгляд, будто боялся показаться сентиментальным. – Я рад, что оказался в этой Комнате. И что познакомился с тобой.

Он давно хотел сказать эти слова. Они зрели в нём, как недописанная строка, не находившая момента, чтобы прозвучать. Каждый раз, когда он пытался начать, внутри что-то останавливало – казалось, время ещё не пришло, что эта фраза прозвучит не к месту, не сейчас.

Но теперь всё совпало.

Слова сами вышли наружу – спокойно, просто, без надрыва. И, произнеся их, Тимоха почувствовал странное облегчение. Будто внутри него закрылась какая-то дверь, а в сердце тихо потеплело.

– Не знаю, почему всё сложилось именно так, – продолжил Тимоха после короткой паузы. – Почему я оказался именно в этой Комнате. Почему увидел именно тебя. Но я... благодарен. Безгранично.

Эти слова дались ему с трудом. Не из-за стыда – из-за непривычки. Он никогда никого не благодарил по-настоящему. В его жизни не было места таким словам. «Спасибо» для него всегда было бытовым, сказанным на автомате – как жест вежливости, не имеющий веса. Максимум, на что он был способен, – бросить короткое «спасибо» за дозник или за услугу, сделанную без лишних вопросов.

Но настоящих слов благодарности от него не слышал никто. Ни мать. Ни жена. Ни друзья. Никто.

И потому, когда они наконец прозвучали – пусть тихо, почти шёпотом, – в них было больше правды, чем во всех его прежних исповедях.

Свет в Комнате вдруг изменился. Тёплое сияние камина стало отливать розовым – мягким, едва ощутимым, будто кто-то поставил перед огнём тонкую японскую ширму, окрашенную закатом. Пламя играло на стенах, превращая тени в дыхание, а воздух – в нечто почти осязаемое.

Янус лениво поднял голову. Его взгляд был сонным, чуть усталым, как у существа, которое слишком многое повидало и теперь лишь с любопытством наблюдает за переменной цвета мира.

Тимоха не удивился. Внутри него всё откликнулось тихим согласием – он почему-то знал, что благодарность и должна быть именно такой. Розовой. Тёплой. Живой. Как свет, который впервые не обжигает, а греет.

– Ты как прощаешься, – улыбнулся Сет, чуть прищурившись. – У нас ещё есть время. Столько, сколько ты сам пожелаешь. Можешь не спешить.

Его голос был мягким, без тени иронии, но в улыбке всё же таилась привычная ухмылка – та, что всегда скрывала за собой больше, чем позволяла показать. Однако теперь за ней можно было рассмотреть другое: радость. Настоящую, искреннюю. Он действительно был рад.

Рад – не потому, что Тимоха наконец произнёс слова благодарности, а, возможно, потому, что тот перестал сопротивляться. Перестал рваться исправить прошлое, переделать неизменное, бороться с самим собой. Рад, что Тимоха впервые остановился – не в бегстве, не в страхе, а в понимании.

Может быть, Сет радовался и за то, что Тимоха увидел буду-

щее – своё, живое, полное любви – и смог почувствовать то, чего раньше не знал вовсе. А может, дело было в другом.

Может, впервые за всё время существования Комнаты Сет увидел в Тимохе не путника, не душу, пришедшую в темноте на излёте своего пути.

Он увидел в нём человека.

Живого. Осознавшего. Принявшего.

И, может быть, впервые – друга.

В Сете было что-то особенное – удивительное сочетание мудрости и лёгкой, почти ласковой иронии. Такой баланс Тимоха никогда раньше не встречал. Мудрость у него всегда ассоциировалась с другим человеком – с дедом. Тем самым, в честь которого отец когда-то назвал его Тимофеем.

Дед был из поколения, о котором теперь говорят с благоговейным уважением. Прошёл всю войну, выстоял, выжил – и даже после неё продолжал служить. Не ради звёзд или погон, а просто потому, что по-другому не умел. В нём жила та самая тихая, настоящая сила, которая не требует доказательств. И вместе с ней – знание. Настоящее, простое, человеческое.

Маленький Тимоша боготворил деда. Он был его героем, его миром, его самым главным учителем. Они часто уходили вдвоём в лес – не просто гулять, а путешествовать по особым маршрутам, известным только им двоим.

Дед рассказывал истории: о войне, о том, как во время боя ему прямо в окопе из виска извлекали осколок; о людях, о жизни, о том, что важно помнить и чего нельзя бояться.

А Тимоша слушал, широко раскрыв глаза, впитывая каждое слово, словно оно было заклинанием, открывающим тайную дверь в знания мира.

Это было удивительно доброе время.

Чистое, как утренний воздух после летнего дождя.

Когда всё впереди, и кажется – жизнь бесконечна, а любые трудности всего лишь игра.

– Сет... – тихо сказал Тимоха. – Я очень скучаю по тем, кого уже никогда не увижу.

По тем, кто ушёл ещё при моей жизни.

По тем, кому я не успел сказать самое важное.

Как я их любил.

Он опустил взгляд, будто слова сами находили дорогу наружу, не спрашивая разрешения.

– По деду... по бабушкам, – продолжил он. – Знаешь, я часто думаю о них. Они были для меня всем. Частичками чего-то настоящего. И теперь, когда я понимаю, как мало я им сказал, как часто просто молчал... – он замолчал на миг, сглотнув ком в горле. – Это больно.

Тимоха вздохнул, провёл ладонью по лицу, будто хотел стереть с него воспоминания.

– Но, знаешь, я скучаю не только по тем, кого уже нет. Я скучаю и по живым, – он махнул рукой в сторону дверей. – По тем, кто остался там. В мире, из которого я пришёл.

Он произнёс это с неожиданной мягкостью, будто сам удивился тому, что чувствует.

– По сыну... по родителям... по всем, кто ещё жив, но уже далеко. Я им не сказал многого. Того, что должен был.

Слова текли свободно, будто что-то внутри наконец прорвалось.

Как будто все годы молчания спрессовались в один поток – тёплый, болезненный, чистый.

Волна сожаления и любви поднималась всё выше, и Тимоха не пытался её сдерживать.

Он говорил.

Просто говорил – впервые не оправдываясь, не объясняя, не защищаясь.

Говорил, потому что не мог больше молчать.

– Почему, Сет... – голос Тимохи прозвучал почти шёпотом. – Почему мы понимаем всё это только в самом конце?

Когда уже нельзя позвонить. Нельзя обнять. Нельзя сказать самое важное.

Почему мы держим в себе слова, которые должны быть сказаны первыми? Вовремя. Почему всё время ждём – «ещё чуть-чуть», «потом», «не сейчас»?

Мы будто верим, что будет правильный момент. Удобный. Подходящий.

А он не приходит.

И остаётся только тишина... и сожаление.

Он замолчал.

В этой тишине даже огонь в камине потрескивал мягче, будто не хотел нарушать его мысль.

– На эти вопросы нет точного ответа, – спокойно произнёс Сет.

Он потянулся к столу, взял сигару, прикурил и медленно затянулся.

Пламя на мгновение осветило его лицо – усталое, сосредоточенное, будто он произносил не просто слова, а истину, известную ему уже тысячи лет.

Он выдохнул – и в пространство Комнаты поплыл густой клуб дыма, переливающийся в свете камина розоватым оттенком.

– Такова природа человека, – продолжил он. – Прятаться в себе. Прятать чувства, слова, слёзы.

Кто-то понимает это ещё при жизни – и пытается успеть.

А кто-то, как ты, осознаёт всё уже на краю. На смертном одре.

И, знаешь, – Сет сделал короткую паузу, глядя в дым, – сожалеют все.

Просто одни – о том, что долго молчали, а другие – о том, что ни разу не сказали самое важное.

Он замолчал, позволив тишине снова заполнить Комнату.

Дым поднимался вверх, растворяясь в воздухе, как сожаления – в вечности.

– Я пойду, – тихо сказал Тимоха, кивнув в сторону двери.

Он говорил спокойно, без страха. – Может быть... у меня ещё будет возможность сказать что-то важное. Тем, кого я увижу за дверью.

Сет улыбнулся. Улыбка вышла тёплой, без привычной иронии.

– Ты сам того не заметил, но уже сказал очень важное, – произнёс он. – Мне.

Он сделал короткую паузу, затянулся и продолжил:

– Слова благодарности. Чистые. Настоящие. Искренние.

И это действительно важно.

Сет посмотрел на Тимоху долгим, внимательным взглядом.

– Ты меняешься, – сказал он тихо. – Хотя и поздно, но всё же.

Ты нашёл себя. Не там, где привык искать – не в прокуренной квартире, пропахшей уксусом и растворителем. Не в грязном при-
тоне, где на полу валяются серые, безликие тени, не помнящие даже своих имён.

А здесь.

В этой Комнате.

Он улыбнулся чуть шире, будто сам не ожидал от себя такой мягкости.

– У тебя появился шанс закончить этот путь свободным, Тимофей.

И, знаешь... – Сет поднял взгляд к потолку, где дым от его сигары уже растворился в темноте, – я этому действительно рад.

Тимоха поднялся с дивана и посмотрел на Януса.

Пёс лежал на ковре, вытянув лапы, и выглядел так, будто не собирался вставать.

Тимоха произнёс едва слышно, как близкому, как равному ему:

– Друг... приготовься. Нам осталось не так много. Всего две минуты.

Янус приоткрыл один глаз – тот самый, янтарный – и снова закрыл.

И всё же Тимоха почувствовал, что тот понял.

Он прошёл мимо и подошёл к двери.

Чёрное полотно отражало его силуэт в мягком розовом свете, который разливался по Комнате всё гуще, как вечернее небо перед рассветом.

Этот цвет словно дышал теплом, исходящим не от камина – от него самого.

СВОБОДА ЧЕРЕЗ ПРИНЯТИЕ.

Слова прозвучали в его голове голосом Сета.

Тимоха улыбнулся своему отражению.

Улыбнулся без грусти.

Он посмотрел назад – Янус уже стоял в стойке.

В его позе было величие, в глазах – вечность.

Раздался вой.

Глубокий, протяжный, древний – вой Повелителя Дверей.

Полотно двери дрогнуло, словно от дыхания живого существа.

Тимоха стоял напротив, не отводя взгляда, чувствуя, как внутри что-то сжимается – не страх, не сомнение, а тихое, ясное знание: сейчас он переступит черту.

Он закрыл глаза и шагнул навстречу.

Дверь медленно, почти с неохотой, начала открываться внутрь.

В будущее.

В то самое будущее, которого уже не будет у человека, готового сейчас пересечь границу.

Он шагнул, не желая видеть, в какую сторону качнулось полотно, – просто доверившись движению, как будто само пространство вело его вперёд.

Тело окутала вязкая, переливающаяся серебром дымка – словно сама материя времени сжималась вокруг него, готовясь выбросить наружу.

Раздался глухой толчок, будто удар изнутри. Вспышка.

Пространство взорвалось белым светом – не тёплым, не живым, а холодным, стерильным, ослепляющим, как лезвие скальпеля или сияние лампы над операционным столом.

Этот свет не грел – он прожигал.

Тимоха понял – даже с закрытыми глазами.

Это будущее.

То самое, где всё сложилось иначе. Где он – другой. Целый. Настоящий.

Эту вспышку, этот внутренний хлопок невозможно было перепутать ни с чем: так начинались только минуты из будущего.

Свет вдруг потускнел.

Он не исчез – просто стал мягче, словно кто-то убавил яркость реальности, вернув её к человеческой норме.

Тимоха осторожно открыл глаза.

59 секунд.

Он стоял на знакомой тротуарной дорожке – узкой, в мелких трещинах, выложенной в то время, когда Тимоха ещё жил с родителями.

По бокам росла старая сирень, в чьей тени он когда-то прятался от солнца, когда был ребёнком.

Воздух был свежим, пахнул весной, землёй и чем-то до боли родным.

Дорожка тянулась вдоль дома, того самого, где когда-то прошло всё его детство.

Но теперь здание выглядело иначе. Совсем иначе.

При жизни Тимохи это была обычная двенадцатизэтажная панельная коробка – серая, безликая, таких по городу сотни. Дом, который невозможно отличить от соседних, будто его собирали по шаблону, не задумываясь о душе здания.

А сейчас... он был другим.

Панели словно обновили, придав им мягкий оттенок пыльного

бежа. Балконы стали ровными, аккуратными, окна – будто светились изнутри.

И в этом свете, в новых линиях, чувствовалась какая-то удивительная индивидуальность, тонкая, почти неуловимая красота.

Не показная, не архитектурная – человеческая.

Как будто дом жил новой жизнью, но всё ещё помнил старую. Так же, как и Тимоха.

Но самое главное заключалось не в доме, а в том, что он был там не один.

Рядом стоял парень – высокий, с широкими плечами, с тёмной кожей и густой чёрной шевелюрой, растрёпанной лёгким ветром.

Его профиль был до боли знаком: в каждом движении угадывалось что-то из прошлого – из того, что Тимоха давно и мучительно хранил в себе.

Он не сразу осознал, что именно его так поразило. Просто смотрел, чувствуя, как внутри начинает подниматься волна – не воспоминания, не удивления, а чего-то глубже, похожего на боль, смешанную с теплом.

Когда парень повернул голову, всё стало ясно.

В этом взгляде – прямом, чуть настороженном, с тихой уверенностью – он узнал своего сына.

Не ребёнка, каким видел его в последний раз, когда забирал на выходные к себе, а взрослого, почти мужчину.

Взрослого настолько, что в нём уже угадывался характер, осознанность, та сила, которой не бывает у мальчиков.

54 секунды.

– Дима! – вырвалось у Тимохи прежде, чем он успел подумать.

Звук сорвался слишком резко, почти с криком, и оборвался где-то в горле, потому что дыхание перехватило.

Мир будто сузился до одной точки – этого имени, произнесённого вслух после вечности тишины.

Парень повернулся полностью. Его глаза – глубокие, тёплые, живые – встретились с глазами Тимохи.

И вдруг он улыбнулся.

Не настороженно, не растерянно, а как улыбаются те, кто всё понимает без слов.

Он сделал шаг вперёд – спокойно, без спешки – и положил руку на плечо Тимохи.

Простой жест – лёгкий, почти невесомый. Но в нём было столько тепла, что внутри всё дрогнуло.

В груди что-то расплавилось, дыхание стало неровным, и мир вокруг поплыл – не от слабости, а от того ощущения, которого Тимоха никогда не знал.

Это было то самое, забытое, давно потерянное чувство – настоящее, живое, человеческое счастье.

С рождением сына у Тимохи появился не только новый смысл жизни, но и новый страх – глубокий, почти животный.

Он боялся повторить судьбу своего отца.

Боялся стать таким же – далёким, холодным, чужим.

Всю жизнь он мечтал, что если у него когда-нибудь появится ребёнок, он обязательно станет другим отцом: внимательным, любящим, настоящим другом, тем, кто всегда рядом.

Он представлял, как будет гулять с сыном во дворе, учить кататься на велосипеде, читать книги перед сном, смеяться, обнимать, просто быть.

Но реальность оказалась безжалостнее любых обещаний самому себе.

Всё пошло не так, как он хотел.

Жена выгнала его, когда Диме было всего два года.

И даже эти два года трудно было назвать настоящим отцовством.

Сын вроде бы был рядом – физически, по документам, на фотографиях, – но на деле его почти не было.

Его место занимали мутные знакомые, поиски, лихорадочные пробежки по улице в аптеку, «варки», срывы, обещания, которые он не помнил утром.

Наркотики стали тем демоном, что выкрал у него не только жизнь, но и семью.

Они вытягивали из него всё человеческое, оставляя лишь оболочку – мужчину, который хотел быть отцом, но так и не смог.

И с каждым новым уколом между ним и сыном вырастала пропасть, которую уже нельзя было преодолеть словами или извинениями.

Когда они стали жить порознь, всё сложилось именно так, как он когда-то клялся себе не допустить.

Он стал своим отцом.

Тем самым человеком, которого всю жизнь где-то глубоко в себе презирал за холод и равнодушие.

Сначала всё выглядело почти прилично – встречи по выходным, звонки, бесконечные подарки.

Он пытался сохранять образ присутствия, быть тем самым «папой, который старается».

Но потом стали появляться дела.

Сначала редкие, потом всё чаще.

Сначала одно оправдание, потом другое.

«Не успел», «не смог», «надо было по работе» – слова, которые он когда-то слышал сам, теперь слетали с его губ легко, бездумно, почти автоматически.

А где-то там, в их старой квартире, маленький Дима ставил перед входной дверью табуретку и ждал.

Каждую субботу.

Он садился, подтягивая колени к груди, и слушал звуки в подъезде.

Каждый шаг, каждый скрип, каждый звук лифта заставлял его сердце биться быстрее.

«Папа приехал».

Но шаги проходили мимо.

Лифт поднимался на другой этаж.

И вечер снова опускался во двор, тянув за собой детское молчание, похожее на ожидание, которое уже знает свой конец.

Тимоха слишком хорошо знал это чувство.

Он помнил, как сам когда-то сидел у окна, прислушиваясь к каждому звуку во дворе.

Помнил, как сердце подсказывало от радости, когда казалось, что вот – знакомый силуэт, знакомая походка, шаги, которых он ждал всю неделю.

Он ждал отца с тем же трепетом, с каким дети ждут чуда – условно, искренне, со всей силой маленькой души, которая ещё не знает, что взрослые часто делают по-своему.

Но чудо не случалось.

Отец не приезжал.

Иногда звонил – усталым, отстранённым голосом, обещая «в следующий раз».

Иногда просто исчезал на недели.

И тогда Тимоха, не находя объяснения, начинал верить, что, наверное, он сам в чём-то виноват.

Что, может быть, плохо себя вёл.

Что, может, не заслужил.

Эта детская обида жила в нём годами.

Тянулась нитями сквозь всё – через подростковую злость, юношеский вызов, взрослую боль.

Обида без объяснения. Без права спросить и без возможности простить.

И теперь, не замечая, он сам дарил это самое чувство своему сыну.

То, чего всю жизнь хотел избежать, стало его собственной привычкой.

Он передавал дальше ту самую боль – как эстафету, как невидимое наследство, которое никто не хочет получать, но всё равно забирает.

Только теперь это уже был не маленький Тимоша, а маленький Димка – сидящий у двери, ждущий, не задающий вопросов.

48 секунд.

Тимоха смотрел на сына, который стоял к нему максимально близко.

Прямо в его карие глаза, пытаюсь прочитать в них его душу.

– Папа... – голос Димы прозвучал тихо, с лёгкой хрипотцой, как у подростков, у которых голос только начинает ломаться.

В этих двух слогах было всё: нежность, неуверенность и что-то по-детски наивное.

Он не успел ответить.

Слова сына, простые и неуловимо повзрослевшие, ударили прямо в солнечное сплетение, заставив его невольно вздрогнуть.

– Знаешь, – продолжил Дима, глядя прямо в глаза, – когда у меня будут дети, я хочу быть для них таким же отцом, как и ты для меня.

Тимоха замер.

Он понял.

Он точно понял, что у этого Тимохи, в чьём теле он оказался, всё сложилось иначе.

Он смог остаться рядом с сыном – не потеряв его, не бросив, не растворившись в тумане зависимости и лжи.

И теперь этот взрослый, уверенный подросток, стоявший перед ним, говорил эти слова не из жалости, не по инерции, а потому что действительно верил в них.

Потому что знал, каким был его отец – настоящим.

Эти слова были не просто признанием.

Они стали прощением.

И благословением.

У Тимохи задрожали губы.

В горле пересохло, будто внутри него разом поднялась вся накопленная за жизнь боль.

Он хотел ответить, но не смог.

Только кивнул – тихо, осторожно, боясь завершить эту минуту.

41 секунда.

Тёплый весенний ветер коснулся лица, тронул волосы, пронёсся по двору, где просыпалась жизнь.

Из-за лёгких облаков выглянуло солнце – мягкое, золотистое, неяркое, но живое.

Оно осветило всё вокруг – дом, деревья, детскую площадку, – и, кажется, даже воздух стал прозрачнее.

Но ни один солнечный луч не мог согреть так, как только что сказанные сыном слова.

– Сын... – начал Тимоха, и голос его дрогнул.

Он хотел говорить спокойно, но фразы будто проходили сквозь боль, застревая в горле.

– Я не самый лучший отец...

Он опустил глаза, посмотрел на свои ладони, будто ища в них оправдание.

– Я мог быть лучше. Намного лучше.

Эти слова дались тяжело.

Не потому что он их не чувствовал – наоборот, потому что слишком чувствовал.

Они будто вырывались из глубины, из того самого места, где долгое время хранилось чувство вины.

Дима повернулся к нему, слегка нахмурившись, но в его взгляде не было укора – только удивление, словно он услышал что-то странное и неправдоподобное.

Он убрал руку с плеча Тимохи и сказал спокойно, с той безусловной уверенностью, которая бывает только у детей:

– Нет, папа. Ты самый лучший.

Простая фраза.

Без долгих раздумий.

И именно поэтому – самая настоящая.

К горлу Тимохи подкатил предательский ком.

Горячий, плотный.

Он сглотнул, но стало только хуже – дыхание сбилось, а глаза зашипало.

Он отвёл взгляд, будто стеснялся.

Но было поздно.

Всё, что он когда-то не позволял себе чувствовать, – прорвалось.
35 секунд.

– Пап, мне надо ехать, – сказал Дима и неловко махнул рукой в сторону остановки автобуса. Было похоже, что ему становится немного неловко.

– Давай я тебя провожу, – тихо сказал Тимоха, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он знал – время утекает.

Чувствовал это каждой клеткой, как чувствуют песчинки, осыпающиеся сквозь пальцы.

Ему хотелось задержать эту минуту, растянуть её, остановить – хоть на миг.

Просто постоять рядом, слушать дыхание сына, видеть, как на солнце блестят пряди его тёмных волос, как в глазах живёт тот самый огонёк, который он не успел увидеть при жизни.

Хотелось всё – и сразу: обнять, сказать, что любит, что гордится, что помнит каждое мгновение, когда держал его маленького на руках.

Хотелось попросить прощения, рассказать, как больно было всё это время, – но слова не шли.

30 секунд.

Он лишь шагнул вперёд, и Димка кивнул, принимая предложение без лишних слов.

Они пошли по дорожке вдоль двора, и Тимоха чувствовал – каждая секунда стоит целой вечности.

Полминуты.

Полминуты рядом.

Полминуты смотреть на сына, которого он никогда больше не увидит таким – взрослым, уверенным, живым.

Он шёл и не знал, как прощаются, когда не хочешь отпускать.
20 секунд.

Тимоха шагал, не сводя взгляда с сына.

Казалось, он пытался запомнить каждую деталь, врезать этот образ в память – как сделать фотографию, чтобы потом снова и снова возвращаться к нему, даже там, где времени больше не будет.

Он смотрел на то, как Дима изменился – не только внешне, но и внутренне.

В этом юноше уже не было ребёнка, которого он когда-то убаюкивал и носил на плечах.

Перед ним шёл взрослый, уверенный парень, с открытой осанкой, твёрдой походкой, с тем выражением лица, где соединились спокойствие и сила.

И от этого становилось невыносимо хорошо и больно одновременно.

Он шёл и смотрел, будто боялся моргнуть – чтобы не потерять ни секунды, ни черты.

Так смотрят на чудо, которое когда-то сотворил сам, не осознав, насколько оно велико.

7 секунд.

Тимоха внезапно остановился.

Сердце сжалось – он понял, что больше ждать нельзя.

Что если не сейчас, то уже никогда.

Он резко обернулся, шагнул к сыну и обнял его.

Крепко, по-настоящему – так, как не обнимал никого всю жизнь.

Прижал к себе, вдохнул запах – солнце, весна, немного табака и шампуня, которым пахнут подростки, спешащие повзрослеть.

Поцеловал в щёку – неловко, как будто снова держал на руках того самого маленького Димку, двухлетнего, с открытой улыбкой и безусловной верой, что папа всегда рядом.

3 секунды.

– Спасибо, сын... – выдохнул он, чувствуя, как голос предательски дрожит.

Слова были неуместны, случайны, сказаны вместо тысяч других, – но в них была вся правда.

И благодарность.

И любовь.

И прощение.

1 секунда.

Он чуть отстранился, посмотрел в глаза и тихо, почти шёпотом сказал:

– Я скучаю.

Мир вокруг дрогнул.

ГЛАВА 17

“ПРОЩАНИЕ”

Каждый раз, когда Тимоха возвращался в Комнату, ему требовалось несколько минут, чтобы прийти в себя после увиденного за дверью. Это было похоже на пробуждение после слишком яркого сна – тот момент, когда сознание ещё не вернулось, а чувства всё ещё живут где-то там, по ту сторону.

Не имело значения, куда он попадал – в прошлое или будущее. Каждый раз это было испытание. Каждое путешествие оставляло след – глубокий, будто ожог, который не виден глазу, но жжёт изнутри.

Шок был не только от увиденного, но и от того, что приходилось чувствовать.

Комната словно заставляла проживать заново всё то, от чего он когда-то бежал: боль, вину, нежность, сожаление, любовь. И возвращаясь, Тимоха ощущал, будто из него вырвали часть, заменив её чем-то новым – чужим, но по-своему светлым.

Он садился на свой диванчик, закрывал глаза и просто дышал. Несколько долгих, глубоких вдохов – чтобы ощутить снова этот воздух, этот запах камина, эту тишину, где даже пламя потрескивало с уважением.

Комната не торопила.

Она знала – ему нужно время.

Но времени за дверями больше не осталось.

Только одна – последняя минута.

И именно последняя, а не «крайняя», как любят говорить, обманывая себя надеждой, что всё ещё можно повторить. Нет – эта минута была финальной точкой, за которой оставалось лишь решение.

Дальше нужно было выбрать: остаться здесь, в Комнате, рядом с Сетом и Янусом, растворившись в этом вечном полумраке, где нет боли и страха, или стереть память и начать всё заново – в новом теле, в новом времени, в другой жизни, ничего не помня о том, что было прожито.

Но ответа у Тимохи не было.

Он сидел, глядя на пламя, и чувствовал, как мысли кружат в голове, сталкиваясь друг с другом, как птицы в клетке. Каждый раз

после возвращения из-за двери его решение менялось – то одно, то другое.

Иногда ему казалось, что проще всё забыть: стереть память, очиститься, снова вдохнуть воздух жизни, пусть даже ценой потери всего, что он понял.

А потом – наоборот. Хотелось остаться, не отпускать воспоминания, не предавать всё то, что он только что прожил – лица, голоса, детские руки, запахи. Всё то, что делало его человеком, а не просто тенью в подземном переходе.

Эта колеблющаяся грань между забвением и памятью, между покоем и болью, казалась теперь самым трудным выбором во всей его жизни.

Сет сидел в своём кресле, чуть откинувшись на спинку, и внимательно смотрел на Тимоху. Его взгляд был глубоким, сосредоточенным, будто он пытался подобрать слова, но каждая мысль проходила через внутренний фильтр – тяжёлый и жёсткий. Со стороны могло показаться, что он вот-вот заговорит, но сдерживает себя, выверяя каждую фразу, словно понимал, что сказанное сейчас останется в вечности.

В этот момент в нём было что-то величественное.

Не показное – не как в позе человека, уверенного в себе, а как в присутствии существа, которое слишком долго знает всё в этом мире. Казалось, он стал выше ростом, словно пространство вокруг чуть сместилось, подчёркивая его фигуру.

Черты лица обрели резкость и ясность – тени ушли, уступая место чётким линиям, как будто кто-то незримый поднял разрешение реальности до предела.

Тимоха вдруг вспомнил кадры из «От заката до рассвета» – только не на старом экране с воспроизведением с видеомэгнитофона, а в новом, отреставрированном варианте: с насыщенными красками, идеальной контрастностью, где каждая частица света обретает смысл.

Свет в Комнате тоже изменился.

Он стал ярче, живее, будто кто-то добавил к огню камина невидимые прожекторы – мягкие, расставленные по углам. Они не слепили, не ломали тени, а лишь подчёркивали детали: блеск на столе, глубину глаз Сета, движение дыма от его сигары.

Всё вокруг дышало ощущением предстоящего откровения.

Будто сама Комната затаила дыхание.

Сет слегка кивнул, будто сам себе что-то подтвердил – как человек, наконец нашедший нужные слова. Его движения были размеренными, почти ритуальными: он потянулся к столу, взял одну из сигар, аккуратно прокатил её между пальцами, поднёс к губам и прикурил. Пламя на мгновение озарило его лицо – и в этом отблеске было что-то окончательное, как в кадре, где начинается последняя сцена фильма.

– Тимофей, – произнёс он, медленно выпуская дым. Его голос звучал мягко, но в нём чувствовалась та особая глубина, от которой воздух в Комнате будто стал гуще. – Помнишь, в начале нашего знакомства я сказал, что у меня будет к тебе всего один вопрос. Один-единственный, на который тебе придётся ответить.

Он сделал короткую паузу, затянулся ещё раз, а потом добавил:

– Время пришло.

Тимоха напрягся.

Эта фраза, произнесённая почти буднично, ударила сильнее, чем если бы Сет закричал. Он вдруг вспомнил тот разговор – смутный, как сон, но отчётливо помнил интонацию, с которой Сет тогда сказал о своём вопросе. Тогда это показалось игрой, загадкой, некой абстрактной формальностью.

Но теперь – нет. Теперь это звучало как приговор.

Он медленно кивнул, чувствуя, как внутри всё сжимается.

– Да... помню, – тихо сказал он.

Повисла тишина. Настоящая, живая тишина – та, в которой даже дыхание кажется лишним.

Казалось, что даже Янус, лежащий у камина, перестал моргать. Комната застыла, ожидая.

Сет медленно выпустил струю дыма, и она, извиваясь в воздухе, потянулась вверх, растворяясь в свете камина. Его голос стал ниже, плотнее, будто каждый звук был отлит из металла.

– Сейчас, Тимофей, – сказал он спокойно, – ты находишься на пороге своей последней минуты жизни.

Он говорил без осуждения, без надменности – как врач, сообщающий диагноз, который пациент давно знает сам.

– В твоём мире, там, за границей этой Комнаты, твоё тело лежит на полу. Холодный линолеум под щекой. Шприц рядом с рукой. Пустая миска на кухне греется на старой электрической плитке.

Он сделал паузу.

Дым от сигары растянулся между ними, будто разделяя два мира – тот, где Тимоха уже умирает, и этот, где он всё ещё может говорить.

– И вот теперь, когда все твои дороги закончились, когда ни одна привычная тропа больше не ведёт никуда, – продолжил Сет, – скажи мне: если ты войдёшь в последнюю дверь и после неё начнёшь новую жизнь...

Как бы ты хотел её прожить?

Он чуть подался вперёд, глаза блеснули в свете камина.

– Что ты выберешь, Тимофей? Какая будет твоя цель? В чём будет смысл твоей жизни, если тебе дадут ещё один шанс?

Слова повисли в воздухе. Комната снова наполнилась тишиной. Тимоха задумался.

Долгая пауза растянулась между ним и Сетом, но она уже не была неловкой – скорее, наполненной.

В этой тишине было дыхание всех минут, прожитых в Комнате, всех разговоров, всех прозрений и всей боли, что осталась за дверями.

За это время многое изменилось.

Комната, восприятие, сам смысл пребывания здесь – но сильнее всего изменился он сам.

Всё, что когда-то казалось очевидным, рассыпалось.

Всё, что казалось бессмысленным, – наоборот, обрело форму.

И сейчас, глядя на Сета, на огонь, отражающийся в разных глазах Януса, Тимоха почувствовал: этот вопрос – не испытание. Это итог.

Он хотел ответить коротко, просто. Без философии, без красивых формулировок. Так, чтобы каждое слово было честным.

Но нужные слова не приходили сразу. Они рождались медленно – как будто внутри него кто-то собирал фразу по кусочкам, аккуратно, с вниманием.

Мысль за мыслью, кирпичик за кирпичиком.

Он глубоко вдохнул, выдохнул – и сказал:

– Смысл моей будущей жизни – качественно прожить как можно больше счастливых дней и моментов, от которых захватывает дух, принося пользу людям и путешествуя по миру, даря радость и лёгкость.

Эти слова прозвучали просто. Без притворства.

Но в них было всё.

То, чего он никогда раньше не мог сказать.

И то, кем он наконец стал.

Сет прикрыл глаза, и на его лице появилось то редкое выражение, в котором сплетаются удовлетворение и покой.

Казалось, он услышал именно тот ответ, который должен был прозвучать. Слово в слово.

Он кивнул – медленно, как человек, завершающий долгий путь мысли.

– Знаешь, Тимофей, – произнёс он мягко, почти шёпотом, – ты не смог изменить прошлое. И, возможно, не должен был.

Но ты изменил себя.

Здесь. В этой Комнате.

И именно в этом – твоя победа.

Сет открыл глаза. Пламя камина отражалось в них, будто в зеркалах, в которых можно было увидеть весь путь Тимохи – от боли к осознанию, от отчаяния к свободе.

– Ты стал свободным, – продолжил он. – Не потому что открывались двери, а потому что ты перестал от них зависеть.

Он немного приблизился, и его голос стал глубже, как будто слова шли не из уст, а прямо из пространства Комнаты:

– И самое главное, – Сет сделал паузу, позволив тишине наполниться смыслом, – ты научился ценить самое дорогое. То, о чём я говорил тебе в самом начале.

Он выдохнул дым, и тот, завиваясь тонкой лентой, растворился в свете.

– Время.

Он посмотрел на огонь, будто считывая из пламени числа.

– В жизни человека в среднем около сорока миллионов минут, – произнёс он размеренно, – и именно из-за этого количества люди перестают их ценить. Им кажется, что впереди – бесконечность, что можно откладывать слова, чувства, мечты. Они тратят минуты, как мелочь из кармана, забывая, что это и есть их жизнь.

Он перевёл взгляд на Тимоху.

– А ты, – сказал он тихо, с лёгкой улыбкой, – прожил, именно прожил, девять минут.

И понял больше, чем те, кому отпущены десятилетия.

Пламя отразилось на лице Сета, делая его черты мягче, почти человеческие.

– Ты прожил девять разных жизней, Тимофей.

И каждая из них длилась всего одну минуту.

Но ты прожил их так, как другие не проживают и целой жизни.

Он замолчал, позволяя словам осесть, как пепел сигары на краю пепельницы.

– Если бы люди научились ценить каждую минуту своей жизни так, как ты – каждую из своих...

Сет улыбнулся – устало, но с теплом.

– Тогда, пожалуй, сама жизнь обрела бы ту самую ценность и целостность, которой всем так не хватает.

– Сет, – тихо произнёс Тимоха, – ты можешь кое-что для меня сделать?

Сет приподнял брови.

Не удивлённо – скорее с любопытством, будто ожидал этого вопроса, но не знал, каким он будет.

– Говори, – ответил он спокойно, откинувшись в кресле.

Тимоха сделал вдох, затем выдохнул – медленно, как перед прыжком.

– Ты можешь... когда будешь стирать мне память...

Он сделал паузу, подбирая слова, и в голосе его зазвучала та особая просьба, где страх и надежда неразделимы.

– Оставить несколько воспоминаний. Не чётких, не цельных – просто образы.

Он на секунду закрыл глаза.

– Сына... и дочери, – произнёс он едва слышно. – Той, которая могла бы у меня быть.

Сет чуть наклонил голову.

В его взгляде промелькнула тень – не сожаления, а понимания.

– Может быть, – продолжил Тимоха, – если они появятся в моей новой жизни...

Он замолчал, и только губы едва заметно шевельнулись.

– Может, я смогу их узнать. Не умом, не памятью – а сердцем.

– К сожалению, это невозможно, Тимофей, – произнёс Сет после короткой паузы.

Голос его звучал мягко, но в нём не было ни капли сомнения.

Он говорил так, как говорит человек, не просто знающий ответ, а проживший его тысячи раз.

– Когда человек начинает новую жизнь, – продолжил он, глядя прямо на Тимоху, – он начинает её с чистого листа.

Без памяти, без шрамов, без следов того, что было прежде.

Таковы правила.

Он откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза, словно всматриваясь в самую ткань времени.

– Иногда, – добавил он, – случаются дежавю.

Мгновения, когда кажется, будто всё это уже было.

Иногда во сне мелькает лицо, знакомое до боли, или место, которого ты никогда не видел, но знаешь, что оно твоё.

Это – не память.

Это отклик души.

Но такие случаи редки.

Очень редки.

Он посмотрел на Тимоху с лёгкой грустью, в которой сквозило понимание – и сострадание.

– Поэтому – нет. Я не смогу так сделать.

Тимоха опустил голову.

Он не удивился.

Будто знал этот ответ заранее.

Но всё равно решил попробовать – вдруг.

Вдруг в этот раз случится чудо.

Он тихо выдохнул, принимая сказанное.

В этом вздохе не было разочарования – только лёгкая грусть и тихое примирение.

Он сделал всё, что мог.

Даже если это был всего лишь последний, невозможный шанс.

– Давай я кое-что тебе лучше расскажу, чего ты не понял за эти девять минут, – Сет умело ушёл от продолжения разговора про воспоминания и перевёл тему в сторону, которая сразу же заинтриговала Тимоху.

– Ты мог осознать, Тимофей, – спросил Сет, медленно поднимая взгляд, – что все чудеса, что случались в твоей жизни... они не были случайностями?

Он говорил тихо, почти шёпотом, и каждое слово будто впитывалось в стены Комнаты, растворяясь в мягком свете.

– Кто-то вмешивался. Кто-то помогал тебе. Не Бог, не судьба – люди. Те, кто проходил через то же, что и ты сейчас. Те, кто когда-то уже стоял в своей условной Комнате и входил в свои двери.

Он сделал короткую паузу, чтобы Тимоха успел осознать сказанное.

– Вспомни, – продолжил он. – Твою мать.

Тот день, когда ты лежал в своей комнате, умирая от передозировки метадона.

Когда тело уже не слушалось, когда мир начал расплываться, а дыхание стало редким и тяжёлым.

Она зашла в комнату в тот самый миг, когда время уже почти закончилось.

Заглянула – будто кто-то подтолкнул её, заставил подняться и пойти к тебе.

Если бы она опоздала на минуту – ты бы не очнулся.

Тимоха молчал. Его руки дрожали, а на лице отражалось приятие – не логическое, а внутреннее, глубинное.

– Или тот день, – Сет чуть приблизился, – когда тебе было двенадцать.

Ты выбежал на трамвайные пути.

Ты уже сделал шаг – и тогда мужчина, стоявший рядом, успел схватить тебя за шиворот, отдёргнуть, спасти.

Ты даже не увидел его лица. Только руку – крепкую, с часами «Луч» на запястье.

Ты ведь тогда подумал, что это просто чудо.

Он на мгновение замолчал, будто прислушиваясь к чему-то невидимому.

– А это был водитель трамвая. Тот самый.

Тот, кто в другой жизни, в другой временной линии, в своём последнем путешествии через свои двери оказался в прошлом.

В тот самый день, когда сбил мальчика на трамвае.

Он проживал свои последние минуты – и у него появился шанс всё исправить.

И время позволило.

Он вернулся – чтобы спасти тебя. Но не поменять свой сценарий.

Сет медленно выдохнул.

– Таких моментов было немного, – сказал он. – Но они были.

Каждый раз, когда ты стоял на грани, кто-то – где-то – протягивал руку.

Не ангел. Не Бог. Просто чья-то душа, которая тоже когда-то стояла перед выбором.

– Они помогали тебе, Тимофей.

Чтобы ты дошёл. Чтобы ты смог дожить до этой Комнаты.

Он замолчал.

В камине что-то хрустнуло, как будто огонь подтвердил его слова.

А Тимоха сидел неподвижно, с побелевшими пальцами, вцепившимися в подлокотники диванчика, и в его взгляде смешались ужас, благодарность и осознание.

– Значит... я был не один, – прошептал он.

– Никогда, – ответил Сет. – Никто из вас не бывает один.

Для Тимохи это стало настоящим инсайтом.

Не просто очередным пониманием – откровением. Тем самым, что разрывает привычное восприятие реальности и заставляет увидеть всё иначе.

Он долго ощущал это где-то глубоко внутри, почти на уровне интуиции, но только сейчас, после слов Сета, всё сложилось.

Мозаика его жизни – странная, рваная, полная боли и чудес – наконец обрела форму.

Каждый случай, каждая «случайность», каждая спасительная мелочь вдруг встала на своё место.

Он словно увидел сверху переплетение человеческих судеб, душ, времён – как будто всё это было частью одного огромного калейдоскопа, где свет истины преломляется в каждом осколке.

И все эти души, все эти люди, которых он когда-то встречал, теперь казались ему не случайными прохожими, а звеньями единой цепи.

Тимоха застонал. Не от боли – от осознания.

Он прижал ладони к лицу, стараясь переварить это открытие, но в груди будто распахнулась бездна.

Он судорожно начал перебирать в памяти все моменты, которые раньше казались ему чудом.

Каждую деталь, каждый миг, когда жизнь поворачивалась не туда – и вдруг кто-то, что-то вмешивалось, меняло ход событий.

Свои попытки что-то изменить.

Тот окрик сына, когда он уже стоял на подоконнике, решаясь шагнуть вниз.

Тот звонок из кабинета наркоконтроля, что спас его от срока.

Тот удар гопника по лицу, когда он уже принял решение «вмзаться».

Он вмешивался.

Он спасал.

Сам себя.

И тот Тимоха, прежний, живший в неведении, действительно считал всё это чудом.

Он просто не знал.

Не догадывался, что чудеса, которые спасали его от гибели, – это был он сам, протянувший себе руку через время, через жизнь, через смерть.

Тимоха закрыл глаза.

Мир качнулся, будто кто-то снял с его души пелену.

Всё стало просто. И страшно.

Он понял, что всё это время не искал спасения – он его уже получил.

– Сет, – тихо сказал Тимоха, – я принял решение.

Он говорил спокойно, без дрожи в голосе, но в этой простоте звучала тяжесть прожитого.

– Я не хочу возвращаться в Комнату после последней двери.

Мне больше нет смысла находиться здесь... и жить воспоминаниями о людях, которых я уже никогда не увижу. Это – попытка. Попытка временем.

Он сделал короткую паузу, опустил глаза, будто боялся встретиться со взглядом Сета.

– Я начну новую жизнь, – продолжил он. – И, может быть, во сне я увижу знакомые лица.

А может, где-то в толпе – случайно – что-то шевельнётся внутри... и подскажет, что я знаю этого человека.

Так бывает. Иногда мир шепчет нам знаками, и мы не понимаем, откуда они.

Может, и у меня получится.

Он поднял взгляд – уже твёрдый, уверенный:

– Ты можешь сделать так, чтобы я не вернулся в Комнату?

Сет долго молчал.

Он не удивился – будто ждал этих слов с самого начала, как ждут исход, который неизбежен.

Дым от его сигары поднимался ровной, спокойной струёй, растворяясь в свете камина, и казалось, что он тянет за собой само время – медленно, неотвратимо.

– Да, – наконец сказал он. – Могу.

Голос его был тихим, но от этого – ещё более весомым.

Он посмотрел на Тимоху внимательно, как смотрят не на человека, а на путь, который наконец подошёл к концу.

— Но ты должен понимать, Тимофей...

Ты растворись в новой жизни, и всё, что было здесь — я, Комната, Янус, даже твои слова... всё исчезнет.

Будет только новая история. Новое «я».

Он наклонился чуть вперёд, положил сигару в пепельницу, и в глазах его мелькнула редкая мягкость.

— Но действительно, может быть, — продолжил он, — где-то, когда ты будешь стоять в толпе, вдруг кто-то посмотрит на тебя так, как когда-то смотрел твой сын.

И ты не вспомнишь, кто это. Не узнаешь.

Но сердце дрогнет.

На миг.

И ты почувствуешь, что этот человек — твой.

Без объяснений, без причин. Просто почувствуешь.

Сет вздохнул, откинулся в кресле и кивнул — коротко, утвердительно, будто подводя итог.

— Это и будет твоя новая жизнь, Тимофей.

Без боли. Без ожиданий.

Ты заслужил её.

Честно.

Он встал.

Свет в Комнате стал ещё ярче — огонь в камине вспыхнул, отблески скользнули по стенам, превращаясь в мягкое сияние, похожее на рассвет.

Янус поднялся на лапы, подошёл ближе и тихо зарычал — не угрожающе, а как будто подтверждая: пора.

Сет посмотрел на Тимоху.

— Я сделаю так, чтобы ты не вернулся, — сказал он спокойно. — Но выбор останется за тобой до последней секунды.

Ты можешь передумать, пока не сделаешь последний шаг в своей последней минуте.

Он улыбнулся — едва заметно, с грустью.

— И если когда-нибудь, в новой жизни, ты почувствуешь, что это какой-то забытый сон, — просто доверься этому ощущению.

Это я дам знать, что ты всё сделал правильно.

Тимоха кивнул.

Он понимал – всё действительно подходит к концу.

– Но есть одно «но», – тихо произнёс Сет, вновь беря в руки сигару. – Янус пойдёт с тобой.

Он посмотрел на огромного дога и чуть улыбнулся, почти по-отечески, как смотрят на верного слугу, который знает своё предназначение лучше всех.

– Он будет рядом, чтобы выполнить ритуал перехода, – добавил Сет, протянув руку и мягко потрепав Януса по холке. – Он страж дверей, Тимофей. Это его работа. Его смысл.

Янус поднял голову. В янтарном глазу вспыхнуло отражение камина, будто кусочек живого пламени поселился в нём.

Он не издал ни звука, лишь внимательно посмотрел на Тимоху, словно уже знал всё, что произойдёт.

Тимоха ответил взглядом.

Без страха. Без настороженности.

Он вдруг понял, что Янус стал для него чем-то большим, чем проводником.

Он был тем, кто помог ему пройти путь – от отчаяния к осознанию, от вины к свободе.

И потому, глядя на пса, Тимоха почувствовал не ужас, как когда-то в начале, а тепло.

Родное, почти человеческое.

– Пора прощаться, друг, – сказал Сет.

Эти слова прозвучали иначе, чем всё, что он говорил прежде.

Без привычной лёгкости, без скрытой иронии, даже без той уверенности, которая всегда присутствовала в его голосе.

В них была душа. Тёплая, человеческая. Настоящая.

Тимоха почувствовал, как внутри что-то дрогнуло.

Он не ожидал, что прощание будет таким.

За время, проведённое в Комнате, Сет стал для него не просто собеседником или проводником между жизнями.

Он стал тем, кого можно было бы назвать близким – если это слово вообще способно вместить то, что происходило между ними.

Сет был тем, кто объяснил, когда нужно было понять.

Тем, кто молчал, когда нужно было дойти самому.

Тем, кто не спасал, но давал шанс спастись.

Он был намного больше, чем человек, и всё же ближе, чем кто-либо в жизни Тимохи.

И, глядя на него сейчас – на это спокойное лицо, освещённое светом камина, на лёгкую усмешку в уголках губ, на глаза, в которых отражалось всё, – Тимоха понял, что другого слова, кроме «существо», просто не существует.

Да, именно существо – божественное, древнее, ироничное, но бесконечно доброе.

Существо, которое почему-то решило принять облик Джорджа Клуни.

Тимоха поднялся с диванчика и медленно подошёл к Сету.

Его шаги звучали мягко, почти неслышно на ковре, как будто сама Комната замерла, прислушиваясь.

Он остановился напротив Сета, посмотрел ему в глаза и вдруг опустился на колени.

Это движение было не унижением, не покорностью – скорее, чем-то древним, забытым, как жест человека, который впервые за жизнь чувствует не страх, а благодарность.

Тимоха никогда не молился. Ни в церкви, ни в мыслях.

Всю жизнь он верил только в случай, в химию, в боль и в то, что спасения нет.

Но сейчас... всё было иначе.

Он положил ладони на колени Сета – спокойно, уверенно, будто таким образом хотел не просто попрощаться, а передать часть себя, ту, что наконец обрела смысл.

Сет не двинулся. Только смотрел на него – с тем же вниманием, с каким наблюдал за всеми его шагами в Комнате, от первой минуты до последней.

– Моя жизнь... – тихо начал Тимоха, и голос его дрогнул, но не от слабости, а от тяжести прожитого. – Моя жизнь оказалась пустышкой. Бесцельно прожитой, разбазаренной, никчемной.

Он замолчал, собираясь с дыханием.

– И, находясь в ней, я этого не видел. Я нёс страдания, боль, разрушение – себе и всем, кто был рядом. Я разрушал всё, чего касался.

Он поднял взгляд, в котором не было больше стыда, только искренность.

– Но здесь... в этой пустоте, в этой Комнате... я впервые обрёл себя настоящего. Когда пытался изменить прошлое. Когда увидел будущее. Когда понял, что всё – одно целое, и что нельзя убежать от самого себя.

Он выдохнул.

– Это бесценно.

В воздухе стояла звенящая тишина. Даже огонь в камине будто приглушил пламя, уступая место словам.

Тимоха улыбнулся – едва заметно, но искренне.

– Спасибо, друг.

Он произнёс это тихо, просто, но в этих двух словах было всё: признание, благодарность, любовь.

– И... прощай.

Он поднялся с колен, выпрямился и на мгновение задержал взгляд на Сете. В глазах – ни страха, ни печали, лишь тихое, светлое принятие.

Потом кивнул Янусу.

– Пора – сказал он.

Пёс, будто понимая смысл слов, поднялся с пола. Его массивное тело двинулось плавно, почти бесшумно. Янус догнал Тимоху и пошёл рядом, как всегда – величественный, сосредоточенный, верный.

Сет приподнялся из кресла и, не делая ни шага, лишь развернулся, следя за ними.

В пламени камина его силуэт казался почти нереальным – очертания расплывались, как будто даже сама Комната понимала, что всё подходит к концу.

Сценарий завершился.

Оставалась одна, последняя сцена – та, после которой опустится занавес, и театр жизни перейдёт в другое измерение.

Последняя дверь.

Последняя минута.

Тимоха обернулся, подходя к двери.

Он улыбнулся Сету – улыбкой живого человека, нашедшего смысл.

Но вдруг – будто реальность сменила фокус – вместо лица Сета он увидел другое.

Родное.

До боли знакомое.

Лицо своего отца.

Черты совпадали с удивительной точностью: тот же разрез глаз, та же складка у губ, тот же взгляд, в котором когда-то мальчик-Тимоша искал любовь и заботу.

Они с Клуни действительно были похожи – тот же типаж, то же спокойное достоинство, та же внутренняя сила.

Тимоха зажмурился и снова открыл глаза.

В спину ему всё так же смотрел Сет.

Показалось.

Мир вокруг чуть дрогнул.

Пламя в камине качнулось, отбрасывая мягкие тени, и в этой зыбкой игре света Сет произнёс:

– Прощай, Тимофей... – тихо, почти шёпотом.

ГЛАВА 18

“ПОСЛЕДНЯЯ МИНУТА”

Дверного полотна не было.

Последняя дверь зияла чёрным, пустым проёмом, за которым простиралась бездонная тьма.

Она будто дышала – глубоко, медленно, втягивая в себя остатки света и звука.

Тимоха остановился на пороге.

Лишь на мгновение.

Холод от проёма коснулся его лица, пробежал по коже, оставив лёгкий озноб.

Но он не колебался – выдохнул, сделал шаг вперёд и переступил порог.

Тьма сомкнулась вокруг.

Ни света, ни звука – только ощущение, что пространство исчезло.

Всё стало мягким, вязким, как будто время окончательно растворилось.

Чёрной тенью рядом с ним скользнул Янус – плавно и бесшумно, как хранитель древнего ритуала, сопровождающий душу в иной мир.

Не произошло падения в колодец с тысячью лиц, как это бывало при перемещениях в прошлое.

Тимоху не окутала ртутная субстанция, в которой он оказывался, когда шагал в свои вариации будущего.

И не сработал внутренний счётчик времени, который обычно отсчитывал секунды его пребывания за дверью.

Всё было иначе.

Без звуков, без света, без ощущений – словно сама Комната, которая провела Тимоху через девять миров, теперь просто замерла, выжидая.

Никакого перехода, никакого толчка. Только покой.

Такой тихий, что казалось – мир затаил дыхание.

Тимоха обернулся.

За спиной зиял дверной проём, и сквозь него был виден уголок Комнаты – кресло, освещённое мягким пламенем камина.

Без Сета.

Хозяин этого места не попадал в видимое пространство, словно сам стал частью света, растворился в нём.

Тимоха улыбнулся – спокойно, без грусти, как человек, отпускающий время, прожитое не зря.

Все разговоры, сомнения, ответы – всё осталось там, за дверью, в мире, где он наконец понял, кто он есть.

Он наклонился и потрепал Януса по голове. Тот поднял взгляд – разный, древний, полный таинственных знаний – и, не издав ни звука, двинулся рядом.

Они шли вместе, не глядя друг на друга.

И именно поэтому шаг казался ещё значительнее – как поступь двух существ, идущих туда, где всё начинается сначала.

Свет, исходящий из дверного проёма, с каждым шагом становился всё тусклее.

Он гас не сразу – медленно, как угасающий закат, растекаясь по темноте, цепляясь за пространство, будто не желая отпускать.

Но в какой-то момент просто исчез.

Мир вокруг сжался до тьмы.

Дверь растворилась, будто её никогда и не существовало.

Двух путников окутала тотальная темнота – без звуков, без дыхания, без времени.

Комната исчезла.

Растворилась в той же пустоте, из которой когда-то, возможно, и возникла.

– Ну что, друг... идём дальше, – тихо произнёс Тимоха, обращаясь к псу.

Его голос прозвучал глухо, словно сама тьма поглотила слова.

Он шёл, не до конца понимая, что происходит.

Где его последняя минута? Почему нет перехода – ни в прошлое, ни в будущее? Почему время, которое всегда было мерилom всего, вдруг перестало существовать окончательно?

В голове роились вопросы, но Янус, идущий рядом, не мог на них ответить.

Он просто шёл – уверенно, спокойно, будто знал этот путь.

Тишина в темноте начинала напрягать Тимоху, и, чтобы разбавить её хоть чем-то, он начал разговаривать с псом.

– Видишь, Янус... – тихо произнёс Тимоха, глядя в темноту, где ещё недавно был свет, – у меня так и не получилось изменить прошлое.

Финал всё равно остался прежним.

Не случилось того чуда, о котором говорил Сет.

Притча оказалась всего лишь сказкой.

Реальность – другая.

Он глубоко вдохнул. Воздух вокруг был плотным, как тёплый туман, и в этом вдохе чувствовалась усталость девяти прожитых жизней.

Шаги эхом отдавались где-то внизу – будто под ногами больше не было пола, а только зыбкая грань между мирами.

Янус подошёл ближе и прижался к его ноге. Тяжёлое, уверенное дыхание пса нарушало безмолвие, возвращая ощущение жизни.

Тимоха опустил ладонь на его голову, почувствовал густую шерсть, тепло – живое, настоящее. И от этого прикосновения стало чуть спокойнее.

– Но получилось другое, – сказал он уже тише. – Я нашёл себя. В последних минутах.

Он говорил это не в пустоту – будто отвечал самому себе, но и кому-то большому, невидимому.

Это был удивительный диалог с самим собой, обращённый к неизвестному божеству в облике огромного чёрного дога.

– А знаешь, Янус... – тихо сказал Тимоха, и голос его дрогнул, но не от слабости, а от глубины чувств. – Мне удивительно повезло.

Я смог увидеть то, что всю жизнь считал лишь мечтой.

Пусть не у меня, – он на мгновение улыбнулся, – а у другого меня, у Тимофея из той, другой реальности, где всё сложилось иначе.

Я видел, как он обретает любовь сына, как открывает сердце настоящему чувству – чистому, земному, к женщине, которая с ним всегда рядом.

Я видел, как он стоит на сцене, а люди поют его песни, словно делят с ним одну душу.

Я видел, как он держит на руках новорождённую дочь – такую крошечную, что боишься дышать, чтобы не спугнуть это чудо.

И это был не он.

Это был я.

Он замолчал, чувствуя, как от этих слов внутри становится теплее.

– Это и есть настоящее чудо, – тихо произнёс он. – Знать, что жизнь может быть другой.

Тимоха замолчал, словно заново проживая каждую из тех минут, о которых только что говорил.

Темнота вокруг жила своей тишиной – плотной и вязкой.

Тимоха и Янус продолжали свой путь.

И вдруг – где-то далеко, на грани восприятия – вспыхнула крошечная точка света.

Сначала едва заметная, как огонёк спички в бесконечной ночи.

Потом она стала чуть ярче, чуть ближе.

Свет не был холодным, как лампа, и не тёплым, как пламя камина из Комнаты – он был живым.

Он дышал, колыхался, будто приглашая подойти.

Тимоха ускорил шаг.

Тьма не сопротивлялась – наоборот, будто расступалась перед ним, растворяясь, как туман.

И с каждым шагом этот свет становился всё отчётливее, постепенно приобретая форму.

Когда он подошёл ближе, перед ним проступила картина – простая, но невозможная.

Посреди темноты стояла маленькая песочница, освещённая мягким, пульсирующим сиянием, будто само пространство обнимало её.

А в песке, опустив голову и чертя пальцем узоры, сидел ребёнок.

Мальчик.

Совсем маленький.

Свет падал на его кудрявые волосы, превращая их в золотистую дымку.

Тимоха замер.

В груди что-то сжалось.

Он уже знал, кто это.

Малыш поднял голову, чтобы посмотреть, кто потревожил его игру.

Тимоха застыл – перед ним сидел он сам. Маленький Тимоша.

Наивный, открытый, светлый ребёнок, которому от силы было два года.

Щёки чуть припорошены песком, глаза – глубокие, чистые, как небо, в котором ещё нет ни одной тучи.

Малыш не испугался незнакомого мужчину с огромной чёрной собакой.

Наоборот – в его взгляде мелькнула симпатия, как будто в этом не было ничего странного.

Будто это была привычная картина из его детского мира, где чудеса ещё не казались чем-то невозможным.

Он чуть наклонил голову, улыбнулся – просто, по-детски – и снова опустил взгляд в песок.

Мелкими пальчиками он провёл по его поверхности, чертя узор, понятный только ему одному.

А потом поднял глаза и, с какой-то естественной уверенностью, жестом пригласил Тимоху присесть рядом.

Мол, давай играть.

Свет вокруг стал мягче.

Даже Янус, стоявший чуть поодаль, опустился на землю, положив морду на лапы, будто понимая: сейчас происходит нечто.

Тимоха, ошарашенный, медленно присел рядом.

Он не знал, что сказать, да и любые слова сейчас казались лишними.

Перед ним сидел он сам – маленький, живой, настоящий.

Тот самый мальчик с фотографии, которая всегда стояла у мамы на полке серванта.

Кудрявый, смеющийся, с открытым взглядом и чистой улыбкой, в которой ещё не было ни тени боли, ни следа усталости.

Он словно сошёл с того снимка – оживший образ детства, где мир ещё пах летом, солнцем и пломбиром за двадцать восемь копеек.

Слёзы сами собой выступили на глазах, застилая пространство перед ним прозрачной дымкой.

Тимоха не сдерживал их – впервые за долгое время не прятал, не стыдился.

Он просто смотрел.

С восхищением, с теплом, с той тихой нежностью, которую взрослые часто теряют вместе с детством.

Маленький мальчик, погружённый в игру, иногда поднимал голову и с любопытством посматривал на незнакомого мужчину.

В его взгляде не было страха – только доверие, будто где-то в глубине он понимал, кто перед ним.

Он улыбался – легко, открыто, по-настоящему – и время от времени, как будто нарочно, бросал пригоршню песка к ногам Тимохи, будто проверяя, настоящий ли он или просто видение.

Песчинки мягко осыпались по грязным джинсам, оставляя на ткани золотистые следы.

Янус чуть пошевелился, посмотрел на мальчика, потом на Тимоху и снова улёгся, положив морду на лапы.

Свет вокруг стал почти осязаемым, будто исходил не от песочницы, а от самого ребёнка.

Мир сжался до этого маленького круга света, в котором были только покой, игра и тихое чудо встречи с самим собой.

– Привет... – тихо произнёс Тимоха, боясь нарушить волшебство момента.

Голос его прозвучал хрипло, непривычно – словно эти слова пробирались сквозь годы, преодолевая время и пространство.

Мальчик поднял голову, посмотрел прямо на него и улыбнулся – так искренне, что сердце сжалось.

– Привет, – ответил он просто и снова опустил взгляд в песок.

Пальчики продолжали рисовать круги и линии, как будто в них скрывалась какая-то важная тайна, понятная только детям и богам.

Тимоха хотел сказать многое.

Хотел рассказать, кем он стал, сколько ошибок совершил, как часто хотел всё исправить.

Хотел попросить прощения у этого маленького мальчика, который когда-то верил в чудеса и в то, что всё обязательно будет хорошо.

Но слова не находились.

В горле стоял ком, дыхание стало прерывистым, и казалось, что одно неверное движение разрушит хрупкую нить между ними.

– Ты играешь? – наконец спросил он.

– Угу, – кивнул мальчик, не поднимая головы. – Я строю замок.

– Замок? – переспросил Тимоха и невольно улыбнулся.

– Да, – серьёзно сказал малыш. – Для мамы. Чтобы она не грустила.

Эти слова ударили наотмашь.

Тимоха закрыл глаза, пытаясь удержать накатовающее чувство.

Мир вокруг будто замер, оставив лишь шорох песка и детский голос, звучащий как отголосок далёкой, забытой мечты.

Мечты, которой никогда не было. А сейчас появилась.

Тимоха долго молчал, наблюдая, как маленькие руки начали лепить башенки из песка.

Каждое движение ребёнка казалось осмысленным, почти

священным — как будто он не просто играл, а восстанавливал разрушенное, возвращал форму тому, что было потеряно.

Тимоха открыл рот, чтобы что-то сказать, но слова застряли.

Он подыскивал их — не красивые, не правильные, а настоящие.

Такие, в которых только правда.

— Знаешь... — начал он едва слышно. — Я... много всего сделал неправильно.

Мальчик поднял голову, посмотрел прямо в глаза, и от этого взгляда у Тимохи внутри всё перевернулось.

— Я часто обижал людей, — продолжил он, с трудом выговаривая каждое слово. — Тех, кто любил меня. И... самого себя. Тебя.

Он отвёл взгляд, опустил руки, сжал пальцы в кулаки.

— Я потерял очень многое. Я потерял всех. Я пытался всё изменить... но это невозможно.

Он выдохнул и прошептал, почти беззвучно:

— Прости меня...

Мальчик внимательно смотрел на него, не мигая.

Потом снова улыбнулся — той самой безусловной улыбкой, какой могут улыбаться только дети и ангелы.

Он протянул руку, коснулся пальцев Тимохи и тихо сказал:

— Я тебя уже простил.

Эти слова прозвучали просто. Не символически, не метафорически — по-настоящему.

Тимоха вздохнул.

Будто кто-то снял с него огромный груз, тот самый, что давил на грудь всю жизнь.

Воздух вокруг стал теплее, мягче.

Свет вокруг песочницы усилился, осветив их обоих — человека и ребёнка, ставших на мгновение одним целым.

В темноте, чуть в стороне от песочницы, поднялся Янус.

Медленно, тяжело, как древнее существо, просыпающееся от векового сна.

Он выпрямился во весь свой рост, его силуэт казался огромным и почти нереальным — словно сама тьма обрела форму.

В глазах вспыхнул огонь, отражая свет песочницы, и этот свет дрожал, будто от сильного ветра, которого не существовало.

Янус вытянул морду вверх, и в следующую секунду из его груди вырвался вой.

Пронзительный.

Древний.

Такой, что воздух вокруг задрожал, а песок в песочнице пошёл рябью.

Этот звук не был просто звуком — он был зовом, приказом, знаком того, что момент настал.

Тимоха не успел ни вскрикнуть, ни понять.

Песок под ним дрогнул, словно ожил, и вдруг разошёлся — с тихим, глубоким звуком, как вода, срывающаяся водопадом.

Он почувствовал, как земля уходит из-под ног, как тело теряет опору.

Мир перевернулся.

Песчинки вспыхнули короткими искрами, обжигая кожу, и Тимоха провалился внутрь песочницы — вниз, туда, где не было ни света, ни звука.

На поверхности остался сидеть маленький Тимоша.

Он сидел спокойно, глядя в пустоту, и тихо продолжал строить башни, словно ничего не произошло.

Тьма рвалась, как ткань, и Тимоха вдруг ощутил, что падает — не вниз, а вовнутрь.

Падение было тихим, как сон, без ветра, без страха, но с той умолимой тяжестью осознания, когда понимаешь: возвращаешься туда, откуда начал путь.

Мгновение — и вокруг стали появляться очертания.

Сначала расплывчатые, как будто он смотрел сквозь мутное стекло, потом — всё яснее.

Стены.

Жёлтые обои.

Лампочка под потолком, шатающаяся от лёгкого сквозняка.

Началась последняя минута.

Внутренний счётчик, вопреки привычной логике времени, не убывал, а наоборот — отсчитывал её в обратную сторону: не вниз, а вверх, будто кто-то незримо запускал финальный таймер, но вместо того чтобы отнимать, он прибавлял.

1 секунда.

Он оказался в знакомом пространстве — в своей комнате, в той самой квартире, откуда всё и началось.

Не было ни света, ни звуков, только узнаваемая тишина, в которой притаились воспоминания.

Только запах. Уксуса и растворителя.

И запах боли.

Здесь началось его путешествие: отсюда он вышел однажды – возможно, даже не физически, – чтобы попасть в Комнату, ту самую, с дверями и тенями жизней, что прятались за ними.

С этого пустого, серого места началась та цепь событий, которая привела его к моменту, где границы между реальностью, памятью и вечностью перестали существовать.

4 секунды.

На полу лежал он сам.

Без движения, без дыхания, с широко раскрытыми глазами, в которых уже не было жизни.

Тело, медленно забираемое смертью, казалось почти чёрным – словно сама тьма мира впиталась в его кожу, волосы, пальцы, каждый изгиб.

Рядом лежал баян. Из иглы, как из раны, на линолеум капала тёмная жидкость – остаток дозняка, смешанного с кровью.

С того момента, как Тимоха рухнул на пол, прошло девять минут.

Девять долгих, никем не замеченных минут.

Ни соседи за стеной, ни люди за окном, ни сам он уже не знали об этом.

Девять минут, в течение которых жизнь медленно вытекала из тела.

Девять минут забвения.

Оставалось меньше минуты до того, как его мозг окончательно умрёт без доступа к кислороду.

10 секунд.

Тимоха переместился к телу.

Он смотрел на самого себя – на лицо, лишённое напряжения, на пальцы, согнутые в последнем движении, на грудь, не поднимающуюся от вдоха.

Внезапно тело дёрнулось в резкой, судорожной конвульсии.

Рывок был сильным, резким и неожиданным, как будто организм в последний раз пытался вырваться из лап небытия.

Но за этим движением не последовало ничего.

Ни дыхания.

Ни возвращения.

Ни чуда.

Жизни в нём не прибавилось.

17 секунд.

Тимоха медленно опустился на пол и лёг рядом с собственным телом.

Всего в нескольких сантиметрах от него было его же лицо – но уже другое, пустое, уходящее.

Слишком мёртвый, чтобы быть собой, и всё ещё слишком узнаваемый, чтобы быть кем-то другим.

Он смотрел прямо в широко раскрытые глаза, в которых застыла последняя мысль, последний страх или, может быть, последнее принятое решение.

Два лица, одно напротив другого. Одно способное к осознанию, другое – уже навсегда застывшее.

Тимоха вглядывался в самого себя, будто пытался разглядеть что-то невидимое, что-то, что необходимо запомнить.

Он заглядывал в зеркало, которое больше ничего не отражает.

29 секунд.

Это – последние воспоминания этой жизни.

Совсем скоро, через полминуты, они исчезнут – сотрутся окончательно, будто их никогда и не было.

Он забудет лицо напротив – своё собственное, теперь уже мёртвое и неподвижное.

Он забудет эту комнату, в которой прошло столько бессонных ночей, проведённых в ломках на прожжённом сигаретами диване.

Забудет каждый сантиметр линолеума, запотевшее окно, запах сигарет и растворителя, жёлтые обои, эмалированную миску.

Из сознания исчезнут родители, их голоса и прикосновения.

Исчезнет лицо сына, его тёплая ладонь в руке.

Всё, что было его жизнью – и светлое, и тяжёлое, – распадётся на ничто, уйдёт за горизонт, откуда не возвращаются.

Пропадёт детство с его подворотнями, травмами и счастьем.

Исчезнут школьные звонки, шумные компании, первая любовь, ссоры и примирения, смех друзей.

Университет, движухи, стремления, страхи, гордость, ошибки – всё растворится, как чернила в воде, не оставив даже осадка.

Жизнь, такой долгой казавшаяся когда-то, теперь представлялась странно короткой и пугающе бессмысленной.

Осталось всего полминуты – и после неё начнётся нечто иное.

Не перерождение, а просто новая история – белый лист, не связанный с прежним.

Он окажется в другом теле, с другим именем, в другой стране, среди других людей.

Возможно, он будет мальчиком, рождённым в шумной восточной семье, или девочкой, впервые вдохнувшей воздух на далёком побережье неизвестного океана.

Никто не знает.

Неизвестны будут и лица родителей, и язык, на котором ему скажут первое слово, и правила, по которым ему придётся жить.

Он больше не вспомнит, кем был.

Всё, что имело значение здесь, перестанет существовать.

Только что-то неясное, слабое, может быть, тёплое или тревожное, останется глубоко внутри – как отголосок чужого сна, как чувство, которое не объяснишь словами, но которое будет жить в нём, не зная своего имени.

37 секунд.

Не связывали больше ни страх, ни вина, ни сожаления.

Всё, что держало его в этой жизни, растворилось, оставив лёгкость, почти незнакомую ему прежде.

Он не чувствовал ни горечи, ни страха перед тем, что ждёт по ту сторону.

Лишь спокойствие – как будто он наконец дошёл до конца длинной дороги, на которой заблудился.

Смотря самому себе в лицо, Тимоха ощущал искупление.

В этих застывших чертах, в этом чужом и одновременно родном взгляде не было больше боли.

Он видел не смерть – он видел прощение.

Себя.

Мира.

Теми, кто остался, и теми, кого уже нет.

Всё, что было, осталось позади.

И всё, что могло бы быть, теперь не имело значения.

Он уходил не сломленным, не потерянным, а с принятием.

Он уходил свободным.

48 секунд.

Тимоха улыбался. Легко. Спокойно. Без тени напряжения – как улыбаются те, кто больше ничего не боится.

Осталось только сказать.

Слова самому себе. Последние. Те, в которых нет смысла для адресата, но есть — для говорящего.

Эти слова никто не услышит, никто не запомнит, никто не передаст.

Но именно поэтому их и нужно сказать — не для кого-то, а для себя.

Чтобы путь завершился не паузой, а точкой.

Чтобы осталась форма, пусть даже исчезнет содержание.

Он искал их внутри — короткие, честные, простые.

Он хотел, чтобы в них было всё: и прощение, и признание, и, может быть, что-то похожее на любовь.

Потому что никто не знает человека так, как он сам.

Никто не заслуживает этих слов так, как тот, кто лежал напротив — молча, неподвижно, навсегда.

51 секунд.

Слова вырвались наружу сами, как будто произнёс их кто-то другой, словно через него говорило само пространство.

— Мы встретимся.

Обязательно ещё встретимся.

Я люблю тебя, — прозвучало где-то между вдохом и тишиной.

Тимоха перевернулся на спину.

Потолок будто растворялся в темноте, а комната теряла форму.

Всё вокруг замерло — ни звука, ни дыхания, только ощущение покоя, которое впервые за долгое время не пугало.

55 секунд.

Жизнь удивительна.

56 секунд.

Удивительно коротка.

57 секунд.

Я готов.

58 секунд.

Я свободен.

59 секунд.

.....

.....

.....

ВЗДОХ.

Где-то в глубине пространства, среди безмолвной и плотной тьмы, раздался тихий, почти незаметный звук зажигаемой спички.

На мгновение мрак дрогнул, и тонкий огонь прорезал его.

Темнота отступила, уступая место свету.

В нём проявилось лицо мужчины – удивительно похожего на Джорджа Клуни.

Он улыбался – спокойно, с тем выражением, которое бывает у человека, наконец сделавшего то, к чему шёл всю жизнь.

Это была улыбка удовлетворения, усталости и понимания.

Огонёк коснулся кончика сигары, и в пространстве повис аромат тлеющего табака.

Спичка погасла.

Тьма вновь сомкнулась вокруг, но теперь в ней осталась лишь одна крошечная точка – красный уголёк, мерцавший в безграничной пустоте, как потерянная судьба, сумевшая вернуться в своё тело.

ОУТРО

По пыльным ступенькам, вырубленным прямо в горной породе, медленно поднималась старушка.

На ней была белая майка с надписью: «Будь собой. Весь мир привыкнет», порванные голубые джинсы и светлые кеды – поношенные, но чистые.

В руках – небольшой сосуд, за спиной – рюкзак, в котором глухо перекачивались бутылка воды и, возможно, несколько воспоминаний, ставших осязаемыми.

Каждый шаг давался тяжело.

Перед каждым движением она замирала – не от боли, а словно сверяясь с невидимыми внутренними часами:

«Ещё немного...»

Время делало свой стоп-кадр старости: честный, без ретуши, но с молчаливым достоинством.

Ни грамма жалости.

Только путь.

Туристов на горе уже не было.

Последний автобус ушёл час назад.

Одинокие пары, торопясь к своим арендованным машинам, оборачивались на неё – с удивлением, лёгким сочувствием и тревогой, будто боялись, что она не дойдёт.

Но она шла.

Упрямо, шаг за шагом, словно в ней бился невидимый метроном.

Наверху ветер был другим – чистым, высоким.

Он не пах даже пылью – только океаном и тишиной.

Старушка дошла до края скалы и села на плоский камень.

Медленно сняла рюкзак, достала сосуд, аккуратно открутила крышку и высыпала содержимое в ладонь.

Несколько мгновений она просто смотрела на руку – с такой теплотой, что в этом взгляде было больше жизни, чем во всех прошедших годах.

Потом подняла её, вытянула вперёд.

Прах поднялся лёгким облаком, послушно выскользнул из её пальцев – будто ждал этого слишком долго.

Ветер подхватил его и унёс в сторону океана, где солнце уже касалось горизонта.

Частицы закружились над островом, и на миг показалось, что они сами стали частью света.

Она улыбнулась.

Без слёз, без горечи.

С детской, искренней радостью – как человек, который наконец выполнил самое важное обещание.

В наушниках играли «Прежними».

Ночь опускалась медленно, почти ласково.

Где-то внизу сиротливо ждал арендованный автомобиль, но теперь он уже не казался одиноким.

Потому что на вершине горы, под чёрным небом с первыми звёздами, Тимоха обрёл истинную свободу.

Тимоха вернулся домой.

Мама, у тебя получилось!

БЛАГОДАРНОСТИ

Спасибо всем, кто когда-то был рядом – даже если всего на мгновение.

Тем, кто спасал, не зная, что спасает.

Тем, кто ранил – чтобы я научился исцеляться.

Моей семье – за терпение и веру.

Маме, любимой жене Тане, моим замечательным детям – Мите и Теоне – за то, что вы есть в моей жизни и являетесь её смыслом.

Сестре – за любовь и поддержку.

Моим друзьям – за свет, который не гаснет, и за энергию, которую вы мне дарите.

Тем, кого уже нет рядом, – за то, что я всё ещё слышу вас.

Вы навсегда в моём сердце.

Отдельное спасибо пяти парням, которые помогли мне прийти к решению написать эту книгу:

Димону, Кирибасу, Мите, Стасяну и Виктору Викторовичу.

Без вас всех этой книги бы не было!

Эта книга – мой путь к принятию себя. Путь от ненависти к собственному прошлому – до благодарности за то, кем я стал благодаря ему.

Я живу удивительную жизнь.

И когда меня спрашивают, хотел бы я что-то изменить, я отвечаю: нет.

Спасибо!

С любовью!

Перейти по QR-коду - всё о книге и авторе в одном месте